

1

1965

ИскаТЕЛЬ

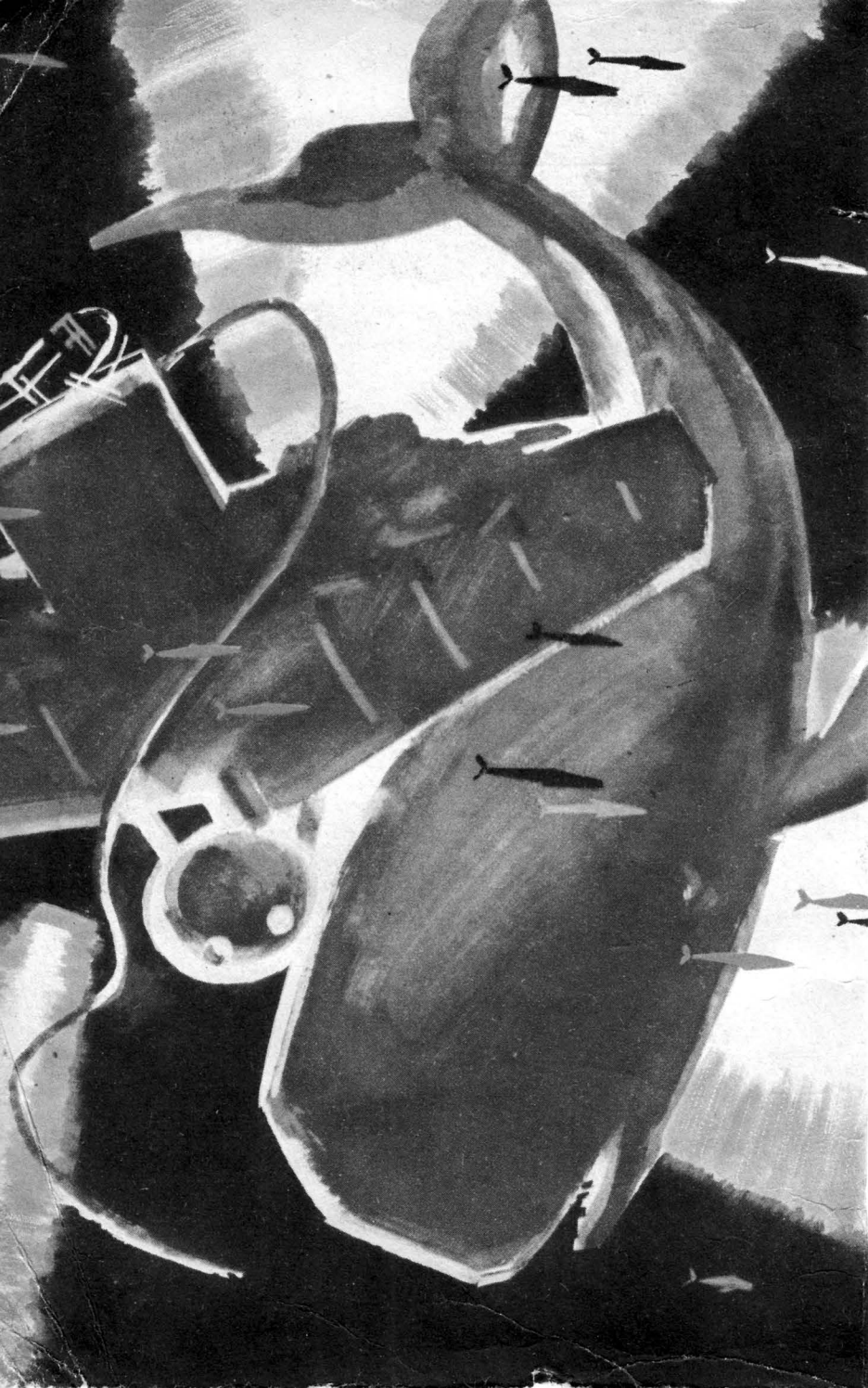
ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

13.00 Выходим на цель
Отбиваем атаки мессершмидт
Помощь: ж. д. состав,
... склад боеприпасов

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ :

Николай ВИХИРЕВ. С «Аймо» в бою . . .	3
Юрий ТАРСКИЙ. Мат «Черному королю»	24
Л. КРИВЕНКО. Солдатская сказка 1943 года	37
Глеб ГОЛУБЕВ. Огненный пояс . . .	46
Роберт ШЕКЛИ. Земля, воздух, огонь и вода	70
А. ЯКОВЛЕВ, Я. НАУМОВ. Тонкая нить	78
В. ЧЕРНИКОВА. Шифр времени . . .	107
Кира СОШИНСКАЯ. Подводный бык .	114
Из блокнота «Искателя»	119
Аркадий АДАМОВ. След лисицы . .	123
Владислав ЗОРИН. Зверобой	145
Гильберт Кит ЧЕСТЕРТОН. Проклятая книга	148

№ **1** (25)

1965
ПЯТЫЙ
ГОД
ИЗДАНИЯ

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

«Искатель» вступает в пятый год существования. Каким ты увидишь издание в новом году?

Начиная с этого номера, мы приступаем к публикации очерков, рассказов, документальных записей, посвященных двадцатилетию победы над фашистской Германией.

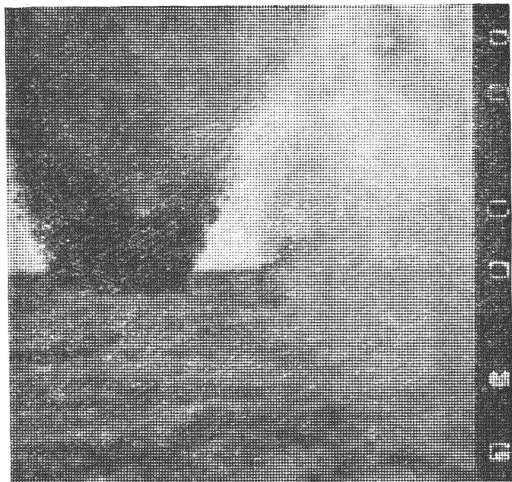
В этом году ты будешь чаще встречаться со своим современником. Молодой герой наших дней предстанет со страниц и больших приключенческих повестей и коротких рассказов.

Среди писателей-фантастов ты найдешь и знакомые и новые имена.

Обычное место займут рубрики и разделы, которые стали уже традиционными.

Ждем твоих откликов о содержании «Искателя» и предложений новых тем.

РЕДАКЦИЯ

НИКОЛАЙ ВИХИРЕВ

С „АЙМО“ В БОЮ

Все четыре года Великой Отечественной войны кинооператор Николай Александрович Вихрев провел на фронте. Он снял множество боевых эпизодов, запечатлев на кинопленке тяжелый ратный труд, беспримерный героизм советских воинов.

Мы предлагаем читателям отрывки из книги воспоминаний, над которой сейчас работает кинооператор.

Записки фронтового кинооператора

В ПЕРВЫЕ ДНИ

С первых же дней войны на московской студии кинохроники был образован штаб. Мы получили аппаратуру, пленку и сразу разъехались по фронтам. Я попал в кинобригаду Юго-Западного фронта.

Через день мы были в Киеве и, как только получили машину, отправились с оператором Женей Мухиным на передовую.

С шоссе свернули на проселок и, не проехав километра, застряли в песчаных дюнах.

Пока откапывали увязшие в песке колеса, к нам подошел офицер.

— Кто еще такие?

Я узнал своего попутчика по дороге из Москвы в Киев майора Смагина; Смагин тоже узнал меня, пожал руку.

— Ну вот, видишь, встретились!

— Товарищ майор, объясните нам обстановку.

Смагин сел на кочку, сорвал соломинку и, медленно ее покусывая, сказал:

— Я сам только прибыл сюда. Назначили командиром артиллерийского дивизиона. А от него остались две пушки всего. Окопались тут недалеко, ждем. Связи с соседями нет.

Мы пошли вместе со Смагиным в расположение его дивизиона. Даже мы, люди далеко не военные, оценили, насколько удобную позицию выбрал старый воин. Впереди виднелись река и мост.

— Я его на всякий случай заминировал; взорву, если сунутся, — сказал Смагин.

Орудия были замаскированы в мелком кустарнике, и отделили их от дороги два небольших, но довольно обрывистых оврага.

— Может быть, у нас остановиться? — предложил Смагин.

— Да нет, пожалуй, еще вперед проскочим, — сказал я.

Артиллеристы Смагина помогли нам вытащить «эмку», и мы, проехав минированный мост, устремились дальше.

Километра через четыре мы выскочили на холмик, и тут шофер резко затормозил.

— Фашисты, — прошептал он.

Прямо на нас, поднимая пыль, мчалась колонна танков. На наши они не походили — высокие гусеницы, низкие башни, темная окраска. Шофер круто развернул. И в этот момент спустилась шина.

— Гони!

Мотор взвыл, и наша «эмка», прыгая как подбитая птица, помчалась назад. Я оглянулся. Танкисты передней машины заметили нас.

С грохотом в облаке пыли танк приближался. Наша машина тряслась, как пневматический молоток, хлопала старенькими крыльями, гремела всеми своими железками...

Танк выстрелил. Разрыв снаряда швырнул задок «эмки» в сторону, но шофер круто вывернул руль и удержал машину на дороге. Уже окончательно рассыпаясь, «эмка» проскакала через мост и нырнула в кустарник. Мотор заглох сам. Пригибаясь, мы бросились к артиллеристам Смагина.

— Фашисты! Колонна! — крикнул на ходу Женя Мухин.

— Эва-а, вон они! — удивленно воскликнул солдат. На его лице не отразилось испуга, только любопытство.

— Мост не взрывать! Пропустим пяток танков вперед! — скомандовал Смагин.

Танки спустились с горы и ринулись к мосту.

— Один, два, пять, семь, — считал тот же боец, прильнув к стереотрубе. — Двенадцать, товарищ майор!

— На первый раз хватит, — спокойно произнес Смагин и не торопясь стал закуривать.

— Заряжай! — крикнул он, выпустив дым.

— Заряжай! — пробежала команда по реденькой цепочке солдат.

Глухо звякнули замки орудий. Танки въехали на мост. Теперь я четко видел кресты на их башнях, толстые, короткие стволы пушек, приоткрытые люки.

— По первому прямой наводкой!..

Танк съехал с настила моста и, заметно сбавив скорость, пополз на большак.

— Огонь!

Снаряд разорвался чуть дальше танка, но другой ударил прямо в башню. Густо взвился столб черного, коптящего дыма.

— По пятому прямой наводкой...

Смагин зачем-то снял фуражку, подставил лысеющую голову жаркому июльскому солнцу. Он подслеповато щурил глаза, командовал, как на ученье, — просто и спокойно. Это спокойствие, видимо, передавалось бойцам, и они деловито, сноровисто хлопотали у орудий, наводя на цель длинные, окрашенные в зеленый цвет стволы.

— Огонь!

Танк, распутывая гусеницу, закрутился на месте и затих. Из люков вынырнули танкисты и побежали назад. Артиллеристы, не ожидая команды, открыли огонь из винтовок по удирающим фашистам.

Смагин повернулся к бойцу у стереотрубы.

— Клименко, взрывавай мост!

Боец выдернул из-за куста подрывное магнето и сильно крутнул рукоятку, но взрыва не было. Танки, обходя подбитую машину, лезли на мост, разворачивая пушки в нашу сторону.

— Я сейчас, разрешите? — Клименко выпрыгнул из окопчика и, прижимая к груди связку гранат, скрылся в ельнике.

Танки открыли огонь. Но они еще не нащупали наши пушки.

С тугим воем снаряды проносились над нашими головами и разрывались далеко за нами, в сосновом лесу.

Третий подорванный танк загородил дорогу окончательно. На мосту скопилось сразу пять машин.

И тут я сообразил, что надо снимать. Из «эмки» вытащил свой «Аймо» и прильнул к визирю.

Как внезапно исчез, так и появился Клименко. Ни слова не говоря, он снова крутнул ручку машинки. Раздался сильный взрыв. В воздух полетели бревна и доски. По накренившимся остаткам настила танки свалились в воду.

— Фашистов бить можно, — глухо сказал Смагин. — И будем бить. Будем!

Три танка дымили, четыре завалились в реку, остальные пять повернули назад.

Я, как ни волновался, заснял все-таки эпизоды этого скоротечного боя. Кадры вошли в боевой киносборник.

...Прошел день. Я был в Броварах — предместье Киева.

Выбрав минуту, сбегал к знакомому штабному офицеру и рассказал ему об артиллеристах Смагина. Офицер нашел на карте место, где вчера мы наблюдали бой.

- А Смагин ваш родственник? — спросил он.
- Нет, просто знакомый, хороший боевой командир.
- Фашисты обошли вот этой дорогой, севернее. Такова их тактика: встретят сопротивление — обходят стороной.

ПЕРВАЯ БОМБЕЖКА

После того как мы вернулись со съемок, Женя Мухин уехал в другую часть, а мне в напарники дали недавнего выпускника ВГИКа Борю Вакара, смелого, горячего, неунывающего парня. Боря часто повторял: «На нас сейчас смотрит весь мир, наш киноаппарат будет стрелять без промаха!»

Вместо «эмки» в нашем распоряжении оказался «пикап» с очень хозяйственным шофером Казиком Беднарским.

Хотя «пикап» был ободран, но мотор у него стоял новый, а в багажнике лежали новенькие шины с камерами, аккуратно завернутые в мешковину и пересыпанные тальком.

Поэтому ехали мы, нужды не зная. Дорога вела нас в городок Ичню, где базировался штаб дивизии бомбардировщиков полковника Богородецкого.

Вместе с Борей Вакаром я должен был заснять боевые будни летчиков этой дивизии, о которой уже шла слава по Юго-Западному фронту.

Неожиданно впереди себя мы увидели колонну автомашин. Заподозрив, что это прорвались гитлеровцы, мы свернули с дороги и приготовили гранаты и винтовки. Когда колонна приблизилась, Вакар воскликнул:

— Да ведь это наши!

Мы вышли на дорогу. Из остановившихся грузовиков выскочили запыленные, давно не бритые и не мытые шоферы. Один из них, пожилой усатый старшина, потребовал документы.

— Фашисты кругом шныряют. Думали, что вы тоже от них, — сказал старшина, возвращая нам документы.

— А в чем дело? — поинтересовался Вакар.

Старшина не торопясь достал кисет и стал сворачивать козью ножку.

— Понимаете ли, едем, значит, большаком. Мы тут своим боеприпас возим. Останавливают нас трое лейтенантов с повязками. Из военных, значит, контроль-пропускников. «Куда следуйте да зачем?» Говорю: туда-то. «Поворачивайте...» — и указывает на другой пункт. А у меня один землячок еще позавчера говорил, что туда фашисты прорвались. Тут, думаю, что-то неладно. Ребята мои, значит, окружили этих лейтенантов. Обратили внимание, что из трех говорит только один, а остальные молчат, только руки на кобурах держат. Я вроде бы незначай к другому: как это, мол, так, товарищ лейтенант, у нас же приказ, да и мы уже не первый раз едем? Тот промывчал что-то. И тут уж сомнения нет, диверсанты, язви их в душу! Не успели они и пистолеты вытащить, как мы их скрутили. Вот везем груз! Хотите посмотреть?

В кузове одного из грузовиков увидели мы этих «лейтенантов». Они посмотрели на нас и отвернулись.

Позже мы узнали, что это были агенты из дивизии «Бранденбург». Спустившись на парашютах в советской военной форме, они должны были сеять панику в нашем тылу, дезориентировать движение войск. Бдительность старшины-шофера помогла быстро обезвредить диверсантов.

Рано утром приехали в Ичню. В политотделе дивизии нас встретил полковой комиссар Брагин, старый партийный работник, серьезный, вдумчивый человек. Коротко и правдиво он изложил нам обстановку:

— В первые же дни войны гитлеровцы разгромили много наших аэродромов. Потери большие. Сотни самолетов сгорели, не успев взлететь в воздух. Это дало возможность фашистам заявить, что советские Военно-Воздушные Силы разгромлены. Вы сами видите, — Брагин развел короткими руками, — кто сейчас в этом районе в воздухе? «Мессершмитты», «хейнкели», «юнкерсы». Редко-редко увидишь в небе наш «ястребок». В строевых частях новой техники еще мало. В этом отношении полк Пушкарева исключение. Он укомплектован современными машинами. Вы увидите их в деле.

— Скажите, товарищ полковой комиссар, а что за летчики эти гитлеровцы? — спрашиваю.

— Летчики... — на мгновение Брагин задумался. — Хорошие летчики. В основном молодежь лет двадцати — двадцати трех. Со школьной скамьи им вдолбили мечту о подвигах, о военной славе. Но и кроме того, они успели накопить боевой опыт в Европе.

Из Ични мы выехали в деревню Малая Девица. Там, на окраине, в березовой роще и на прилегающем поле, расположился полевой аэродром бомбардировочной авиации — полк «ПЕ-2».

Полковник Пушкарев — высокий, крепко сложенный мужчина с загорелым, обветренным лицом — оказался радушным хозяином. На его кителе блестели два ордена Красного Знамени за Халхин-Гол.

Нас зачислили на довольствие, оформили пропуска на аэродром, определили на квартиру.

Понравилась летчики — хороший народ, добродушный, любящий острое слово.

— Стало быть, летишь? — с завистью спросил Боря Вакар утром.

— Лечу.

По глазам вижу: ему очень хочется тоже лететь. Но командир полка разрешил взять в боевой вылет только одного кинооператора.

А Боря Вакар еще успеет навоеваться. Он будет летать на бомбардировщиках, с автоматом и киноаппаратом драться в битве на Волге, его наградят орденом боевого Красного Знамени и Государственной премией. Но погибнет этот хороший, добрый товарищ, талантливый оператор далеко в гитлеровском

тылу, в знаменитом рейде Ковпака. Его жизнь оборвется, когда он вместе с передовым отрядом партизан будет отстреливаться от эсэсовцев, засевших в засаде...

На аэродроме я узнал, что полечу с летчиком Ереминым. Здесь же был полковой комиссар Брагин. Он сказал мне:

— Чтобы вы полетели, мы снимаем с самолета одну бомбу.

Значит, из-за меня одна стокилограммовая бомба не упадет на голову врага. Значит, летчик Еремин, штурман Заварихин и стрелок-радист Коков нанесут по гитлеровцам заведомо ослабленный удар. Смогу ли я в своей короткой ленте возместить этот ущерб?..

Кабина у «ПЕ-2» тесная, с трудом я умецаюсь между летчиком и стрелком-радистом над бомболюком, прижимаю к груди свой «Аймо». Механики сбросили с плоскостей березовые ветки, маскировавшие самолет с воздуха, убрали из-под колес колодки. Взревели моторы. Подскакивая, самолет побежал по неровному, кочковатому полю.

«Пешка» быстро набрала скорость, оторвалась и круто пошла вверх, пристраиваясь к ранее взлетевшим самолетам. Сразу стало прохладно. В кабину дуло.

Коков, девятнадцатилетний паренек, с острым носиком, стриженный наголо, взял надо мной шефство. Он обещал за пять секунд до начала бомбометания предупредить меня. Его я снимал вчера, когда полковой комиссар Брагин вручал ему красную книжку коммуниста.

На земле покоились предутренние сумерки, а нас уже освещало встающее солнце.

Штурман показал вниз. Я догадался — пролетаем линию фронта. И с той и с другой стороны желтеют прямоугольники полей, и там и здесь сбегают и разбегаются островки садов. Слева — дым. Это горит Белая Церковь.

Рядом шли другие самолеты. Через плексиглас соседней машины я разглядел командира эскадрильи капитана Шабашова. У него было забинтовано лицо, и вчера, помню, он искал шлем побольше, чтобы не давил на повязку.

Неделю назад его машину атаковали «мессеры». Самолет Шабашова загорелся. С большим трудом летчик выбрался из пламени, но слишком рано раскрыл парашют. Гитлеровцы начали охоту за безоружным пилотом. Они били из пулеметов не по летчику, а по стропам парашюта, хотели позабавиться зрелищем, как русский летчик полетит вниз, когда они оборвут все стропы.

На нескольких уцелевших стропах, еле удерживающих купол, обгоревший, полуослепленный Шабашов спустился на передовую, добрался до наших солдат. Командир полка хотел немедленно отправить его в госпиталь, но он каким-то образом остался. В медпункте ему перебинтовали лицо и голову, и теперь Шабашов снова вел эскадрилью на врага.

Вдруг самолет резко тряхнуло. Я успел заметить черное облако, быстро уносившееся назад.

— Ничего, зенитки бьют! — наклонившись к уху, крикнул Коков.

То тут, то там, как чернильные пятна, всплескивались разрывы снарядов. Иногда они приближались к строю, и самолеты

сильно качало от взрывных волн. Внизу по извилистой ленте дороги пылили танки. Сверху они походили на черные спичечные коробки. Наши самолеты рассредоточились и один за другим пошли в пике.

— Готовьтесь! — Коков сильно толкнул меня в плечо.

Я поймал в визир соседний пикировщик Шабашова, нажал на спуск. Шабашов склонил бомбардировщик к земле. Раскрылись створки бомболюка. Через секунду серия бомб оторвалась от самолета и, наращивая скорость, пошла к земле.

Следом за Шабашовым в пике ринулась наша машина. В кабине заметался ветер. Меня сильно прижало к стенке. В верхний люк видны разрывы зенитных снарядов. Как горох, стучат по фюзеляжу осколки.

Пробираюсь к верхнему люку. Струя воздуха бешено рвет из рук «Аймо». Я успеваю заснять разрывы и, ударяясь о жесткие стенки кабины, протискиваюсь к своему месту.

Раскрываются створки бомболюка. Между черными телами бомб ослепительно сверкает земля. Дорога где-то впереди. С шипением и скрежетом раскрываются замки. Освобожденные бомбы уходят вниз. Облегченный самолет подбрасывает вверх.

В какую-то долю секунды мелькают желтое полотно дороги, забитое танками, и огромные столбы разрывов.

Штурман Заварихин точно положил бомбы!

Уже выходя из пике, я заметил два загоревшихся танка.

— Дали жару! — восторженно крикнул стрелок.

Вдруг летчик Еремин тревожно закрутил головой.

— Стрелок, «мессеры»! — крикнул он.

Сверху, маскируясь в лучах солнца, шло несколько пар гитлеровских истребителей. Они атаковали наш строй. Рядом с плоскостью прошла дымная трасса. Еремин бросил самолет в сторону так сильно, что от перегрузки потемнело в глазах.

В кабине резко запахло порохом. Это стрелок открыл огонь. Я попытался пробраться к верхнему люку, чтобы заснять бой с истребителями, но Еремин сильно кидает самолет из стороны в сторону, и мне просто не хватало сил выбраться из своего тесного пристанища. Я видел только кусочек неба сверху и кусочек земли через штурманскую кабину.

Один «мессер» приблизился к соседнему пикировщику и короткой очередью поджег его. Самолет, перевернувшись через крыло, рухнул вниз. Никто из экипажа не выпрыгнул с парашютом — видно, не захотели ребята попадать в плен к гитлеровцам.

Нашу машину атаковали сразу два «мессера». Один за другим они пытались приблизиться к нам, и только отличная стрельба Кокова не давала им хорошо прицелиться.

— Коробку дай! — крикнул мне Коков.

Я нащупал коробку с патронами и, поднатужившись, бросил ее в руки стрелка.

Еремин, увертываясь от атак, рванул самолет вверх. Меня на какое-то мгновение прижало к тесному сиденью. Через верхний фонарь увидел «мессершмитт» с ярко-оранжевым капотом

в крестах и драконах. Он стремительно приближался к строю бомбардировщиков. Моментально наши стрелки встретили его огнем. Пули, видимо, попали в боекомплект истребителя. «Мессер» взорвался, раскидывая обломки своего фюзеляжа, мотора, куски крыльев... Взрывом сильно качнуло нашу машину. Ведомый этого гитлеровца на крутом вираже пытался выйти из зоны нашего огня. Но не вышел. Чья-то точная очередь подожгла истребитель, и он, выпустив облако черного дыма, пошел к земле.

На аэродром из девятки пикировщиков возвратились только четыре.

Еремин зарулил к березняку и выключил мотор.

— А где остальные, товарищ старший лейтенант? — спросил подбежавший механик и смолк, поняв, что не вернутся остальные.

Только спрыгнув на землю, я ощутил страх. Ноги ослабли. Я опустился прямо на траву, так и не сняв парашюта.

— Ничего, пройдет! — пытался утешить меня Еремин, но махнул рукой и, пошатываясь, пошел к штабу, куда после полетов собирались все летчики.

За ужином я узнал, что утром в Москву летит транспортный самолет за запасными частями.

Полковник разрешил мне использовать эту возможность.

— Делайте поскорее фильм. Его покажем и нашим ребятам!

— Не знаю только, как быть с кадрами о тех, кто погиб. Может, вырезать?

— По-моему, вырезать нельзя. Делайте так, как было. Посмотрят летчики, вспомнят, злее будут. Надо нам злости! Надо!

На студии проявили негатив. Съёмки удались. Прослышав о моем приезде, приехали сотрудники «Правды», «Известий», «Красной звезды». Я отпечатал для них несколько кадров. На следующее утро в газетах появились иллюстрации первой за войну бомбежки вражеских танков.

А киносюжет был принят на «отлично» и вошел в один из номеров кинохроники.

В этот же день меня пригласил председатель Комитета по делам кинематографии Иван Григорьевич Большаков. Он интересовался, как работают фронтовые кинооператоры, какие возникают трудности.

— Не забывайте основное качество нашей кинохроники — ее правдивость, строгая документальность, — сказал на прощание Иван Григорьевич. — Фашистская пропаганда всячески стремится использовать кино. Геббельс послал на Восточный фронт много операторов, и они из кожи вон лезут, чтобы сфабриковать «кинодокументы» разгрома нашей армии. Грубыми инсценировками, которые фашисты выдают за подлинные «документы», они обрабатывают и свое население и свою армию. Мы должны противопоставить им правдивые рассказы о нашей борьбе, о мужестве наших солдат, защищающих свое Отечество.

...Я вернулся в полк Пушкарева. Вечером прямо на улице установили мы кинопроектор, между деревьев натянули простыню. Молча смотрели летчики, как они садились в кабины самолетов, вылетали на боевое задание, отражали атаки «мессеров».

На экране словно ожили люди, погибшие в последние дни. В отвесах экрана я видел, как сдвигались брови, сжимались губы оставшихся в живых. Каждый из них, наверное, в этот момент думал о защите Родины, об отмщении за погибших товарищей, с которыми собирался дожить до победы.

Когда после сеанса я снова попросился в полет, комиссар сказал:

— Ваша работа — большая нам подмога, но я не хочу, чтобы вы рисковали.

— А кто сейчас не рискует? Я научусь управлять пулеметом и буду летать вместо стрелка.

Помолчав, комиссар согласился:

— Направляйтесь в эскадрилью капитана Рассказова. Там вам будет интереснее...

...Ночь. При свете «переносок» механики готовят самолеты к очередному вылету. Приглушенно работает помпа, перекачивая бензин из заправщика в объемистые баки самолетов. Оружейники осторожно подвешивают тяжелые бомбы, заряжают пулеметы. В темноте видны красные выхлопы работающих моторов.

На мгновение прожектор освещает взлетную полосу, и по ослепительно белой дороге наш самолет разгоняется, набирая скорость. Рассказов, малоразговорчивый, с сердитым лицом летчик, медленно тянет штурвал на себя. Мы в воздухе.

В войну ночная земля не похожа на мирную. Не светят огни уличных фонарей, не горят призывно окна. Только далеко на горизонте полыхает багровое зарево пожара да изредка взвиваются вверх ракеты, разливая мертвенно-голубоватый свет.

Ни луны, ни звезд. Летим под самыми облаками. В кабине теплятся зеленоватые фосфорические огоньки приборов, помигивают лампы радиостанции.

Мы летим на свободную охоту, то есть без специального задания. Будем бомбить или вражескую колонну на подходах к фронту, или штаб, если его обнаружим, или воинские эшелоны. По маршруту много всего.

Рассказов толкает меня в плечо и показывает вниз. Чуть впереди я замечаю несколько мигающих огоньков. Летчик, прибавив обороты, начал набирать высоту.

— Мы счастливые, попали прямо к фашистским асам в гости! — крикнул Рассказов.

Как он догадался, что мы наткнулись на аэродром врага, я не понял. Через минуту Рассказов убрал газ и стал планировать. Машина на разгоне с малой высоты выбросила две бомбы. Две яркие вспышки осветили большое поле и бомбардировщики, которые готовились к вылету. Одна из бомб угодила в бензоцистерну. Взрыв — и горящий, разлившийся по земле бензин осветил поле.

— Праздничная иллюминация!

Я до отказа накрутил пружину «Аймо», кинулся к нижней турели и включил аппарат. По аэродрому метались тени — гитлеровцы не ожидали нападения. Наш самолет снова зашел на

цель и сбросил всю кассету бомб. Они угодили в распластан-ные на земле «юнкеры», вызвав новые пожары.

Зенитчики открыли огонь. Трассы пунктирно светились и таяли во тьме.

Мы вернулись на свой аэродром.

— Скорей, братцы, скорей! — поторапливал Рассказов механиков.

Летчики других экипажей занимали места в своих кабинах. Теперь вылетели всей эскадрильей.

Издали мы увидели пожар. Гитлеровцы еще не успели потушить полыхающую цистерну. По небу шарили прожекторы. Прямо с курса летчики нацелились на аэродром и сбросили бомбы.

Возвращались мы уже на рассвете, навстречу огромной оранжевой заре. Самолеты быстро зарулили под маскировочные сети.

— Всем отдыхать, — скомандовал Рассказов, — а я посмотрю на работу.

Он побежал к связному самолету «ПО-2». Мягко стрекоча мотором, «кукурузник» на малой высоте прошел над аэродромом и скрылся.

К полудню Рассказов вернулся. Он заснял разбитый аэродром и отдал проявить пленку фотолаборантам.

— Ничего поработали, — не скрывая радости, сообщил он. — Штук десять сожгли, все поле исковеркали воронками. Собирают фашисты пожитки, перекочевывают на другой аэродром...

Так появился в «Союзкинохронике» сюжет о ночных бомбардировщиках.

ПОД МОСКВОЙ

К середине ноября фашистское командование сосредоточило на подступах к столице 13 танковых, 5 моторизованных и 33 пехотные дивизии, треть всех своих войск на Восточном фронте.

Для того чтобы оценить масштабы этих сил, можно привести такой пример: во время всей кампании во Франции немцы располагали лишь 12 танковыми дивизиями, которые разгромили всю французскую армию, дойдя до испанской границы.

Ноябрьское наступление на Москву развернулось на фронте от Клина до Тулы.

18 ноября бюро пропаганды фашистского радио сообщило: «Военные операции вступили в свою заключительную фазу. Падение Ленинграда и Москвы и занятие других объектов является в большей мере вопросом времени и метеорологических условий, нежели вопросом преодоления военного сопротивления».

Гитлеровские танки рванулись к Туле, городу оружейников. Фашисты умышленно не бомбили город с воздуха, рассчитывая захватить целыми его заводы. Полки фашистской армии остановились на тульских окраинах, встретив ожесточеннейшее сопротивление рабочего ополчения.

Тогда гитлеровцы обогнули Тулу с юго-востока и с севера, заняв Михайлов и Венев, прорываясь к Рязани и Кашире.

Они захватили Истру, Наро-Фоминск. Генералы через хороший бинокль уже рассматривали русскую столицу.

20 ноября 1941 года выпал снег, и сразу же задула метель. На нашем аэродроме снегу намело горы. Ветер дул с востока, и летчики говорили — «фашистам попутный». Я уже работал в полку Героя Советского Союза майора Артамонова.

Солдаты из батальона аэродромного обслуживания тяжелыми катками утрамбовали стартовую дорожку, а утром самолеты вылетели на боевое задание.

Я летел вместе с Артамоновым и штурманом — капитаном Чеченко. Чтобы во время съемки механизм не отказал, я закутал киноаппарат в меховую куртку.

Полк Артамонова летал в то время на машинах «СУ-2». Это были тихходные, одномоторные бомбардировщики, но с хорошим обзором, особенно задней полусферы, где стояла круглая турель стрелка.

Под нами медленно плыла заснеженная земля со сгоревшими деревеньками, вырубленными рощами, черными оврагами. Земля казалась безлюдной, но на самом деле на каждом клочке этой зимней пустыни шла война. Внимательно приглядевшись, можно было заметить дымки выстрелов, черные точки бегущих в атаку солдат.

Артамонов резко положил машину на крыло, и я увидел бой: внизу расстилалось поле с маленькой высотой. По высоте бежали кривые, реденькие ленточки окопов. Километрах в двух от высоты проходила дорога. По ней колонной шли танки. Передние, готовясь к атаке, разворачивались веером и, оставляя глубокие следы в снегу, ползли на окопы.

Наверное, в окопах сейчас солдаты готовили бутылки с зажигательной смесью, связки гранат.

Артамонов ввел в пике свою машину, следом за ним нацелился на землю весь строй. Штурман уступил мне свое место в фонаре. Я быстро развернул аппарат и нацелил его на идущие рядом, как бы застывшие в воздухе от одинаковой скорости самолеты. Медленно раскрываются бомбовые люки.

Отсчитываю сорок секунд и начинаю снимать. Ветер в фонаре рвет аппарат из рук, от холода немеют пальцы. Земля все ближе и ближе. От самолетов отделяются черные капли бомб, быстро уходят вниз. Я провожаю их объективом аппарата и вижу столбы разрывов прямо среди танков врага.

Мы делаем круг и заходим вторично. Танки горят. Снова на них сыплются бомбы.

Один танк все же приблизился к окопам. Артамонов нацеливается на него. Меня сильно прижимает к сиденью. От стрельбы машину трясет, как трясет катерок в штормовую погоду. Хорошо вижу, как снаряды вонзаются в продолговатую коробку танка и он начинает дымить.

Отбомбившись и расстреляв весь боезапас, полк уходит на свой аэродром.

Одна из берлинских газет 9 декабря 1941 года писала:

«...если враг попытается отдельными рывками улучшить свое положение, он натолкнется на неприятные сюрпризы...»

Официальное коммюнике гитлеровской ставки прямо заявило об уверенности в том, что «возможность каких-либо действий со стороны Советов совершенно исключена».

А в это время наши войска уже наступали, вышибая гитлеровцев из Подмосквья.

Сюжет о бомбардировке фашистских танков приняли хорошо. Он сразу был включен в очередной «Союзкиножурнал» за 1942 год. Экземпляр позитива я привез для летчиков полка.

Неожиданно начальника нашей фронтовой кинобригады Александра Степановича Кузнецова и меня вызвали в штаб фронта, расположенный в Воронеже.

Машина остановилась около какого-то небольшого домика. У подъезда стояло несколько машин. Это был штаб командующего ВВС фронта генерала Фалалеева. Адьютант проводил нас в комнату, служившую кабинетом. В ней толпилось много военных, и среди них я увидел старого знакомого — полкового комиссара Брагина. Он подошел к нам, поздоровался и сказал:

— Сейчас генерал Фалалеев вручит вам ордена.

Я был награжден за боевые съемки в дивизии Богородецкого в июле 1941 года под Киевом.

Генерал Фалалеев поздравил меня и, вручая мне орден Красной Звезды, сказал:

— Я только что просмотрел вашу новую работу, товарищ Вихирев. Хорошо показан строй пикирующих бомбардировщиков, оторвавшиеся бомбы и поражение цели. Нашим бойцам надо побольше таких фильмов, чтобы виден был весь ход боя — с радостями и трудностями, такой, как он есть. Правда войны — наилучшее средство воспитания. А уж если вы специализируетесь на воздушных съемках, то ведь не только летчики и штурманы решают успех, но и механики, мотористы, техники — чернорабочие аэродрома, которые в мороз, буран готовят машины к полету. Так что в будущей своей работе постарайтесь и о них рассказать.

ВОЛЖСКАЯ ТВЕРДЫНЯ

В конце июля 1942 года я вместе с Сашей Кузнецовым был командирован на Волгу. Я еще не знал, что мне придется снимать эпизоды одной из крупнейших битв Великой Отечественной войны. Мы собирались лететь на грузовом «ЛИ-2», но он оказался перегруженным, и нас посадили на учебно-тренировочные истребители «УТ-2». Летчики, опасаясь встреч с «мессершмиттами», летели на бреющем. Невспаханные, неубранные поля цвели всеми красками. Почему-то в это лето было особенно много цветов.

Поскольку запас топлива у наших самолетиков был небольшим, мы прыгали от одного аэродрома к другому. Когда садились, нам приходилось очищать радиатор и крылья от пчел, бабочек, стрекоз, мух и прочей крылатой мелочи, обитавшей на высоте нашего полета.

Город на Волге жил обычной жизнью. По утрам оглашался гудками заводов; трамваи, автобусы, пригородные поезда заполнялись рабочим людом. На перекрестках торговали мороженым и газированной водой. В скверах играли дети. Мамаши

заботливо катили перед собой коляски с малышами. Словом, здесь еще не чувствовалась близость фронта.

У киногруппы была своя полуторка, и вскоре я выехал в район Дона, где разгорелись особенно упорные бои. Гитлеровцы заняли железнодорожную станцию Абганерово — важный тактический пункт, через который нашим войскам подвозились подкрепления и боеприпасы. Единственный танковый дивизион командование решило бросить на поддержку пехоты и любой ценой взять станцию обратно.

Мне предоставили место в правофланговом танке. С него было удобно снимать всю картину атаки.

Фашисты не ожидали танкового удара. Они побросали свои минометы и пулеметы и пустились наутек.

Увлеченные преследованием, мы не заметили, как с фланга выкатились гитлеровские танки и с ходу открыли огонь.

Кто видел встречный танковый бой, тот никогда не забудет этих картин.

Дымя выхлопными газами, гремя гусеницами, качая стволом своей пушки, мчался на нас фашистский танк. Наш водитель тоже прибавил газ. Казалось, секунда — и оба танка столкнутся, превратятся в груды железного лома... Но стрелок опередил столкновение. Он успел выстрелить раньше фашиста. Я увидел, как снаряд рванул броню и внутренность черного чудовища озарилась вспышкой взрыва. Верхняя плита вместе с башней оторвалась, вверх вырвался черный столб дыма.

Другие танки, расстреляв боекомплект, таранили вражеские машины. Танки вспахивали гусеницами землю, почти поднимались на дыбы, быстро расходились и со страшным воем и скрежетом опять сталкивались своими стальными лбами, окутываясь дымом и искрами.

Наконец фашисты не выдержали. Оставив на поле боя около десяти своих машин, они откатились назад.

Последнее, что запомнилось в этом быстротечном бою, — картина, как из подбитого вражеского танка выскочили танкисты и прыгнули на броню другой машины. Поблизости находился наш танк. Я увидел раскрывшийся башенный люк. Из него показалась голова нашего паренька. Он метко швырнул одну за другой две гранаты и сбил с брони фашистов. Откуда у него взялись гранаты — не знаю, видно, хозяйственный был паренек.

Но фашисты наступали упорно, большими массами. К августу они были уже недалеко от Волги.

К вечеру 23 августа четвертый воздушный флот и восьмой авиационный корпус гитлеровцев приступили к планомерному уничтожению города. На заводы, жилые кварталы, улицы посыпались тысячи тонн бомб. Город горел со всех сторон. От многоэтажных каменных зданий оставались дымящиеся руины. Деревянные постройки — а их в городе было много — полыхали ярким многокилометровым костром...

В один из таких дней мы с фотокорреспондентом «Правды» Яшей Рюмкиным вырвались из города на передовую. Там немцы вели себя тихо, видимо положившись на действия своей

авиации и ожидая результатов бомбежки. Снимать было нечего, и мы решили возвращаться в город.

Вдруг над дорогой увидели несколько «юнкерсов». Я стал их снимать. Один, сильно накренившись, пошел на нас.

— Колька, в кювет!

«Юнкерс» с ревом вышел из пике. Дрогнула земля, и нас засыпало.

— На этот раз живы, — сказал, поднимаясь и отряхиваясь, Яша и вдруг подскочил на месте. — Смотри! Машина!

В десяти шагах от нас дымилась воронка от фугаски, а за ней горела наша полуторка. Особенно густой дым валил из сиденья шофера, пробитого горячими осколками бомбы. Я сорвал с себя кожаную куртку и стал сбивать огонь. Горела вата. Запасной бензобак между кабиной и кузовом тоже пробило, бензин тек сильной струей, но каким-то чудом не вспыхивал. С трудом мы потушили пламя, совершенно забыв о «юнкерсах». А они пикировали, находя какие-то цели для своих бомб, а выше пикировщиков плыли двухмоторные «Ю-88», нацеливаясь на город.

Как только гитлеровские самолеты ушли, мы тотчас же двинулись дальше. Попадаем в район действий 62-й армии генерала Чуйкова. Бойцы держат оборону в окопах и подвалах домов. Неожиданно, словно из-под земли, вырастает перед нами фигура оператора Авенира Софьиного. Потеряв свою группу, я уже несколько дней не виделся с ним.

— Слышал приказ из Москвы? — громко спрашивает Авенир, пытаясь перекричать грохот бомбежки.

— Какой?

— Все наши ребята на передовых. Снимать все подробнее. Все! Для большого фильма об обороне Волги!

В октябре фашистские войска прорвались к Волге, охватив город полукольцом. Они простреливали все переправы через реку — единственные дороги, связывавшие город с Заволжьем. Положение сложилось критическое. От дома к дому, от порога к порогу, несмотря на героическое сопротивление наших воинов, продвигались фашисты, с каждым днем стягивая, сжимая клещи. Они пускали в бой танки, применяли огнеметы, с других фронтов стянули специалистов-саперов, привезли из Германии даже полицейские части, обученные ведению уличных боев.

Однажды я попал в дивизию генерала Бирюкова, входившую в армию Чуйкова. Бирюков был старым солдатом. Свою военную службу он начал в 1920 году. Сражался в Испании.

Солдаты Бирюкова занимали оборону в районе одного из хуторов, прикрывавших выход к Волге, а фашисты стремились любой ценой прорвать оборону именно здесь.

Шел бой. С воем неслись на наши окопы снаряды и мины. В штабе, полуразрушенной землянке, толпилось много военных. Сам Бирюков в расстегнутой гимнастерке, потный, злой, кому-то кричал по телефону:

— Немедленно подтяните резервы! У нас их нет!

На мгновение он положил трубку, но телефон вновь зазуммел. Голос говорившего звучал так громко, что я услышал его, хотя трубка от меня была далеко:

— Танки прорвали передний край обороны полка. Кошелев в контратаке понес большие потери и уже не может сдерживать натиск. Сам он погиб в рукопашной... Танки идут на вас!

Все выскочили из штаба. Каждому были приготовлены индивидуальные окопчики, в которых лежали противотанковые гранаты, бутылки с зажигательной смесью.

Бирюков крикнул начальнику артиллерии:

— Выдвиньте все оставшиеся пушки! Бейте прямой наводкой! Начальник артиллерии спешно ушел, и я занял его окоп.

— Учебный батальон на правый фланг! Сколько у нас осталось танков? Пять? В засаду! Сообщите о положении в штаб армии.

Грохот танков приближался. Могуче и страшно ревели моторы, лязгали гусеницы. И вот из-за холмика показался первый, второй, третий... Откуда-то сбоку по ним ударила единственная «сорокапятка». Снаряды клевали броню, но танк все шел вперед. Вдруг из окопчика вылетела одна бутылка, другая. Танк вспыхнул и закрутил башней, отыскивая своего невидимого врага.

Соседний танк мчался прямо на окопчик Бирюкова, но кто-то впереди бросил ему под гусеницы связку противотанковых гранат. Взрывной волной меня швырнуло на дно окопчика и осыпало каменной землей. Когда я выглянул, из люков танков выпрыгивали танкисты в черных комбинезонах и, стреляя на ходу из автоматов, бежали к нашим окопчикам. Я разглядел их потные, закопченные лица. Между нами было не более тридцати метров, когда поднялся во весь рост подоспевший начальник артиллерии и, держа автомат у груди, длинной очередью положил всех четверых фашистов.

— Сейчас пушки помогут, — успел сказать он генералу и опустился на землю. Он был смертельно ранен.

Откуда-то слева донеслось наше «ура». В бой вступили оставшиеся наши пять танков.

Атаку удалось отбить. Лишь на другой день мы узнали, что позади дивизии Бирюкова не было ни одного подразделения, способного остановить прорывавшиеся фашистские танки.

НОЧНОЙ УДАР

Подошел ноябрь. Иней накрыл землю, посеребрил колеса пушек, каски бойцов, груды железного хлама и осколков...

Гитлер назначил время «последнего, сокрушающего удара». В бой брошены все резервы. Солдаты получают добавочный паек, спирт, фрукты из Франции и Болгарии. В плотную цель выстраиваются танки, самоходки, пушки...

В это время я попал в 138-ю дивизию полковника Людников. В непрерывном бою фашистам удалось прорвать оборону дивизии. Гитлеровцы вышли к Волге еще на одном участке, отрезав остатки дивизии от главных сил армии. Расположение дивизии простреливалось огнем всех видов оружия. Измученные нечеловеческим напряжением боев солдаты валились с ног.

14 ноября в журнале боевых действий Людников записал:
«Дивизия полностью израсходовала все средства. В течение пяти суток напряженные бои ведутся в основном боеприпасами, захваченными у противника... Посылки, сбрасываемые с самолетов, частично попадают в воду, а иногда и в расположение противника...»

К вечеру этого дня у артиллеристов не осталось ни одного снаряда, ни одной мины, а противник в это время готовил очередную атаку.

Командующий артиллерией подполковник Тычинский переспрашивает по телефону: может быть, где-нибудь еще остались боеприпасы? Потом он кладет трубку и вдруг с силой срывает свою выдавшую виды фуражку и швыряет на пол.

— Снарядов нет. На всех батареях «нуль»!

Обычно для самообороны на батареях оставляют по несколько снарядов — «нулей».

Людников распоряжается:

— Фашисты вот-вот пойдут в атаку. Стреляйте «нулями»!

Выхожу из землянки к бойцам. Волга рядом. По воде идет шуга. С того берега помощи ждать нечего. Командование армии, правда, отдало приказ подвозить боеприпасы на лодках, но фашисты подтянули к берегу малокалиберные пушки и расстреляли почти всю нашу лодочную «флотилию».

Подлетает «ПО-2».

Летчик выключает мотор и кричит:

— Можно сбрасывать?

— Давай!

Из самолета летят два мешка. Бойцы бросаются к ним. Фашисты немедленно открывают огонь, но нашим удается втянуть мешки в окоп. Развязывают. Погнутые, но уцелевшие банки консервов, винтовочные и автоматные патроны. И на этом спасибо!

— Маловато, — в сердцах произносит пожилой солдат с перевязанной шеей, большими висячими усами и глубоко запавшими от усталости глазами.

— Слушай, Матыш, может, попробовать? — неожиданно спрашивает его другой солдат.

— Чего?

— Ты видел у них пулемет? Давай стянем?

Усатый молчит. Потом спрашивает, обернувшись к командиру:

— А как вы думаете, товарищ лейтенант?

У командира взвода такая же замызганная шинель, как и у остальных. Я даже принял его за солдата, не заметив красных матерчатых «кубарей» на петлицах.

— Хорошо бы, — произносит лейтенант. — Фашисты не ожидают.

— Была не была! — Усатый заплевывает окурком. — Идем!

Оба солдата, вооружившись финками, перемахивают через бруствер.

Они не возвращаются целый час, хотя до гитлеровского пулемета было шагов сто.

Вдруг слышим шепот:

— Братцы, помогите!

Лейтенант с тремя бойцами поползли на выручку.

— Вот и вся недолга!

Усатый прыгнул в окоп.

Другой солдат сбросил на дно окопа коробки с пулеметными лентами, а лейтенант приволок тяжелый пулемет.

— И как я не догадался раньше! — покачал головой усач. — Между прочим, я ход нашел и еще кое-что заприметил.

Он многозначительно оглядел товарищей. Посыпались вопросы:

— Кухню? Пушку? Аэроплан?

— Чудак, какой же тут аэроплан будет! Вон у того домика стоит вездеход. Для нас он даже необходим.

О вездеходе доложили командиру батальона. Начали прикидывать, как его вытащить. Решили попросить в дивизии трос и длинный трос. Ночью разведчики зацепят вездеход тросом, а тягач его подтянет в наше расположение.

Вечером я в сопровождении политрука перебрался на другой участок людниковской дивизии, так и не узнав, удалось ли ребятам вытащить вездеход. Думаю, что удалось!

„РОЛИК“ ДАЕТ ПРИКУРИТЬ

Война в городе приняла позиционный характер. Ожесточенные схватки разыгрывались уже не за улицу или квартал, а за отдельные дома, этажи в них и даже комнаты. И в этих боях проявлялось не только мужество, но и хитрость, солдатская смекалка.

В дивизии Людникова, на стыке с соседом, существовал германский гарнизон под условным наименованием «Ролик».

В «гарнизоне» было всего четыре бойца — Кузьминский, Ветошкин, Клосовой и Харазия. Они расположились в нишах глубокого оврага, выходящего к Волге. Над ними, в блиндажах на краю этого же оврага, сидели фашисты.

Гарнизон «Ролика» обстреливал скаты оврага и берег реки, причиняя немцам много хлопот. Гитлеровцы пытались забросать гарнизон гранатами, минами, но стоило им только показаться на краю оврага, как наши солдаты открывали по ним огонь.

Попытались фашисты применить хитрость: они спустили на веревке «подвесную мину» — ящики взрывчатки, но наши выстрелами перебивали веревки. Взрывчатка, не причиняя вреда, падала на дно оврага.

Где и как добывали солдаты продовольствие и боеприпасы, не знаю, но факт остается фактом: четверо из гарнизона «Ролика» полтора месяца держали эту удивительную оборону.

НАЧАЛЬНИК ГАРНИЗОНА

Не так давно я вновь побывал в Волгограде. На одном из скромных памятников прочитал надпись: «Здесь проходил передний край обороны Краснознаменной 138-й дивизии полковника Людникова. 1942 г.».

Эта надпись напомнила мне еще один эпизод из героической борьбы за город.

Снимая уличные бои, я перебирался от развалин одного дома

к другому. Бывало так, что в нижнем этаже сидели фашисты, а верхними этажами владели наши, иногда бывало и наоборот. Порою отдельный дом оборонял целый батальон, а гарнизон другого не превышал пяти-шести человек.

Как-то раз я попал в угловой дом. Под ногами хрустит битое стекло, гремит какое-то железо. Рискуя вызвать на себя огонь фашистов, если дом в их руках, негромко окликаю: «Ау!» Молчание. Голос мой гулко разносится по мрачным обгоревшим сводам. По сорванной взрывной волной лестнице пробираюсь на второй этаж. Снова подаю голос, уже погромче. Снова молчание. И вдруг откуда-то с третьего этажа меня окликает голос:

— Тебе чего?

— В гости пришел. Кинооператор.

Сверху падает толстая веревка.

— Цепляйся и держись!

С помощью веревки попадаю на третий этаж. Передо мною — гладко выбритый человек в шапке-ушанке, в шинели поверх ватной телогрейки, в валенках.

— Документы! — коротко и строго требует солдат.

Показываю свое удостоверение и, пока он изучает его, бегло осматриваю помещение, куда я попал. В углу — комод, на нем кусок зеркала, бритва, чашечка с помазком. Рядом — канистра с водой. Кровать с грязной периной. Около домашних тапочек стоит примус. На газете — горка трофейных концентратов, кирпич шоколада, фляжка. Комната угловая. Два окна выходят на одну сторону улицы и одно — на другую. На подоконниках — ручной пулемет, два автомата, один наш, другой трофейный, трехлинейка с оптическим прицелом, коробки и диски с патронами. Хозяйство!

— А вы кто такой? — спрашиваю я, когда солдат вернул мне удостоверение.

— Начальник гарнизона, сержант Щеткин.

— А где же остальные?

— За Волгой на излечении.

— Так вы один?

— Один.

Сержант устроился в комнате прочно и надолго. Это я оценил на следующий день. Из окон его «крепости» хорошо просматривались сразу две улицы, и «натура» для моих съемок была великолепная. Отсюда хорошо было видно фашистов, пробирающихся по ходам сообщения, их кухни и несколько минометов в середине разрушенного дома напротив.

— Мне бы еще пушку достать. Очень необходима, — не то всерьез, не то в шутку сказал сержант, поглядывая на эти минометы. — Конечно, винтовкой я их тревожу, но только днем. По ночам же, стреляя наугад, может, и нанову урон, но небольшой.

— А они на вас не нападают!

— Не без того. Но трудно им меня достать. Артиллерию или авиацию не применишь, боятся на своих ссыпать снаряды и бомбы, ну, а пехоте мой орешек не по зубам.

После сытного завтрака с трофейными галетами и кофе,

сваренного на примусе, мы сели у окна. Я поставил телеоптику.

— Они вон оттуда обычно появляются, — объяснил Щеткин, — сначала перли не хоронясь, а сейчас спесь поубавилась. Осторожничают.

Вскоре я заметил трех гитлеровцев. Сержант схватил винтовку.

— Подождите, — шепчу я, — дайте мне их сначала снять!

В визире телеобъектива хорошо видно, как робко солдаты пробираются вдоль стены, глядя куда-то вперед.

— Разведка, — шепнул сержант. — Что-то замышляют!

На гитлеровцах короткие серые шинели, каски, обтянутые маскировочным чехлом, сбоку висят круглые коробки противогазов.

Отсняв метров пять пленки, я опустил аппарат:

— Все!

— Ну-ка посторонись! — Сержант положил на подоконник винтовку и прильнул к оптическому прицелу. Сухо и коротко прозвучал выстрел. Передний фашист, взмахнув руками, рухнул на груды кирпича. Остальные два быстро присели, не понимая, откуда стреляют. Из подвала затрещал пулемет. Вторым выстрелом сержант уложил еще одного гитлеровца. Последний оставшийся в живых вскочил и длинными прыжками добежал до подвала — скрылся.

— А в том доме, — кивнул я на развалины напротив, — тоже враг?

— Да!

Сержанту Щеткину я был обязан многими удачными кадрами, которые позднее вошли в фильм о великой битве на Волге.

САМОУБИЙСТВО УБИЙЦ

Ночь. На утлой одинокой лодке переправляюсь с левого бережья в город. В лодке нас двое: солдат на веслах и я. Темно и относительно тихо. Внезапно над рекой, берега которой уже обросли льдом, вспыхивают и повисают две осветительные ракеты. Лодка становится видимой целью. Фашисты незамедлительно открывают по ней огонь. В холодную воду с шипением врезаются осколки мин и пули. Мы с солдатом опускаемся на дно лодки. Удовлетворенные фашисты, думая, что с нами покончено, прекращают огонь.

Нос лодки упирается в ледяной припай. Выпрыгиваю из лодки и что есть силы бегу к берегу. Снова взлетает ракета. С разбега бросаюсь на лед. Стучит автоматическая пушка.

На берегу встречаю офицера из штаба генерала Родимцева. Берег завален ящиками с продовольствием, коробками с боеприпасами, бочками с горючим. Все это, насколько возможно, замаскировано. Отрадно, что связь с левым берегом, несмотря ни на что, действует.

В темноте проходим километра два. Изредка бьют вражеские минометы. Штаб размещается в большом железобетонном водостоке. Отсюда идет управление полками, дивизионами, сюда стекаются все сводки, сюда поступают распоряжения свыше... В общем здесь оперативный штаб соединения.

По каким-то малозаметным признакам чувствую, что готовится наступление.

Из штаба иду на передовую. Добираюсь до нее, когда уже наступил рассвет. И сразу же — неожиданный эпизод.

Зенитчики повредили фашистский пикирующий бомбардировщик «Ю-87». Летчики пытались дотянуть до своих, но это им не удалось, мотор отказал, и машина плюхнулась на песчаную косу неподалеку от Волги. Я схватил кинокамеру и бросился к самолету. За мной, громко стуча сапогами по мерзлой земле, кинулось еще несколько солдат.

На наших глазах летчики выскочили из кабины и нырнули в небольшую балку. Такого оборота дела я не предвидел. А вдруг они начнут отстреливаться? Все же бегу, думаю — чему быть, тому не миновать. Слышу два выстрела.

Осторожно заглядываю в балку. На дне две распростертые на земле фигуры. Рядом — парабеллум. Все ясно! Оба летчика молодые, лет по девятнадцать-двадцать, в добротных куртках, хороших ботинках. Волосы белые как солома. Лица и руки загорели до черноты.

— На каком пляже могли они так загореть? — удивленно спрашивает один из бойцов.

Подходим к кабине самолета. Перед приборной доской приклеена большая фотография Гитлера. Рядом — несколько порнографических открыток. Под сиденьем находим толстую книгу. На хорошем переплете эмблема люфтваффе — парящий орел, вцепившийся когтями в тяжелую свастику. Книга начинается портретами Геринга и Рихтгофена. Текст перемежается с фотографиями. Воздушные бои, бомбардировки Сицилии, Югославии, пленение английских солдат, высадка парашютистов на острове Крит, полеты над Грецией, Болгарией, парады.

— Издалека пожаловали, видишь, где грелись! — промолвил солдат.

Значит, гитлеровцы сняли авиацию даже со Средиземного моря, где воевали наши союзники.

Когда я вернулся в штаб, мне передали приказание начальника нашей киногруппы немедленно выехать в совхоз «Донской».

Почему в «Донской»? Может быть, там началось наступление?

БУДНИ

23 ноября 1942 года наши части, прорывавшиеся с берегов Волги и Дона, соединились в районе Калача. Операция по окружению группировки Паулюса была успешно завершена. В «котле» оказались 22 вражеские дивизии.

Паулюс просил у Гитлера разрешение сделать попытку прорваться к Ростову, но Гитлер приказал держаться за Волгу, каких бы жертв это ни стоило.

В районе станций Котельниково и Тормосино фашисты сосредоточили крупную группировку, получившую название «Дон». Ею командовал один из лучших гитлеровских генералов — фельдмаршал Манштейн. Фашисты намеревались прорвать кольцо окружения, но в ожесточенных боях потеряли много войск, а остатки откатились к Ростову.

В середине декабря, после того как гуманное предложение нашего командования о прекращении бесцельного сопротивления окруженных было отклонено, советские войска приступили к ликвидации фашистской группировки.

Белое от облаков небо сливается на горизонте с бесконечным, тоже белым, степным пространством. Кое-где чернеют одинокая печная труба, чудом сохранившийся остов небольшого домика да изуродованные, без вершин, стволы тополей. Это в сводках называется населенным пунктом, и за них бьются с особым ожесточением.

Тишина... Напряженная, жуткая. Кажется, через мгновение, не дождавшись приказа, не выдержав ожидания, вся масса собранных войск стихийно ринется вперед.

Глухо донесся до нас звук первого залпа. Это начала «концерт» тяжелая артиллерия с левого берега Волги. По ее сигналу вступили в бой и остальные калибры. К глухим и резким ударам орудий присоединили свой голос и «катюши» — гвардейские минометы... Забили полковые и батальонные минометы... В стороне вражеских укреплений поднялась к небу гигантская черная стена земли и дыма.

Бой начался. Началась и наша работа. Снимаю залпы «катюш», выстрелы тяжелых гаубиц и пушек, панораму боя...

Но вот артиллерия переносит свой огонь в глубь фашистских позиций. В бой устремляются наши танки, пехота.

Вскакиваю в танк. Люк открыт, и мне отлично видно все поле боя. Танк сильно качает, он мчится на большой скорости. Мощный мотор то взывает от перенапряжения, то опять ровно грохочет. Снимать очень трудно. Пытаюсь фиксировать отдельные интересные моменты, но танк выделяет самые невероятные пируэты, прыжки.

Недалеко впереди — уцелевший от артподготовки дзот. Из маленькой черной щели амбразуры яростно строчит по нашей пехоте пулемет.

Водитель слегка поворачивает и ведет прямо на дзот. Я пригибаю голову, а командир предусмотрительно закрывает люк. Ошалевший от злости фашист бьет прямо по танку. Пули звенят по броне... Наша машина тяжело наваливается на крышу дзота, несколько раз поворачивается на месте, круша настил из бревен, потом, напряженно урча, выбирается из образовавшейся ямы. Путь для пехоты открыт!

В то время как часть армий пробивала оборону снаружи, другие части методически дом за домом освобождали город от фашистов...

ЮРИЙ ТАРСКИЙ

Юрий Семенович Тарский — участник Великой Отечественной войны, моряк-подводник. Его перу принадлежат несколько книг о боевых делах советских моряков.

МАТ „ЧЕРНОМУ КОРОЛЮ“

В проходной порта стоял тот же, что и утром, охранник.

— Эй, парень, ты случайно не купил «Данцигер рундшау»? — спросил он.

Седой развел руками.

— Нет. А что?

— Раз нет, так и болтать не о чем.

Седой показал ему пропуск, сказал что-то насчет дождя, вот уже неделю заливающего Данциг, и прошел в порт.

На душе отлегло. «Ерунда! Почудилось!» — подумал он.

И тут же снова увидел его, долговязого человека со свеклыми щеками. Подняв воротник пальто, расставив ноги циркулем, долговязый стоял, прислонившись к трансформаторной будке. Глаза его скользнули в сторону.

Седой заставил себя идти спокойно. Прошел сотню шагов и нагнулся поправить шнурок. Долговязый маячил сзади. Он был один.

Рисунки

Д. ДОМОГАЦКОГО

услышал шорох. «Значит, не ушел!..»

Он замер, пристально вглядываясь в чернильную темень. Уши уловили едва слышный шелест быстрых шагов.

За многие дни пребывания на чужой земле Седой не имел ни одного спокойного часа. Все его существование тут было подчинено ожиданию внезапной опасности. Даже когда все шло хорошо, он был начеку. Он засыпал и просыпался, ожидая удара из-за угла. Потому и сейчас тревога не застала его врасплох.

«Брать меня в одиночку он побоялся, — решил Седой. — Пять минут ему добираться до ближайшего телефона. Еще три — займет разговор. Сборы и дорога отнимут у них минут двадцать... Время еще есть. Живей за рацией — и прочь отсюда!» — приказал он себе.

И не тронулся с места. Знал: времени уже нет — связь с центром через десять минут...

Седой, не убыстряя шагов, направился в западный угол гавани, где грузились пароходы, — там всегда было оживленно.

Шпик попался ловкий — вцепился, как клещ. Они долго мотались по всему порту. Уже в сумерки, вдоволь попетляв между пакгаузов, не чувствуя ног от усталости, Седой решил, что оторвался от гестаповской ищейки, и пробрался в южную часть гавани, к своей барже.

Здесь, на корабельном кладбище, было тихо. Ветер тоненько посвистывал в оборванных снастях судов, поставленных на вечный прикол. Разбитый причал, загроможденный пустыми бочками, ящиками и ржавыми цепями, уже скрывался в темноте.

Пробравшись на баржу по ветхой скрипучей сходне, Седой долго стоял в тени надстройки — прислушивался к шумам. Светящиеся стрелки часов показывали без четверти восемь. С тревогой подумалось: «Успеть бы перейти на новое место...»

Раздался шорох вдали, у черной громады пакгауза. И снова — тишина. Только слышно, как гулками тяжкими ударами колотится сердце. «Почудилось?» И в тот же миг опять

Он судорожно глотнул холодный воздух, стер с лица липкую морось. Решения приходили одно за другим. Все не то!.. И вдруг озарило. Осторожно ступая, Седой пересек палубу и спустился по трапу.

В крошечной каютке баржевого было холодно и сыро. Пахло плесенью и мышиным пометом. За разбитым иллюминатором плескалось море и однотонно шелестел дождь. Где-то поблизости хрипло вскрикнул буксир.

Седой сдвинул сваленные у переборки ящики и открыл лаз в трюм. Потом достал рацию. Запустив руку поглубже, выудил три гранаты-«лимонки». Одну положил на стол, а две связал проволокой за выдергивающиеся кольца взрывателей и растянул между дверной ручкой и ножкой стола. Попробовал ладонью проволоку, усмехнулся: «Уж это их задержит».

Закончив шифровать, Седой чиркнул колесиком зажигалки и поднес донесение Пятого к чадающему огоньку. Утром на встрече Пятый сказал: «Из-за этого ты здесь. Передай, чего бы это тебе ни стоило». Он был очень взволнован, Пятый. Взволнован и счастлив — это было видно по глазам.

Пламя добралось до конца бумаги, опалило пальцы, но Седой не почувствовал боли. Взглянул на часы — выход на связь через три минуты. «Все хорошо», — сказал он себе и устало смежил веки.

И тут же воспоминания обступили его. Он повторял в уме цифры шифровки, а сквозь эти цифры проступало голубое, звонкое от мороза родное небо и засыпанные снегом ели...

Седой включил рацию.

Половина шифровки была уже передана, когда рядом на причале взвизгнули тормоза автомашины. «Успеть бы!» — думал Седой, косясь на дверь.

Он не прервал передачу, услышав над головой топот и крики:

— Эрих! Франц! Курт! Он здесь! Больше ему неоткуда куковать!.. Сюда, герр штурмфюрер!..

Не снимая пальцев с ключа, Седой придвинул к себе гранату и вытянул из кармана пистолет. Отстучав последнюю группу цифр, выдернул антенну, подскочил к борту и опустил рацию в иллюминатор.

Глухо плеснула вода. Наверху загалдели. Лязгнула палубная дверь, и застучали, заскрипели под тяжелыми шагами ступени трапа. Седой положил гранату в карман, просунулся в узкий люк и опустил за собой тяжелую дверцу...

Не таился — знал: наверху не услышат, — он бежал по черному, гулкому, как колодец, трюму. Под ногами хлюпала мазутная жижа.

Вот и узкий трап с металлическими скобами вместо ступеней. Над ним — дверь, вход в носовой тамбур. За дверью должен ходить часовой — не может быть, чтобы они его не поставили. «Хорошо, если он один», — с надеждой подумал Седой.

Тут за спиной оглушительно гроыхнул взрыв. В тот же миг Седой толкнул от себя дверь и решительно впрыгнул в тамбур.

Тамбур был пуст. В стороне кормы слышны были крики, брань, топот множества ног. Протрещала автоматная очередь.

Седой был уже у борта, когда в спину ударил вопль:

— Хальт!.. Хальт!..

Не останавливаясь, он швырнул через плечо гранату и бросился за борт.

Вынырнул далеко от баржи, когда не стало дыхания и в виски молотками застучала кровь. Тут же нырнул снова. Под водой освободился от тянувшего на дно бушлата. Сразу стало легче плыть. Трескотня выстрелов и крики с берега оборвались. Потом вдали зататакал катерный мотор. Приблизился, заурчал почти над головой. И вдруг стал удаляться. Проектора не включил — затемнение; это они теперь соблюдают точно.

Вдали, почти на уровне воды, зажегся синий огонек. «Фонарь на вышке карантинного мола», — определил Седой. Огонек притягивал к себе, заставляя забыть о холоде и усталости.

Сильно загребая руками, Седой плыл к синей мерцающей звездочке. За нею были жизнь, товарищи, борьба. Про себя он повторял:

«Грюнштрассе, семь... Во дворе... Грюнштрассе...»

Там его ждал Пятый...

*

На поверхности слякоть, дождь, злой зимний ветер, а тут, на КП, под толщей камня и бетона, тепло и по-своему уютно. Верхний свет выключен, и кабинет освещает лишь настольная лампа под зеленым абажуром. Ничего лишнего: стол, несколько стульев; за стеклянными дверцами шкафа золотые корешки лций и справочников; на стенах карты, круглые морские часы, барометр. Единственное украшение — модель крейсера: им когда-то командовал хозяин кабинета.

Адмирал снял очки, потер пальцем покрасневшую переносицу и поднял глаза на Соколова:

— Докладывайте, капитан первого ранга, — сказал он глуховатым голосом и положил очки на голубой бланк радиограммы.

— Пятый и Седой доносят, что фашисты готовят эвакуацию из Данцига учебных заведений подводного плавания, — начал Соколов. — На войсковой транспорт «Вильгельм» грузится оборудование, оружие.

— «Вильгельм»? — наморщил лоб адмирал.

— Да. Это бывший лайнер в двадцать четыре тысячи тонн водоизмещения. До войны курсировал на линии Гамбург — Йокогама.

Адмирал наклонил голову.

— Продолжайте.

— «Вильгельм» сейчас — это как гнездо скорпионов, которые потом расползутся и будут жалить.

Скосив глаза на бланк радиogramмы, командующий спросил:

— Кто они — Пятый и Седой?

— Пятый — немец, коммунист. Прошел Моабит, Дахау. Воевал в Испании. По профессии метеоролог. Седой — капитан-лейтенант Петров. Послан на связь с Пятым весной этого года. Они здорово сработались. Отважные и верные люди.

— Хорошо. Дальше, — попросил адмирал.

— Выход «Вильгельма» предположительно сегодня с наступлением сумерек. Порт назначения — Киль. Состав охранения не установлен, но, уверен, будет не малым. Гитлеровцы дали операции шифр «Черный король».

Адмирал поднялся из-за стола, прошелся по кабинету. Заложив руки за спину, остановился подле карты. Не оборачиваясь, отрывисто спросил:

— Что предлагаете, капитан первого ранга?

Соколов подошел к карте.

— Удар, думаю, нужно нанести возле острова Борнхольм, в районе, где обычно сменяются их корабли охранения. Кстати, и силы наши там есть — две подлодки: Медведева и Попова. Их легко перенацелить на этот квадрат.

Адмирал задумался, покачал головой.

— Но у Борнхольма фашисты могут в любой момент получить авиационную поддержку из Засница, Штральзунда и даже из Ростка. К тому же в месте смены охранения неизбежно резкое повышение бдительности. Нет, атаковать конвой нужно у банки Штольпе. Тут и глубины не велики — маневрирование их кораблей будет затруднено, и удар окажется неожиданным — слишком близко от базы; почти дома — и на тебе!

— Но нашим надводным кораблям туда уже не поспеть, авиации помешает ночь и штормовая погода, а подводных лодок в том районе нет.

— А Мариненко?

— Он далеко. Вряд ли успеет.

— Он успеет. Должен успеть...

*

Радиogramму приняли на лодке в 14.20. На ней стоял шифр ВВО — вне всякой очереди. Спустя десять минут шифровальщик пулей выскочил на мостик и вручил радиogramму командиру. Мариненко пробежал глазами по бланку, буркнул старшему помощнику:

— Остаетесь тут за меня, — и поспешно спустился в центральный пост.

Склонившись над штурманским столом, он долго шагал ножками циркуля по карте, что-то подсчитывал на листке бумаги, затем взял с полки томик лоции и прочитал все, что там было написано о банке Штольпе. Написано было мало, и он, чертыхнувшись, приказал:

— Штурмана ко мне... Живо!

В узком корабельном мирке ни один шаг, ни один жест командира не остается без внимания. Всевидящий «матросский телеграф» сработал без промедления. По отсекам, от уха к уху поползло:

— Приняли ВВО... Командир «колдует» над картой. Послал за штурманом... Не иначе готовится что-то!..

Штурман Михеев проложил к банке Штольпе ломаную линию курса, потом вынул из футляра логарифмическую линейку и принялся за расчеты. Мариненко переминался с ноги на ногу.

— Ну? — спросил он, когда Михеев закончил, наконец, подсчеты и положил карандаш на карту.

— К двадцати двум в точку не успеваем.

— Почему?

— Тут вот мы пойдем напрямую и выиграем минут сорок, зато здесь, в этом лабиринте, потеряем много времени, — и штурман ткнул тупой стороной карандаша в извилистый проход между неровными полями на карте, заштрихованными синими линиями. По обеим сторонам прохода стояли четкие надписи: «Мины» и в скобках — «Границы полей точно не установлены».

— А если пойдем так? — и Мариненко перечеркнул ногтем синюю штриховку.

Штурман прикусил губу.

— Да... Но мины. Тут как суп с клецками...

Мариненко пристально посмотрел на него, сказал:

— В штыковом бою тоже опасно...

Когда вызванные из отсеков офицеры собрались в кают-компании, командир зачитал радиогранму и объяснил свое решение идти напрямик через минное поле. Зорко оглядев всех, спросил:

— Что думаете по этому поводу?

— Раз надо — пойдем, — сказал старпом и погладил ладошкой лысину.

— Конечно, — подтвердил механик Грачев. Хотел еще что-то добавить, но кашлянул в кулак и сел.

— А мы ему — мат, этому «Черному королю»!.. Матик ему, гаду! — сверкая глазами, сказал минер Петренко.

— Так... — Мариненко пристукнул по столу костяшками пальцев. — Расскажите о боевой задаче личному составу, проверьте готовность оружия — и спать. Всем свободным от вахты спать. Это приказ...

Мариненко проснулся и почти сразу понял: уменьшили скорость хода. Взглянул на часы: спал всего сорок минут, до поворота на курс, пересекающий минное поле, еще около часа.

Он спустил ноги с койки, сел. И тут же его опрокинуло навзничь, припечатало к постели. Палуба резко перекосилась и поползла вверх.

«Бросает!» — недовольно проворчал он, силясь принять нормальное положение. Час назад, когда он спустился с мостика, качало куда слабее.

Широко расставляя ноги, цепляясь за что придется, он

добрался до центрального поста. Вахтенный подскочил с докладом: одна рука у козырька, другой хватается за трубопровод над головой. Привычной скороговоркой начал:

— Товарищ командир, за время вашего отсутствия...

Мариненко досадливо отмахнулся и полез по кособочащемуся трапу на мостик.

В колодце люка бешено крутит ветер, давит на плечи, рвет с головы ушанку. Дышать нечем, и командир, низко нагнув голову, давясь, хватается широко открытым ртом упругий, как резина, воздух. Дважды его окатывает врывающаяся в люк вода. Мокрый до нитки, он вылезает из люка; теряя равновесие, обхватывает тумбу перископа и надолго замирает, прильнув к ней всем телом.

Впереди за носом подводной лодки тьма. Море, такое же черное, как и небо, усеяно клочьями пены. Ветер неистовствует. Острый форштевень разбивает волны. Взлетая над лодкой, они с маху обрушиваются на узкую надстройку и мостик. Временами корабль повисает в воздухе, вибрируя всем корпусом. Затем проваливается между валами и снова начинает беспорядочно метаться, черпая воду то одним, то другим бортом.

На мостике смутно виднеется группа людей. Они неподвижны. Тусклый свет из люка падает на их ноги и спины, оставляя лица в темноте.

Мариненко потянул за рукав старпома, стараясь перекрыть вой и грохот, спросил:

— В чем дело? Почему уменьшили ход?

Старпом показал на ухо.

— Громче!.. ...жалуйста...

Они зашли под козырек рубки и могли разговаривать.

— Шторм усилился, товарищ командир.

— Я это заметил, — ехидно сказал Мариненко и, наливаясь гневом, выкрикнул в красное лицо:

— Кто позволил вам изменить ход?.. Кто?!

Старпом виновато заморгал.

— Лодку заливают через рубочный люк. Помпы не успевают откачивать воду. Я думал... Это временно. Ближе к берегу станет тише... Проклятый штормяга!..

— Мы же опоздаем! — задохнулся Мариненко, но сумел взять себя в руки. — Прикажите дать самый полный ход!

Старпом сломался в пояснице, склонившись над люком, крикнул что было сил:

— В центральном!.. Самый полный!

В его голосе было отчаяние и обида. Снизу, как эхо, донеслось:

— Есть самый полный!..

Подводная лодка столкнулась с набежавшей волной, повалилась на борт и дрогнула, словно наткнулась на что-то твердое. Вал с грохотом пробежал по надстройке, ударил тараном в рубку и рассыпался.

Мариненко выбрался из-под козырька. Старпом встал рядом. Оба молчали.

Незадолго до поворота на новый курс Мариненко спустился с мостика и прошел по кораблю.

В жилых помещениях тишина и синий полумрак; свободные от вахты моряки спят. Зато в дизельном отсеке адский грохот. Он цокотом, свистом, дробным уханьем обрушивается на барабанные перепонки, заставляет широко открывать рот.

В узком проходе между рычащими двигателями привычно балансирует моторист с масленкой в руках. Изредка он подает рукой какие-то знаки Илье Спиридоновичу, мичману, стоящему у пульта управления. Тот кивает в ответ или отрицательно трясет головой. Это их немая азбука.

Мичман — хозяин отсека, хозяин рачительный, но крутой. Матросы и уважают его и побаиваются. Когда им довольны, величают «машинным батькой», в гневе зовут Скипидарычем. Худое лицо мичмана посерело, вокруг ввалившихся глаз синие круги. Увидав командира, он подтягивается, украдкой застегивает крючки на тугом вороте кителя. После доклада они перебрасываются несколькими фразами. Тут, как и на мостике, приходится кричать в голос.

— Как двигатели? — спрашивает Мариненко.

— Порядок. Стучат.

— Не подведут?

— Уж будьте спокойны.

И весь разговор. Моторист с масленкой застыл поодаль, наострил уши: вдруг командир скажет что-нибудь новое насчет задания? Но, уходя, командир говорит:

— Отдохнуть бы вам надо, мичман.

— Надо, — охотно соглашается Илья Спиридонович. — А когда?

И верно, некогда ему сейчас отдыхать. «Возвратимся из похода, пять суток отпуска ему отвалю, пусть отсыпается старина», — великодушно решает Мариненко. В этот момент он искренне верит, что так оно и будет. А знает — в базе работы невпроворот, только пошевеливайся, и не до отдыха будет Илье Спиридоновичу, не до сна. Да ведь и вернуться еще надо в базу...

В отсеке у электриков тишина. Они отдыхают. Их работа впереди, когда лодка уйдет под воду. У вахтенного, молодого матроса, синие, покусанные губы, в глазах — тоска. Возле него — брезентовое ведро.

Появление командира обескураживает матроса. Встретив направленный в упор строгий взгляд, он совсем теряется и, косясь на ведро, сбивчиво рапортует.

«Добрый будет моряк; мается, а замены не просит, — думает о нем командир. — Еще один поход, и у кока хорошим едоком прибавится».

В соседнем отсеке над столом склонились две разномастные головы, почти касаются лбами друг друга, будто собрались бодаться. Смуглый брюнет — трюмный Флеров, русоволосый крепыш — торпедист Никитин. Физиономии у обоих красные, сердитые. Они неразлучны и вечно спорят. Матросы зовут их Ершами Ершовичами. Заметили командира, вскочили, руки по швам. И шторм их не валит...

— Сидите, — махнул рукой Мариненко и опустился рядом. Оглядел Ершей, усмехнулся. — Почему не спите? Опять ссоритесь?

— Да нет, это мы так... беседуем, — смутился Флеров.

Ветер несколько ослабел, но море не успокоилось. Валы набегают во тьме со всех сторон. На их изломанных гребнях пузыряются разводя пены. По-прежнему сильно качает.

Семнадцать минут назад подводная лодка пересекла зыбкую границу минного поля. Семнадцать минут!.. Мало это или много? В обычной жизни — капля, в бою — океан. Здесь — бой...

Мариненко взглянул на часы. Время, кажется, остановилось. Он уже ничего не мог изменить, на его долю оставалось одно — многотонная тяжесть ожидания.

Снизу из люка падает свет. Там — жизнь. Она может оборваться: вот сейчас или через миг... Он приказал надеть спасательные пояса.

Вот и еще минута прошла!

Лег неторопливо отсчитывает пройденные мили. Его стрелки едва ползут по белому полю циферблата. Короткий щелчок — и миля уходит за корму. Но между щелчками — бесконечность.

Штурман Михеев неотрывно следит за черепашьям ходом часов. Они не спешат. Тикают себе.

В центральном посту шумно: в люке завывает ветер, стрекочут и посвистывают приборы, утробно чавкает помпа — сосет воду из трюма, а штурману кажется, что он слышит звонкие и необыкновенно тягучие удары собственного сердца. Он замер, прислонившись к переборке, руки упрятал за спину: пусть лучше их никто не видит. Рядом на боевых постах застыли матросы. Лица у них спокойные, бесстрастные, жесты привычно выверенные. Тревога — в глазах, и потому люди стараются не смотреть друг на друга.

Осталось девять минут... семь... четыре...

Но вот стрелка, дрогнув, неохотно переползает через заветное деление. И в тот же миг штурман срывается с места, мчит к трапу на мостик, однако на последних ступенях трапа замедляет шаги и командиру докладывает буднично, просто:

— Мы его прошли, это поле...

Скоро полночь, а вражеского конвоя нет и в помине. Пять пар настороженных глаз сверлят ночь с мостика подводной лодки. Вокруг только беснующееся море. Время от времени мостик накрывает не то туман, не то густой дождь, и тогда за его частой сеткой вообще нельзя ничего рассмотреть.

Долгие ожидания подводникам не в диковинку, и все же нервы у всех напряжены до предела. В отсеках затихли разговоры, на лицах давно погасли улыбки.

Мариненко выколотил трубку о поручень, набил ее новой порцией табака и, не прикуривая, сунул в рот. Курить на мостике он сам запретил.

«Может, этот треклятый «Вильгельм» и вовсе не выйдет сегодня, — думает он, обшаривая глазами волны. — А что, если он уже прошел?! — в груди появляется противный холодок. — Нет, не мог пройти... Не должен был», — успокаивает себя Мариненко. Брызги хлещут его по лицу, заползают за ворот ледяными струйками. Он сильнее стискивает зубами мундштук трубки.

После полуночи ветер переменился и погнал тучи к востоку.

Шторм явно шел на убыль. Гребни волн заметно сгладились, хотя на их вершинах еще курчавились белые завитки. Посветлело. На миг проглянула и тотчас спряталась ущербная луна.

И почти в то же мгновение стоявший рядом сигнальщик выкрикнул:

— Вижу силуэт корабля!.. Нет, три силуэта! — поправился он. — Вот они!..

Впереди, чуть правее курса подводной лодки, смутно темнели три расплывчатых пятна: одно большое и два — поменьше. Они почти растворялись в ночи.

Внизу по отсекам прокатилась переливчатая дробь тревожных звонков. В течение нескольких секунд из люка слышался шум и громкая разногласица. Затем все стихло, и центральный пост доложил о готовности подводной лодки к бою.

Штурман прильнул к визиру пеленгатора и взял несколько пеленгов на фашистские корабли.

— Они уходят от нас!.. Быстро уходят! — доложил он встревоженно.

Командира охватило беспокойство. Погружаться поздно. Идти над водой?.. Можешь обнаружить себя...

— Под водой их не догнать! — точно отгадав мысли командира, растерянно проговорил штурман.

Мариненко, стараясь не показать волнения, сказал ему:

— Догоним в надводном положении на параллельном курсе, а там и погрузимся, — и перевел рукоятки машинного телеграфа на самый полный ход.

Тяжелые брызги окутали подводную лодку с носа до кормы. Равномерная качка прекратилась. Лодку жестоко швыряло из стороны в сторону. Она то ныряла, сшибая гребни волн, то вдруг замирала на месте, столкнувшись с непреодолимым напором воды, то стремительно мчалась вверх, дрожа всем корпусом. Зеленая колышущаяся стена преградила ей путь. Несколько мгновений волна стояла неподвижно, закрыв собой полнеба, потом рухнула на корабль.

Мариненко невольно зажмурился, торопливо хлебнул воздуха. Палуба качнулась из-под ног. Командира накрыла душная холодная темень, повлекла за собой, отрывая пальцы от поручня. Подбитые гвоздями сапоги скользнули по гладкой крышке рубочного люка. Удерживаясь из последних сил, он крикнул:

— Держись, Михеев! Держись!.. — но голос затерялся в вое ветра.

Волна скрыла под собой палубу и нацеленный в черное небо тонкий хобот пушки. Лодка зарылась носом в бурлящую пену, потом ухнула кормой в провал между двумя крутобокими валами и, не успев выпрямиться, начала снова резко валиться на борт.

Казалось, медленному падению не будет конца. Мариненко всем телом припал к перископной тумбе. Бинобль, повисший на ремне, впился в грудь.

Поднявшийся на мостик механик Грачев прокричал:

— Нельзя больше прибавлять обороты! Двигатели работают на грани возможного.

— Еще десять оборотов! — приказал Мариненко. — Шагайте через вашу грань, механик. Шагайте! Мы должны их догнать!..

Расстояние между подводной лодкой и конвоем сокращалось медленно — прошло больше часа, прежде чем она поравнялась с ним. И тут произошло непредвиденное: минуты неслись вскачь, а штурман, не поднимавший головы от пеленгатора, неизменно докладывал:

— Пеленг на конвой не меняется... Пеленг все тот же!..

Скорости лодки и кораблей конвоя уравнились. У Мариненко было такое ощущение, будто фашисты, разгадав его замысел, также увеличили ход и включились в эту сумасшедшую ночную гонку. Однако мысль эта показалась ему столь нелепой, что он тут же отбросил ее. Разве корабли охранения позволяют лодке идти так близко от бесценного лайнера! Одно теперь ему ясно — в голову конвоя уже не выйти и выгодную позицию для удара торпедами из-под воды не занять.

Неожиданно среди волн, там, где шли чужие корабли, вспыхнул яркий, как звездочка, огонек. Спустя миг он погас. Потом опять загорелся и быстро-быстро замигал навстречу подводной лодке.

— Они нас вызывают! — выкрикнул сигнальщик.

Мариненко до боли сжал пальцами поручень. «Обнаружили!» Мозг лихорадочно искал выход из трудного положения. Вдруг искрой сверкнула мысль. Она была до дикости простой, и это пугало. «Бред!.. Сумасшествие!» — подумал Мариненко и тут же понял: иного решения быть не может! План атаки сложился мгновенно. Он бросился к прицелу надводной стрельбы и самозабвенно прокричал слова команде:

— Право на борт! Курс — на конвой! Торпедные аппараты, товсь!

Нос лодки стремительно покатился вправо. Волна с силой ударила в борт и обрушилась на мостик. Мариненко на мгновение потерял конвой из виду, но почти сразу снова увидел его: оттуда по-прежнему мигал огонек сигнального фонаря. Не отрываясь от прицела, спросил:

— Что они пишут?

— Только три буквы: добро, живете, наш, — ответил

торопливо сигнальщик. — Наверное, позывные запрашивают. За своих приняли.

— Отвечайте им.

— Что?! Что отвечать?

— Что-нибудь, все равно что. Хотя... сигнальте им те же три буквы... Ну, живей же, старшина!

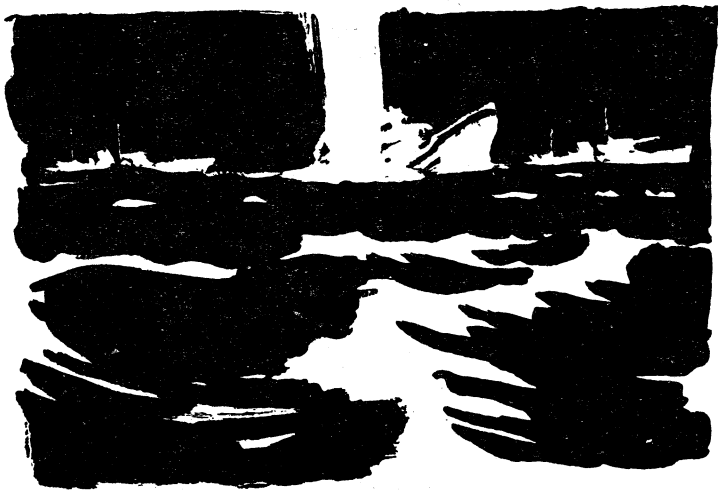
Сигнальщик с ловкостью белки взобрался на тумбу перископа и, направляя луч в сторону конвоя, быстро застучал клапаном сигнального фонаря.

Огонек на горизонте погас. Пауза была долгой. Но вот огонек вновь вспыхнул и замигал быстрее прежнего.

«Психуют, собаки», — злорадно прошептал Мариненко и представил себе, как мечутся в эти минуты фашистские командиры. Открыть огонь не решаются: вдруг свой, и близко подпустить страшатся: что, если чужой? «Минут бы десяток нам!» — как о несбыточном, подумал он.

Все его существо без остатка охватило знакомое уже и ни с чем не сравнимое чувство. В нем напряглась каждая жилка. Нет, это не был азарт игрока, поставившего все на карту. Это чувство порыва и необыкновенной ясности сознания, обостренного смертельной опасностью, знакомое только настоящим бойцам: десантнику перед прыжком на чужую землю; солдату, поднимающемуся в штыковую атаку; пилоту, сошедшему на вираже лоб в лоб с вражеским самолетом.

Расстояние до кораблей конвоя заметно сократилось, и теперь Мариненко мог различить даже их строй. Стрелять было нельзя, хотя дистанция и позволяла это. Корабли охранения — эсминцы типа «Гальстер» — двигались гуськом друг за другом, прикрывая лайнер от лодки, словно стеной.

Над волнами, оставляя за собой искрящийся дымный след, взмыла ракета. Она повисла между кораблями конвоя и подводной лодкой, осветив море и небо неживым мерцающим светом. Один из эскадренных миноносцев стремительно покатился влево. Он поворачивал на лодку. Ослепительно ярко сверкнули огненные языки. Казалось, вспыхнуло море. Звуки выстрелов слились в могучий незатихающий грохот. По правую сторону и позади лодки из моря взметнулись бешеные крутящиеся водяные столбы.

«Разобрались-таки», — спокойно, будто о чем-то постороннем, подумал Мариненко.

Между кораблями охранения, наконец, образовался просвет. Нос «Вильгельма» быстро наполнил на визир прицела. Когда он коснулся его, Мариненко выдохнул спиравший грудь воздух и ликующе выкрикнул:

— Залп!.. Срочное погружение!..

Лодку сильно встряхнуло. Избавившись от многотонного груза торпед, она зарылась носом в волны и камнем пошла в глубину.

Могучий рокочущий гул пронизал море от поверхности до самого дна. Войдя в отсеки подлодки, он растворил в себе без остатка яростное шипение сжатого воздуха, рев воды, бурлящей в цистернах, тревожное кваканье ревунов и радостные крики людей.

*Писатель Лев
Александрович
Кривенко воевал
на Ленинградском,
Калининском, Цен-
тральном фрон-
тах. Автоматчик.*

Рисунок В. НЕМУХИНА

СОЛДАТСКАЯ СКАЗКА 1943 ГОДА

Из фронтового блокнота

Получили приказ укрепить оборону. Роту нашу — автоматчиков — отрядили в помощь саперам.

Ночами перед окопами мы вбивали в землю колья, опутанные крест-накрест колючей проволокой.

...Как только заползешь в землянку, сразу услышишь разговор, начала которого никто не помнит и конца которому не предвидишь.

— Вздремнуть бы, — кто-нибудь говорит.

— Вот закрываю глаза, — подхватывает другой, — считаю: один, два... до сотни, опять с копейки, а сна нет. Какое-то предчувствие мутит. Ночью-то опять пойдем рогатки ставить.

И один совет от всех превратностей:

— Закури лучше. Освежи душу.

И никто не говорит вслух о том, что у каждого в ушах еще отдается крик взводного. Взводного ранило сегодня ночью, хотя и стояло вокруг затишье.

Война! Но и на войне хочется быть огражденным от всего непредвиденного, хочется, чтобы все случайное было бы только выигрышем. Целесообразность, живущая в нас, невольно разыскивает целесообразности и в том, что тебя обступает: одно дело настоящее наступление, другое — быть сбитым шальной пулей.

*

— Суслов, расскажи сказочку.

— Курский соловей, поведай.

— Вот считаю, а сна все нет и нет.

Суслов закуривает и долго молчит.

— Да, не спится, — соглашается Суслов и щурится, словно бьет ему в лицо курское луговое солнце.

Скуластое загорелое лицо Суслова заросло рыжей щетиной, рассечено морщинами. Одни морщины с вьющейся землей, глиной, другие — сетчатые — пучком собрались у сощурившихся смеющихся глаз.

— Это было давно, — Суслов, вспоминая, зажмурился. — А может быть, и недавно... У царя была дочь.

И сразу стало как-то веселее, уютней и теплее. «И откуда у него что берется? Вот почему, оказывается, курские соловьи мировую славу имеют», — одобряли Суслова.

— Приказал царь не выпускать дочь на улицу, на торговую площадь. Держал в голове думку: «Как бы чего боком не вышло. Нынче, — думал царь, — только закрой глаза, а потом пеняй на себя — прошляпил. Девчонки-то зыркают по сторонам». Приказал царь строго-настрого: дальше двора ни шагу. А за двором — городской сад. Оттуда — музыка, смех и визг. Слушала царская дочь этот смех и мечту заимела туда по-пасть.

— А как ее звали-то? — кто-то спросил.

— Не сбивай. Дальше, дальше, — потребовали другие.

— Пристала к царю: «Папань, а папань, пусти меня погу-

лять». Царь — нет да нет. Но любил он дочь. А как не уважить человека, если души в нем не чаешь, — и дал все же согласие. Вызвал автоматчиков.

— Во дает! — кто-то крикнул.

Все засмеялись, и стало еще свободнее, еще раскрепощеннее.

— А были среди автоматчиков разные: и приземистые, и грудь колесом, и плакальщики, и стойкие. Без малокровных и в старину дело не обходилось. Жизнь, она, брат, разнокалиберных рождает.

Нарядилась царская дочь в свое лучшее платье, прическу навела и пошла под охраной на белый свет посмотреть, повадки людей узнать, с соседями свести знакомство.

Да... как-то в воскресенье она и пропала. Прибежала стража к царю, упала в ноги. Царь сразу учуял: «Где дочь? Сони! Ротозей! Зайцы!»

«Идем, идем, — залепетал старший, — оглядываемся: была — и нет, как сдунуло. Только белое пятно мельтешит».

«Я покажу вам «сдунуло». Такое «сдунуло» покажу! Проморгали!» — закричал царь. Затопал ногами. Велел звонить во все колокола, разослать гонцов по заморским землям.

На площадь согнали народ, прокричали царский указ: «Кто найдет мою дочь, тому полцарства и ее рука!»

В землянке сгущается махорочный дым, плывет вверх и, приплюснувшись к потному накату, не расползается, а оседает туманом.

— В это самое время в пивной дым коромыслом стоял, — говорит Суслов. — Спорили капитан с разбитого корабля и портупей-прапорщик, отставленный от службы за самоуправство и неподчинение высшему начальству. А также за свое мнение, что, кроме него, никто не смыслит в деле вождения войск. Третьим среди них был Иван. Он больше молчал, сидел как в гостях. Они пропили все деньги и дошли уже до рубашек.

«Все дело в атаке! В Урру! — кричал портупей-прапорщик. — К чему все эти академии, училища! Встали — Урра! Наша взяла. Это говорю я, портупей-прапорщик. А то что за жизнь пошла! Окопались, зажирели. Чиркнуть из автомата — и разговор короткий».

«Сообразить чего-нибудь надо, — сказал капитан, — а то сосет».

А кто-то в это самое время начал гуторить о царском приказе.

Иван дал мысль: «Не попытать ли судьбу?»

Португей-прапорщик подскочил и подхватил на лету мысль Ивана, еще горячую. «Я придумал! — закричал он. — Айда к царю! Просить корабль. Потребуем продуктов с запасом на три года. Будем жить припеваючи. Это так же верно, как то, что авось — не бог, а полбога есть, как то, что у меня на шкуре, кроме последней рубахи, ничего нету».

Сказано — сделано.

«Почему харчей на три года?» — удивился царь.

«Государю, — сказал капитан, — этот срок кажется длинным, как английская миля, когда ее ядрами замеряют, и любовь царя к дочери не может, конечно, примириться с таким длинным сроком, но...»

«Но! К чему вся эта дипломатия? К чему «но», которое не погоняет даже лошади! — перебил португей-прапорщик и забил себя в грудь. — Мне, прапорщику! Сон... Вещий сон видел. Корабль с крыльями улетал за море, и на нем белое облако».

«И старшой об этом твердил, — задумался царь, но, глянув на бессловесного Ивана, буркнул: — По рукам! Только поспешите».

Корабль отплыл. Море. Воды много, а пить нечего.

Они обрадовались, когда выступил зеленый остров. Приняли решение: поохотиться, побегать по земле — размяться.

В чаще острова Иван заметил сруб, схожий с выкорчеванным пнем. Тут они и сделали привал. С утра бросили жребий: кому идти на охоту, а кому остаться и соображать обед. Жребий выпал на капитана. Капитан напарил каши и, увидев на лежанке дудочку, начал перебирать на ней. На звук открылась дверь, и ввалился старик в лаптях. Попросил капитана по-христиански поделиться с ним, странником.

«Самим мало, попрошайка лаптежный».

«Мало», — обиделся старик. И, оглушив капитана посохом, сам все съел и ушел. А когда возвратились португей-прапорщик и Иван, обвешанный дичью, то капитан отговорился тем, что они, дескать, скоро причалили...

«Эх, ты, — скривил губы прапорщик. — Вот я завтра закачу пир. Пальчики оближете. Нам, пехоте, к морю не привыкать».

На другой день прапорщик нажарил, напарил и, поджидая, заиграл на той свистульке. Снова открылась дверь, и тот старик опять объявляется и просит угостить его, помочь человеку, потерпевшему кораблекрушение.

«Всем давать — сам ноги протянешь», — огрызнулся портупей-прапорщик.

«А, скупердяга! Получай за скупость!»

Когда капитан и Иван, волоча за собой сухостойное для костра дерево, вернулись, прапорщик развел руками.

«Прав капитан. Тут ни дров сухих поблизости нету, ни пресной воды».

Наступил черед Ивана. Он приготовил обед, приправил для вкуса разными укропными травками, натаскал про запас и дров и воды и, сделав все на совесть, так, чтобы обрадовать капитана и прапорщика, заиграл на дудочке. Опять вваливается старик.

«Пахнет дюже аппетитно, не угостишь, служивый?»

«Ешь, — сказал Иван, — на здоровье».

«Живность хорошо прожарилась», — похвалил старик.

Иван вздохнул.

«Да, — согласился он, — закусочка приличная, а горло промочить нечем».

«Э, не горюй. За этим дело не станет». — И старик что-то шепнул. Вмиг, как по волшебству, на столе выросла бутылка, так с пол-литра.

На чем я остановился? — спросил Суслов.

В ответ он слышал глубокое дыхание, сопение, всхрапывание. Снаружи ходил часовой. Слышались далекие разрывы мин. Обсыпались стены землянки.

Где-то рядом мяукала одичавшая кошка.

*

Днем копали траншею.

Над передним краем расплзается тишина. Печет солнце. Обнадеживающее сизое облачко собралось над лесом и, не загустев, испарилось.

Изредка, лениво перекатываясь через лес, прогромыхивал артиллерийский раскат и, не срывая ничего, где-то далеко скатывался. И тишина становилась как бы еще плотней. А впереди — речка, зажатая с берегов зеленью. И на повороте реки — песчаная отмель.

«Покупаться бы!» Все увидели, как прошли вдруг над окопами откуда-то выскочившие утки и, снизившись, подняв брызги, легли на реку. Сразу сухо треснули выстрелы. Здесь ничто не должно отвлекать от отмеченных на карте ориентиров.

И все были довольны, когда утки тяжело поднялись и с шумом стремительно пролетели в сторону наших тылов.

Во время перекура опять пристали к Суслову:

— Доскажи сказочку.

— Поведай.

— На чем я остановился? — спросил он.

— Пол-литра на столе! — закричали вокруг.

— Да вы же хранили, — удивился Суслов.

— Твое и в спячке врезается.

— Ну, ладно. Иван повеселел. Высосали они эту бутылку, Иван и расчувствовался: «Мало».

«Это дело в наших руках», — и старик опять прошептал что-то по-своему. На столе сразу выстроилась батарея бутылок. Иван сбросил шапку и крикнул:

«Пить так пить! — И пошли летать стаканы. Старик же носом заклевал, а Иван, войдя во вкус, только голос подавал: «Пить так пить!»

Он обнял гостя, и начали они песню спивать: «Последний нонешний денечек гуляю с вами я, друзья...» Расчувствовался и старик, прослезился, да и говорит: «Правильный ты мужик, Иван. Бери, к чему душа лежит». И дает Ивану связку ключей.

Старик ушел, а Иван стал примерять ключи ко всем отверстиям, что находил в стене. Вдруг что-то трынкнуло, и открылась дверца, раньше неприметная. Иван присвистнул, вошел в светелку и увидел дубовую постель. Иван сделал к постели шаг — и обомлел. Спит царская дочь. Она почуяла, что на нее смотрят, зашевелилась и открыла глаза. Соскочила с кровати и кинулась с криком, слезами к Ивану на грудь:

«Спаситель! Спаситель!»

Сняла с пальца кольцо, дала Ивану и строго-настрого сказала: «Береги, Иванушка, кольцо. По нему ты докажешь батюшке, что меня спас».

Когда возвратились с пустыми руками капитан и портупей-прапорщик, стали собираться в обратный путь.

На берегу, глянув на руку Ивана, царская дочь спросила о кольце.

«Тьфу, забыл на лежанке, — сказал Иван. — Я сейчас обернусь. Обождите». — И пошел к избушке.

Прапорщик подмигнул капитану, обхватил царскую дочь, как сноп, и понес ее к лодке. Она отбивалась, голосила, но... Придя на берег, Иван увидел в синем море только паруса надутые. Иван постоял, постоял, а потом собрал стог сухих листьев, забрался в него и заснул. Вот отчего мы порой много спим. Ну, пора за лопаты!

...Солдаты спрыгнули в траншею.

Солнце жгло, да так, что от просоленных гимнастеров, прилипших к телу, дымился пар. Казалось, что единственное спасение от зноя — это не шевелиться.

Слышался крик:

— Нажимай!

— Пить так пить!

И — общий смех.

*

— Проснулся Иван от толчков, протер глаза и увидел парнишку. Мальчишка сказался сыном лесничего и привел Ивана к своему отцу-бородачу.

«Вот што, — прошамкала борода, — живи у меня в работниках, присматривай за скотиной, а в ту конюшню, что за домом, не суйся, а то несдобровать тебе, понятно?»

«Понятно, товарищ начальник».

Ну, и стал жить Иван в работниках. Пас коров, коз, а та конюшня ему покоя не давала. Любопытство его распирало. Он нет-нет да и подойдет к ней, прижмется ухом. Как-то не выдержал. Тем ключом открыл замок, отодвинул дверь и присизистнул. В стойле, танцуя, переминался жеребец арабской породы: шея лебединая, ножки тоненькие, вышибают искры копытами. Вспрыгнул Иван на коня, да и шарахнулся с него кубарем. Жеребец проржал человеческим голосом: «Иван, ты мне жизнь спас. Лесник — это не лесник, а леший. Порешил он меня сгноить заживо. Проси, чего хочешь».

«Домой! — закричал Иван. — К матушке, к батьке! Как там они без меня, старые, управляются — концы с концами сводят. Пары уже поднимать срок пришел. Домой! Туда, где я родился, играл».

«Садись, — проржал конь, — держись за гриву цепко».

Иван почуял, как он потерял вес, и увидел, что под ним наползают друг на друга облака.

А во дворце пир горой.

Портупей-прапорщик в центре общего внимания. Сидит рядом с царем, хватает лучшие куски. Капитан тут же. Царь то

и дело поднимает кружку за здоровье прапорщика, прапорщик — за здоровье царя. Кругом гости речи держат, музыка гремит и столы, столы...

Иван прискакал, узнал от соседей, что старики ушли к царскому двору: может, там перепадет и им что-нибудь?

Иван присоединился тогда к общему веселью. Обвязал замусоленной тряпкой палец, закричал:

«Ура!»

«Ну, дочка, ты что молчишь, белены, что ли, объелась? — обратился царь к дочери и приказал: — Поднеси-ка людям».

Она подошла к Ивану и спросила:

«Что это палец обмотан?»

«Да пустяки, царапина».

«Размотайте».

«Так, пустяк. Вот прилипчивая!»

Кругом закричали:

«Раз-ма-ты-вай!»

Иван не торопясь стал разбинтовывать — заблестело кольцо.

«Он! Он! Спаситель!» — заголосила царская дочь.

Переполох пошел. Портупей и капитан смылись. В суматохе улизнули. Вот и все. А теперь... теперь за лопаты.

— Ни. Успеется с лопатами. Ответь — с портупеем что стало?

— Портупей опять подался в армию. Только там уже на горло никого не взял. Свои его пристрелили.

— А капитан?

— Да ведь сказка давно закончилась, — сказал Сулов.

— Ты же знаешь, скажи, что с капитаном, ну, уважь!

— Ну что с капитаном? Дали посудину, приписанную к берегу. Наказали.

— Ничего себе наказание.

— Да, повезло Ивану.

— Случайно.

— Царствует, должно быть?

Сулов отмахнулся:

— Какой там царствует! Землю пашет, дом на себе держит, родителей кормит. Одним словом, кормилец.

— Как же так?

— Вот так. Огласили, что кольцо поддельное, фальшивое. Ивана чуть не упекли.

— А продолжение у сказки есть? — спросил я.

Сулов засмеялся:

— Есть, сынок, пока есть. Сказки не имеют конца. От дедов до внуков, от нас к нашим детям.

— Конец должен быть, — сказал я. — К тому же все сказки со счастливыми развязками.

— И у этой конец счастливый, — заметил Суслов.

Я не сдавался:

— А могло быть и лучше.

Суслов притворно сердится:

— Вот прицепился, желторотый. — И, одобрительно обласкав взглядом, хлопает меня по плечу. Потом говорит: — Надо бы эту траншею к обеду осилить.

Он никогда не говорил «надо», а всегда «надо бы», словно приглашал всех на совет для совместного решения. И не уважить это его «надо» равносильно было бы обиде, которую ты нанесешь людям, желающим тебе только удачи: оскорбил бы мать, отца.

Кто-то крикнул:

— Пить так пить!

И сразу показалось, что нет ничего в жизни непреодолимого, что жизнь пойдет дальше веселее, потечет по пути целесообразности, живущей в нас, — без шальных пуль, нелепых случаев, подкарауливающих каждого из-за угла, а если и вмешается случай, то он наверняка будет только выигрышным.

Оборону эту мы считали теперь временной остановкой. Это как «перекур», когда во что бы то ни стало нужно перевести дух, чтобы прибавить шаг. Только отходя от дома все дальше и дальше на запад, мы приближали день возвращения домой.

Западнее Великих Лук,
июль 43-го года.

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

Научно-фантастическая повесть

Рисунки Н. ГРИШИНА

ПРОПАЛИ БЕЗ ВЕСТИ

«...Связь с батискафом прервалась 18 августа в 12 часов 42 минуты московского времени — как раз в момент второго, наибольшего толчка, достигшего десяти баллов. Все попытки нащупать батискаф с помощью эхолота и гидроакустической системы не увенчались успехом, так как в результате землетрясения произошли сильные смещения донных осадков на склонах глубоководной впадины, что вызывало искажения в показаниях приборов и практически сделало их совершенно бесполезными.

На протяжении последующих трех суток велись поиски батискафа как с борта «Богатыря», так и с воздуха — экспедиционными вертолетами и несколькими самолетами, специально выделенными береговыми аэродромами. Поиски затруднялись плотной и низкой облачностью, закрывавшей все это время возможный район всплытия батискафа, и ни к чему не привели.

Радиосвязь с берегом и самолетами часто нарушалась из-за сильных магнитных возмущений, что весьма осложняло координацию поисковых работ.

Запас воздуха позволял батискафу находиться под водой в погруженном состоянии максимум двадцать часов. Если даже он всплыл раньше истечения этого времени, то, вероятно, в поврежденном состоянии, о чем свидетельствует отсутствие с ним связи. За время же трех суток безрезультатных поисков в данном районе произошли новые серьезные стихийные бедствия, которым не приспособленный к надводному плаванию и к тому же поврежденный батискаф противостоять, конечно, не мог:

1. 20 августа в 05.48 московского времени прошли одна за другой с интервалом 12—15 минут три волны цунами, достигавшие по наблюдениям с борта «Богатыря» девяти метров высоты. Они были порождены, видимо, землетрясением в районе Алеутской гряды.

2. Через восемнадцать минут после прохода последней волны цунами — в 06.33 московского времени — судовыми сейсмографами было зарегистрировано новое землетрясение на дне океана, эпицентр которого располагался на глубине 70—80 километров в точке с координатами 45° 18' сев. 154° 33' вост. Сила землетрясения достигала девяти баллов.

3. По данным авиаразведки, в тот же день в указанном районе акватории произошло извержение подводного вулкана. Пламя при этом было заметно даже сквозь толщу облаков, достигавших здесь плотности в 600—800 метров.

В дальнейшем намечено специально исследовать этот район.

Учитывая все выше сказанное, считаю...»

Докончить фразу было нелегко. Начальник экспедиции отложил перо, сердито потряс рукой — было неприятное ощущение, что она страшно затекла.

Потом он, ссутулившись, с минуту смотрел, ничего не видя, куда-то в угол каюты. Было тихо. Только изредка что-то щелкало в трубах судового отопления.

Вздохнув, он снова взял ручку и твердо, с нажимом написал:

«...считаю дальнейшие поиски батискафа бесполезными и прошу разрешения продолжать выполнение намеченной исследовательской программы».

Старик яростно, разбрасывая брызги с пера, подписался и швырнул ручку на стол. Она скатилась на пол, но он не стал поднимать ее, тяжело поднялся, медленно подошел к койке, отдернул, едва не сорвав, веселенькую шелковую занавеску и лег, не снимая кителя с золотыми нашивками.

Он лежал так долго, глядя в потолок, по которому скользили туманные блики от иллюминатора. В дверь громко постучали.

— Да. Войдите, — буркнул начальник, поднимая седую лохматую голову.

Вошел капитан. В одной руке он держал фуражку, в другой — голубой листочек радиogramмы.

— Вы отдыхали, Григорий Семенович? Виноват...

— Ничего. Что там?

— Сообщение, Григорий Семенович. Береговые станции прослушивания уловили в звуковом канале на глубине четырехсот метров слабые сигналы. Позывные батискафа и несколько отрывочных фраз: «...вынуждены всплывать... не работает... определить не... баз», — прочитал капитан, запинаясь. — Очень плохая слышимость.

Старик сел на койке, задохнувшись, спросил:

— Запеленговали?

— Да. Это миль семьдесят от нас, к северо-востоку. Вот точные координаты.

Они одновременно подошли к столу. Начальник экспедиции углубился в радиogramму, капитан начал разворачивать лежащую на столе карту. Оба склонились над ней.

— Подают сигналы, значит живы, — проговорил старик и посмотрел на капитана, потом снова начал внимательно изучать радиogramму. — Но какой дьявол их туда занес, хотел бы я знать? И что вообще с ними произошло? «Баз...» — это, видимо, Базанов. Тарабарщина какая-то.

И добавил, опять поднимая на капитана удивленные глаза:

— Но как они уцелели под водой, если прошло трое суток, а воздуха у них было на двадцать часов?!

КООРДИНАТЫ НЕИЗВЕСТНЫ

(Судовой журнал с комментариями
С. Ветрова)

1

«18 августа, 09.05. Дана команда к погружению. Экипаж батискафа занял места согласно бортовому расписанию. Приборы и механизмы проверены. Все в порядке».

Славное было утро, когда, плотно позавтракав, я вышел на палубу. Легкая зыбь лениво и мерно покачивала корабль. Небо было чистым и синим, море сверкало под солнцем. От иллюминаторов и надраенных поручней по волнам танцевали веселые «зайчики».

По палубе, топоча сапогами, сновали матросы. Скрипели тали, где-то на баке постукивала лебедка. Начиналась станция.

Станцией мы, океанографы, называем каждую остановку в море для производства научных наблюдений. Иногда она бывает короткой, иногда — продолжительной. Порой приходится стоять на одном месте целые сутки, регулярно повторяя наблюдения, чтобы знать, как живет океан в этом месте на протяжении дня и ночи.

Но сегодня станция была необычной. Под нами Курильская впадина — огромная трещина в морском дне с глубинами до десяти с лишним километров. И вот в нее-то и предстояло нам нынче нырнуть.

На юте трое матросов готовили к спуску дночерпатель, широко разинувший свои стальные челюсти-ковши. Когда он сядет на дно, челюсти захлопнутся, захватив кусочек грунта со всеми обитателями морского дна, подвернувшись по неосторожности.

Рядом, придерживая одной рукой фуражку, опускал за борт вертушку для измерения скорости подводных течений мой приятель Павлик Зарубин. Проходя мимо, я успел вытащить у него одну папироску: они, как газыри, торчат из карманов куртки.

Увернувшись от его дружеской затрещины, поспешил дальше — туда, где виднелся из-за мачты наш батискаф, подвешенный на тросах на специальной площадке возле кормовой рубки.

Мы называем его с ласковой фамильярностью «лодочкой». Он действительно напоминает маленькую подводную лодку. Такой же прочный стальной корпус, узкий и заостренный. Наверху — рубка, антенна — все как у настоящей подводной лодки. Только стальная кабина, выступающая полушарием снизу из корпуса, придает батискафу необычный вид. Зато он может спускаться на такие глубины, какие совершенно недостижимы для обычных подлодок.

Возле нашей «лодочки», конечно, уже суетился Базанов

с гаечным ключом в руках. Обычный светло-кремовый костюм он сменил на синюю рабочую курточку, не менее щеголеватую. Она вся механизированная, на сплошных застегках-«молниях». И галстук у него опять новенький...

Откуда-то из-под батискафа вылез и третий непреременный член нашего дружного экипажа Мишка Агеев.

— Ну, мальчики, за дело. Через полчаса наш номер, — весело сказал Базанов. — Коронный номер: баланс с кипящим самоваром на лбу. Музыка выбивает «смертельную дробь».

Перед каждым погружением он становится оживленнее и веселее.

Обязанности между нами точно распределены раз и навсегда, и теперь мы без лишних слов принялись за дело.

Михаил полез наверх, чтобы наполнить бензином стальной корпус «лодки». Бензин легче воды и заставляет батискаф всплывать, подниматься, словно воздушный шар. Кроме того, большая упругость бензина по сравнению с водой позволила сделать стенки корпуса тонкими, всего в четыре миллиметра. А толщина стенок полукруглой кабины, наростом торчащей внизу корпуса, гораздо больше — девять сантиметров.

Я лезу в кабину, чтобы проверить электрооборудование. Она тесновата, но мы уже к этому привыкли и почти не замечаем. Три иллюминатора, прикрытых прочными решетками. Возле каждого оконца — откидной столик и крохотное, совсем детское креслице. Оно тоже откидывается.

Вообще с каждым новым погружением мы все больше восхищаемся, как Базанов и его товарищи — конструкторы здорово все продумали, до мелочей.

Прежние гидростаты болтались на привязи у буксирующего корабля. А наша «лодочка» вполне самостоятельна. У нее своя электростанция из батареи мощных аккумуляторов. Она может плавать на любой глубине при помощи двух винтов, установленных по бокам корпуса. Правда, скорость они развивают небольшую, но быстрее плыть и не надо, иначе ничего не увидишь. Пять сильных прожекторов так установлены снаружи кабины, что из каждого иллюминатора открывается хорошее поле зрения.

Я проверяю, как работают наши «руки». Нажимая цветные кнопки на пульте, мы заставляем особые манипуляторы, вмонтированные в корпус глубоководного снаряда, брать пробы грунта и воды, измерять температуру ее, скорость и направление течений.

Кажется, все в порядке. Я выбираюсь через люк наверх, чтобы поразмять ноги на палубе. Под водой ведь не погуляешь.

Михаил тоже закончил свои дела и уже успел сходить на камбуз за продуктами. Я помогаю ему спустить в кабину термосы с крепким чаем и какао, шоколад, какие-то пирожки и фрукты. Базанов занят самым ответственным делом: проверяет затворы бункеров с балластом. Этого он никому не поручает.

Чтобы менять глубину погружения, мы то заполняем

водой, то опоражниваем особые баки, вмонтированные в корпус. Их продувают сжатым воздухом из баллонов. Но есть и еще один балласт — аварийный: железная дробь, насыпанная в три больших бункера с электромагнитными затворами. Стоит только выключить ток, затвор откроется, дробь посыплется из бункера, и «лодка» наша начнет всплывать.

— Ну, мальчики, кажется, все, — вытирая замасленные руки, говорит Базанов. — Остается десять минут. Вполне достаточно для перекура.

Мы садимся прямо на палубу и закуриваем, с наслаждением подставляя лицо легкому ветерку. Торопливо, жадно затягиваясь, Базанов объясняет нам предстоящее задание:

— Сегодня будем опускаться на привязи. Лобов приказал установить на палубной площадке телевизионный аппарат. Хочет старик непременно сам заглянуть в эту трещину.

Значит, нас свяжет с кораблем кабель, питающий съемочную камеру электроэнергией. Ну что же...

Базанов бросил окуроч за борт и встал.

— Пора. Вон и «дед» шагает...

Старик всегда непременно сам провожал нас под воду. И сейчас он подошел вразвалочку, спросил, все ли в порядке, каждому до боли потискал руку, потом неожиданно ласково погладил холодный стальной бок нашей «лодочки» и вздохнул.

— Черт! Хорошо молодым, — сердито сказал он.

— Все равно бы вас не взяли, Григорий Семенович, — засмеялся Базанов.

— Это почему же?

— Габариты у вас не те. Вы только в корпусе уместитесь, да и то лежа.

Запела сирена, и мы друг за другом полезли по узкому трапу наверх, к люку — впереди Михаил, за ним я, последним Базанов.

Прежде чем нырнуть в люк, я окинул взглядом море и палубу. Снизу уже подталкивал нетерпеливый Базанов. Последний раз как следует хлебнув свежего морского воздуха, я начал протискиваться в узкий люк.

Михаил уже пристроился на своем месте возле иллюминатора. Неудобно ему с такой медвежьей фигурой в детском креслице. Хотя он привык сгибаться в три погибели над микроскопом. Наверное, поэтому и сутулится. Кажется, медики называют это профессиональными приметами: у ювелира всегда сточен ноготь на большом пальце правой руки, у чертежника — затвердение подушечки правого мизинца. Где-то я читал об этом? Интересно, а у меня в чем профессия проявляется?..

Философствовать некогда. Я включил рацию. Через несколько минут, завернув болты люка, к нам присоединился Базанов.

— К погружению готовы, — негромко сказал он в микрофон.

— Добро, — пробасил репродуктор. — Глубина по судовому эхолоту 5639. На лебедке — вира помаленьку!

Сквозь стальные стенки слышно, как загремела лебедка, скрипнули тали. Нас качнуло и плавно понесло по воздуху. Сейчас весь экипаж корабля провожает нас взглядами.

Стрела развернулась, и мы начали опускаться за борт.

По всей кабине, заставляя нас жмуриться, запрыгали солнечные зайчики.

И вдруг сразу погасли. Иллюминаторы потемнели, кабина погрузилась в зеленоватый полумрак. Мы опустились на воду.

— Дать свободу! — приказал Базанов.

— Есть дать свободу! — послушно ответил репродуктор.

Топот ног по палубе над нашими головами. Это матрос отцепляет трос.

И вот уже наша «лодочка» свободно закачалась на волнах рядом с «Богатырем».

Базанов включил моторы, чтобы отвести ее подальше от судна. Потом он взялся за штурвал балластных цистерн. В них хлынула вода. Мы начали погружаться.

Черт, я совсем забыл о своих обязанностях! Надо же сделать первые записи в судовом журнале...

2

«09.25. Погружение началось. Все в порядке...»

Я уже много раз спускался в морские глубины, но все равно, когда дневной веселый свет меркнет в иллюминаторах, сменяясь зеленоватой полутьмой, сердце, честно говоря, всегда немножко екает.

Все шло нормально. На светящихся циферблатах приборов чуть заметно вздрагивают стрелки. Мягко шипит кислородная смесь, вырываясь из баллонов, — ее хватит нам на двадцать часов подводного плавания. Успокоительно подмигивает оранжевый глазок эхолота. Все идет хорошо, и мы принимаем к иллюминаторам.

То, что мы видим, трудно пересказать человеку, никогда не бывавшему под водой. В этом удивительном мире совсем иные законы оптики и освещения. Мы привыкли, что на земле свет льется сверху, с неба. А здесь он струится отовсюду — и сверху, и с боков, и даже откуда-то снизу, из глубин. Свет неверный, зыбкий, постоянно переливающийся.

Интересно, что в самых верхних слоях воды бывает светлее в пасмурный день, когда солнце прикрывают легкие облака. Мы не раз это замечали.

Свет, яркий вначале, становится слабее на глубине примерно пятнадцати метров. Бывает, что к двадцати метрам делается почти совсем темно, а потом вдруг свет опять становится ярким, слабея с увеличением глубины уже мягко и постепенно. Он почти совсем лишен теплых красных

и оранжевых лучей, которые поглощаются у самой поверхности моря. Если бы в воде сейчас плыл какой-нибудь красный предмет, мы видели бы его серым.

Но за иллюминатором, у которого я сижу, пусто. Только изредка промелькнет прозрачный колокол ушастой медузы — аурелии. Кажется, будто она всплывает, пересекая поле моего зрения снизу вверх. Но это не так: просто мы погружаемся все глубже и глубже.

Стрелка указателя глубин уже переползла за сто метров. В кабине еще так светло, что можно, не включая лампочки, делать записи в журнале наблюдений. Хотя записывать пока вроде и нечего.

Я наклоняюсь к Михаилу и заглядываю через его плечо. Нет, в его иллюминаторе тоже пока не видно ничего любопытного.

Время от времени, нажимая кнопки на пульте, Михаил берет пробы воды, чтобы потом исследовать их в лаборатории. Лапицы у него огромные, пальцы толстые, грубые, но залюбуешься, как ловко и бережно подхватывает он пинцетом какого-нибудь крошечного усатого рачка или манипулирует с хрупкими пробирками. Тоже профессиональная тренировка...

Ловкий, а недогадливый. Или просто увлекся работой? Уже с трудом различает кнопки, а свет зажечь не догадается.

Я включаю ему лампочку. Она прикрыта колпачком, пропускающим только узкую, как лезвие ножа, полоску света.

Глубина 188 метров. Теперь за окном почти пропали зеленые тона. Все вокруг залито густым, сияющим синим цветом.

Поперек стекла иллюминатора, заставив меня вздрогнуть, быстро проносятся несколько креветок, похожих на сверкающие точки. Что их испугнуло?

Ага, понятно. За ними гонится большая сардина. Вряд ли им удастся ускользнуть от такой прожоры.

Больше за иллюминатором пока ничего не видно. Да и не моя, собственно, забота вся эта живность. Я наблюдаю за ней больше из любопытства и чтобы помочь Михаилу не пропустить что-нибудь интересное. Но следить за всем этим пестрым хозяйством и разбираться в нем — его задача. Моя область — гидрохимия и морская геология. Для меня пока работы почти нет, только предстоит взять несколько проб воды на разных глубинах. А вот когда прибудем на дно, тогда я стану главным наблюдателем.

Можно пока послушать голоса моря. Я надеваю наушники гидрофона. Кто-то громко и настойчиво стучит в воде, потом хрипит и курлычет, как журавль. А вот где-то далеко словно захрюкал поросенок.

Я уже научился немного различать голоса морских обитателей. Стучат морские рачки-алфеусы, выбрасывая при этом струйку воды, чтобы отпугнуть противников, — это нам удалось подсмотреть однажды. А хрюкает, наверное,

рыба-солнце, похожая на мельничный плоский жернов, или крупная ставрида, которую рыбаки называют «лошадиной макрелью».

В открытом океане, вдали от берегов, шумов в воде меньше. Но здесь, хоть и велики глубины, недалеко Курильские острова, в подводных скалах которых обитают самые шумливые морские животные.

Долго я слушаю этот концерт. А свет за стеклом все меркнет и меркнет.

На глубине 260 метров приходится включить прожекторы. Они светящимися конусами врезаются в густеющий мрак. Видимость на расстоянии до десяти метров, дальше — беспросветная ночь морских глубин. А на глубине пятисот метров мгла за иллюминатором становится так густа и черна, что после нее самая темная ночь на земле уже кажется полумраком.

Не верится, что где-то над нами сейчас весело светит солнце, рассыпая искры по волнам, нежно голубеет высокое небо и свежий ветерок гонит по нему белые, как пена, облачка...

— Где же планктон? — вдруг озабоченно бормочет над самым моим ухом Михаил. — У тебя тоже нет? Уже около шестисот метров. Забавно...

Мишка буквально прилип к стеклу, высматривает свой заветный планктон. А Базанов невозмутим, как лифтер. Удобно откинувшись в кресле, вытянув через всю кабину длинные ноги, он даже мурлычет себе под нос что-то явно симфоническое.

Внезапный свет за окном заставил меня прильнуть к иллюминатору.

Сначала вдалеке, за пределами света наших прожекторов, вдруг вспыхнуло слепящее белое пламя. Оно медленно облачком разошлось по воде и потухло. Потом вспышка повторилась уже значительно ближе. Кто это может подмигивать нам из подводной мглы?

Внезапно прямо в упор на меня глянуло такое страшное лицо, что я невольно отпрянул. Это была как бы сплошная жадно разинутая пасть, из которой торчали во все стороны мелкие острые зубы. А вся рыбешка, как я теперь рассмотрел, была совсем крошечной, не больше пятнадцати сантиметров длиной. Но она упрямо тыкалась своей уродливой пастью в стекло, словно пытаясь проглотить наш батискаф.

Надо ее сфотографировать. Я сделал несколько снимков и позвал Михаила, чтобы он тоже полюбовался.

— Чаулиодус слоанеи, — забормотал он над моим ухом. — Забавно. Чего она так глубоко забралась?

Первое время меня злило, что Мишка то и дело ввертывает в разговор латинские термины. Как будто от них мне станут понятнее его объяснения! Но потом я понял, что он вовсе не пытается «свою образованность показать». Для него это самые обыкновенные, совершенно точные имена, и он даже просто не представляет себе, что кто-то может не знать латынь...

— Сделай еще снимок, — попросил Михаил.

Но в тот же момент, словно испугнутая его голосом, уродливая рыбешка исчезла. А еще через мгновение мимо иллюминатора прошмыгнули в полосе света три крупные креветки, смешно помахивая своими длинными усиками и извиваясь всем телом, будто танцую. Через секунду в полосу света влетела еще одна креветка. Но она не стала убегать, а вдруг резко повернулась навстречу преследователю.

За ней гналась крупная глубоководная рыба, похожая на длинную прозрачную ленту, светившуюся нежным голубоватым сиянием. Мгновение — и креветка вдруг выбросила облачко светящейся слизи. Вспышка была такой яркой, что мы с Мишкой зажмурились.

А когда я открыл глаза, ни рыбы, ни креветки уже не было. Только, постепенно затухая, расходилось в воде светлое облачко.

На больших глубинах, где царит вечная ночь, даже каракатицы вместо «чернильной жидкости» выбрасывают такие светящиеся облачка. Под их прикрытием легко ускользнуть от врагов.

Так мы медленно продолжали погружаться все глубже и глубже, не отрываясь от иллюминаторов, чтобы не прозевать что-нибудь интересное. Это требовало много внимания, так что мы почти не разговаривали, только изредка перебрасываясь короткими фразами:

— Миша, вижу глубоководного угря. Проследи, пожалуйста.

Или:

— Константин Игоревич, прибавьте, пожалуйста, воздуха. Что-то в висках постукивает.

— Планктон! — вдруг радостно крикнул Михаил. — Стоп! Еще немножечко вниз, Константин Игоревич. Так, хорошо. Гаси прожектор, Сергей!

Нажимая одну за другой кнопки на пульте, Базанов уравнивал нашу «лодочку». Мы неподвижно повисли на глубине в 630 метров.

Теперь за иллюминатором словно засияло звездное небо в лунную ночь. Сплошная россыпь ярких огоньков, точно Млечный Путь, сверкала за холодным круглым стеклом.

Но то были не звезды. Это сверкали в лучах наших прожекторов мельчайшие рачки, креветки, бактерии. Сколько их тут? Мириады! Вода буквально кишит ими, она кажется густой...

— Как суп, — неожиданно говорит за моей спиной Базанов и вкусно причмокивает. — Мне нынче снилась солжанка. Эх, стосковался по берегу, по Ленинграду, по «Астории», по настоящей, братцы, соланочке.

Мы с Михаилом смеемся, не отрываясь от иллюминаторов.

— Да, этот суп не для вас, Константин Игоревич, — шутит Михаил. — Вот киту он по вкусу... Ну, что же, пробы я взял, надо доложить. Включи-ка телефон, Сергей.

Я включаю микрофон и докладываю:

— Мы на «ложном грунте». Глубина шестьсот тридцать один. Пробы взяты.

Репродуктор отвечает голосом «деда»:

— Вижу. Попробуйте двинуться чуток к норд-норд-осту. Только очень немножко и медленно...

Переглянувшись со мной, Базанов, косясь на гирокомпас, пускает в ход моторы. Руля у нас нет, мы поворачиваем включая попеременно то один мотор, то другой.

Я знаю, что сейчас наверху, в затемненной рубке, все не отрывают глаз от экрана эхолота. На экране, между дном и поверхностью моря, темнеет тоненькая полоска. Это наш подводный кораблик, нащупанный ультразвуком. Вот полоска чуть заметно поползла к краю экрана...

— Стоп! — командует репродуктор. — Что за бортом?

— Чисто, Григорий Семенович, — отвечает Михаил.

— Планктона нет?

— Очень мало.

Пауза, потом новая команда:

— Возьмите пробу и спуститесь метров на сорок, только не выходите из этой плоскости.

— Есть, — отвечает Базанов, берясь за штурвал балластных цистерн. Я не свожу глаз с указателя глубин.

— Есть дно! — восклицает Михаил.

— Какое дно? — бурчит репродуктор. — До дна вам еще как до неба.

— Простите, Григорий Семенович, «ложное дно», — смущенно поправляется Мишка.

— Стоп! Да остановитесь же, черт вас возьми! — бует «дед». — Берите скорей пробу.

«Ложным грунтом» называют особый слой воды, насыщенный планктоном — различными микроорганизмами, мельчайшими креветками и рачками. Он встречается во всех морях и океанах, хотя и на разной глубине. Ультразвуковые колебания, посылаемые эхолотом, даже частично отражаются от него словно от настоящего дна. Именно благодаря эхолоту и удалось, кстати говоря, открыть это явление.

Ну, Мишке теперь раздолье...

Было такое ощущение, словно мы попали в самый центр разрыва фейерверка. За стеклами иллюминаторов вспыхивали и мелькали бесчисленные яркие искорки — зеленые, синие, ослепительно белые, голубые. Их отблески причудливо бегали по нашим лицам, заливая всю кабину каким-то волшебным, неземным светом.

— Сколько раз собираюсь захватить с собой мольбертик под воду, специально сделал такой маленький, складной... Но как это передашь на картине? — неожиданно прошептал над самым моим ухом Базанов. — Где взять краски?

Только приглядевшись, можно было рассмотреть, что каждая искорка — крошечное живое существо. Извиваясь и мерцая, как далекие голубые звезды, проплывали прозрачные гребневики.

Помахивая длинными хвостиками, колыхались в темной воде ночесветки — не то микроскопическое животное, не

то плавающее растение. И все эти ниточки, комочки, ромбики пылали холодным прозрачным огнем, при свете которого в кабине хоть читай.

Но так же внезапно свет за окнами померк.

Мы снова зажгли прожекторы, но в их свете не появлялось ничего интересного. Только изредка сверкала, точно лезвие ножа, одинокая рыбешка.

— Проба взята, — докладывает Михаил.

Репродуктор некоторое время молчит, только слышно хриплое старческое дыхание. Наконец начальник экспедиции коротко разрешает:

— Ладно, ищите край желоба и спускайтесь дальше.

— Есть, адмирал! — весело отвечает Базанов, берясь за свой штурвал. Видно, уже заскучал без работы.

3

«18 августа. Глубина 618 метров. Начали дальнейшее погружение над краем глубоководной Курило-Камчатской впадины. Держим постоянную связь с кораблем. Командует погружением с борта начальник экспедиции Лобов. Все в порядке».

Я смотрел на эхограф. За блестящим стеклом в черной прямоугольной рамке медленно ползла голубоватая бумажная лента. Тонкое стальное перо непрерывно чертило на ней жирную коричневую линию из отдельных косых штришков. Это был профиль дна, проплывающего на огромной глубине под нами.

— Кажется, подходим, — тихо кому-то сказал Лобов в репродукторе, наверное капитану.

Линия дна на ленте все круче загибалась кверху. Местами она прерывалась резкими уступами подводных скал. Значит, подходим к самому краю глубоководной впадины.

1417 метров. Наступает ответственный миг. Скоро будет обрыв ущелья.

Базанов включил моторы вертикального движения, и спуск наш заметно замедлился.

Теперь нужно не прозевать момент, когда появится дно, чтобы не стукнуться о него слишком сильно. Правда, у нас есть на днище кабины специальный амортизатор, и никакой опасностью такой толчок не грозит. Но, задев донный ил, мы замутим воду. Придется ждать, пока муть оседет, а время терять жалко.

Базанов не отрывался от дрожащей стрелки эхолота, а мы с Михаилом до боли в глазах высматривали дно. Вода переливалась и словно клубилась в лучах прожекторов.

И вдруг в полной, настороженной тишине знакомый хрипловатый голос задумчиво пропел:

Выхожу один я на дорогу,

Сквозь туман кремнистый путь блестит...

Это было до того неожиданно, что мы прямо подскочили на своих местах. Не сразу сообразили: да ведь телефон,

связывающий нас с кораблем, включен! А Лобов там задумался, глядя на экран телевизора, забыл обо всем на свете и запел...

Замахав руками на товарищей, с трудом сдерживавших смех, я поскорее выключил телефон. И мы дружно расхохотались.

— Коронный номер: адмирал в роли подводного Соловья-разбойника, — сказал Базанов и тут же схватился за свой штурвал, а мы бросились к иллюминаторам.

Снизу медленно наплывало морское дно, покрытое зеленоватым диатомовым илом...

А вот зияет и темный провал подводного ущелья. Когда мы приблизились и повисли над этой пучиной, сердце невольно забилось сильнее.

Теперь моя очередь.

Крутые скалистые откосы уходили вниз и терялись во мраке. Вид подводных скал был так угрюм и необычен, словно мы попали куда-то на другую планету.

Базанов решительно повернул штурвал, и мы начали спускаться в ущелье...

Наше сегодняшнее погружение — одно из многих исследований, какие ведутся в эти дни по всей планете по плану международных научных работ, получившему название

«Проект Верхней Мантии». Всеми способами пытаются геологи заглянуть за таинственный покров этой «мантии»: бурят сверхглубокие скважины, устраивают искусственные землетрясения, ныряют на дно океанов, как мы. И кто знает: может, именно образцы, добытые мной сегодня, окажутся особенно интересными и ценными.

Мы опускались, держась все время метрах в двух от скалистой стены. Она была изрезана трещинами и глубокими провалами. Какие страшные геологические катаклизмы так искорежили, смяли, порвали земную кору, прежде чем залить ее слоем воды толщиной в несколько километров?

Отвлекаться на размышления некогда. Сейчас моя задача — отобрать самые интересные образцы. Анализировать их будем потом, в лаборатории.

— Стоп!

Надо захватить несколько конкреций, лежащих на уступе скалы. Миллиарды тонн таких шариков неправильной формы покоятся на дне океана. Они состоят из марганца, никеля, меди, железа, кобальта. Когда-нибудь мы до них доберемся и построим настоящие подводные рудники...

Но подцепить их стальной клешней не так-то легко, срываются...

Прихватить и немножко ила для анализа? Похоже, что он обычный, известковый... Но цвет может быть обманчив. Ладно, поехали дальше.

Через несколько метров новая остановка. Мое внимание привлекает странный цвет вкраплений в одной из расщелин. Неужели это эклогит?!

Приходится пустить в ход алмазный бур, чтобы вырезать из скалы небольшой керн.

Моторы натужно урчат...

Чертовски хочется тут же рассмотреть образец, пощупать собственными руками. Но пока он недоступен для меня. Механическая «рука» прячет его в один из наружных контейнеров.

Я вздрагиваю оттого, что Михаил вдруг проводит какой-то влажной тряпкой мне по лбу.

— Чего ты?

— Ничего. Пот тебе вытираю. У тебя весь лоб мокрый.

Ах вот почему щипало глаза!..

— Тронулись!

И опять я высверливаю, соскребаю, откалываю от проплавляющих за иллюминатором скал неподатливые образцы. Один за другим они укладываются в контейнеры, а автомат отмечает, когда и на какой глубине взят каждый образец.

2000 метров... 2200... А до дна ущелья еще далеко, судя по эхолоту. Мы словно спускаемся прямо в недра планеты. Здорово!

Изредка в поле моего зрения попадают рыбы, но теперь мне не до них. А они так и лезут в глаза, потому что каждая светится, да еще по-разному.

Вот из мрака в полосу света высовывается пасть, усыпанная острыми зубами. И каждый из зубов мерцает розоватым светом.

Другая рыба, быстро промелькнувшая мимо иллюминатора, была даже словно украшена разноцветными фонариками. Один из них сиял красноватым, другой — голубым, а третий — зеленым светом.

Потом медленно проплыла медуза — как глубоко она забралась! Внутри нее переливались бесчисленные зеленые искорки, так что можно было легко рассмотреть не только малейшие подробности ее строения, но и проглоченных ею рачков.

Но одна рыбина была столь необычной, что я не удержался, попросил Базанова на миг остановить батискаф и подозвал Михаила. Она была небольшая, но с какой-то длинной нитью, свисавшей с ее нижней зубастой челюсти совсем на манер бороды. «Борода» казалась раз в семь длиннее самой рыбы!

— Что это за чудилище? Видишь? — спросил я Михаила.

— Лампротоксус флагеллибарба, — «пояснил» он по своему обыкновению.

— А если по-человечески сказать? — мне было немножко обидно, что эта рыбка, оказывается, давно имеет название и, похоже, вовсе не удивила Михаила.

— Очень точное название, — обиженно сказал он. — В переводе означает «вымпелобородая».

— Ладно, а зачем ей борода?

— Точно пока неизвестно. Но, вероятно, выполняет какую-то биологическую функцию...

— Спасибо за исчерпывающие объяснения. Подвинься, я ее все-таки щелкну.

Но сфотографировать бородатую рыбу мы не успели. Она пугливо метнулась и растаяла в темноте.

— Двинулись дальше, — сказал я. — Сколько на глаубиномере?

— Шесть тысяч четырнадцать, — ответил Базанов.

— Чуть правее, командор. Мне хочется захватить на память вот тот черный обломок. Похоже, это базальт.

Я уже потянулся к образцу стальной «рукой», но из этой затеи ничего не вышло.

Конечно, как всегда бывает, уже, оказывается, забиты все контейнеры! Быстренько проверил — так и есть, ни одного пустого, все заполнены образцами. Я даже выругался в сердцах.

— Чего же ты его не берешь? — спросил Базанов.

— А куда мне его брать? В подол, что ли? Все контейнеры заполнены. Откатились, можно возвращаться. Говорил я вам, командор, что надо сделать контейнеры повместительнее...

Базанов примирительно хмыкнул. Да я и сам уже чувствовал, что зря напал на него. Ни в какой контейнер ведь не запишаешь все океанское дно.

— Будем всплывать? — виноватым голосом спросил Базанов.

— Надо запросить «деда», как он решит.

— Подождите хоть минут пять, — взмолился Мишка. — Я понаблюдаю за погонофорами.

За иллиминатором на черных ребристых скалах одиноко торчат кольчатые, невзрачные на вид тонкие трубочки. Они выглядят такими же мертвыми, как и камни. Но из каждой трубочки пышным султаном высовываются кверху светлые нити. Они лениво покачиваются, словно ковыль под легким ветерком. Но на такой глубине нет ни ветра, ни течений, которые могли бы их колыхать. Если верить Мишке, это вовсе не растения, а живые существа — погонофоры.

Мишка уверяет, будто погонофоры сами строят себе из солей морской воды вот такие защитные трубочки и находятся в них в пожизненном заключении. Животное приковано к одному месту, но щупальца его постоянно в движении, выскивая добычу. У погонофоры есть мозг, есть мускулистое сердце, которое гонит по сложной системе сосудов такую же алую кровь, как наша, но совершенно отсутствуют рот и кишечник. Пищеварительный аппарат замечают мельчайшие ворсинки на щупальцах...

Любопытное существо. Поразительна все-таки живучесть всего живого. Но что можно узнать о погонофорах новенького, рассматривая их вот так, как это делает сейчас Мишка, через окошко иллиминатора?

Словно перехватив мои мысли, Михаил вздыхает и с завистью говорит:

— Мне бы такие руки, какими ты образцы берешь...

— Ничего, когда-нибудь командор придумает и тебе длинные руки, — утешаю его я. — А пока давайте все-таки всплывать.

Базанов запросил по телефону Лобова, что делать дальше.

— Немедленно поднимайтесь, — ворчливо приказал начальник.

Мне вспомнилось, с какой завистью он сказал нам при отправлении: «Черт! Хорошо молодым...»

Я представил, как «дед», сгорбившись, сидит сейчас перед экраном телевизора, ерошит свои седые волосы и злится, что экран так мал, а он уже не молод и не может сам спуститься сюда вместе с нами...

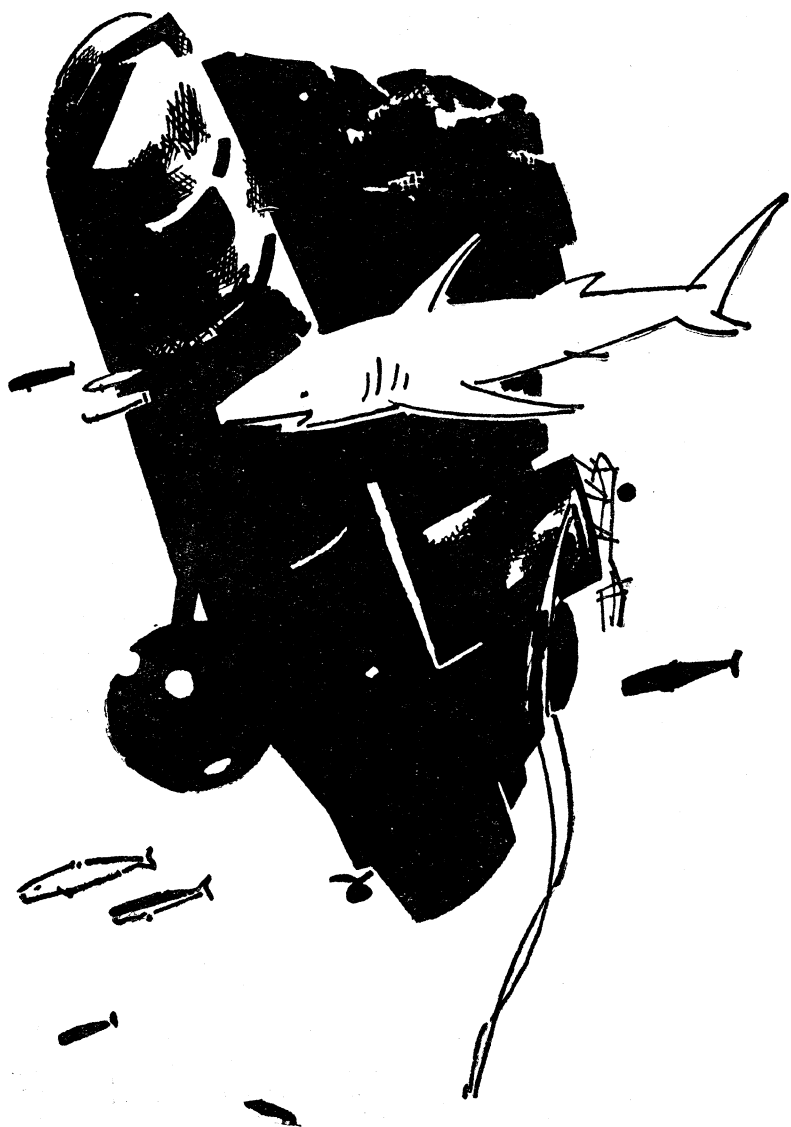
— Есть, — ответил Базанов.

Теперь серая скалистая стена стала уходить вниз.

Вот этот образец надо бы взять... Проклятые контейнеры, почему они не «резиновые», как троллейбус в часы «пик»?! Лучше не смотреть в иллиминатор, только слюнки текут.

— Фу, устал, шея затекла, — сказал я, потянувшись к термосу. — Какао хочешь, Мишка?

Он помотал головой, не отрываясь от иллиминатора. Я отвинтил колпачок, наполнил его еще дымящимся густым какао, но выпить не успел. Не отрываясь от работы, Базанов протянул руку через мое плечо, отобрал чашку и вежливо сказал:

— Благодарю вас, синьор... Если не затруднит, дайте и пирожок.

Какао и легкая приятная усталость от успешно выполненной работы опять настроили меня на философский лад. «Какие мы все-таки разные, — подумал я, — а неплохо сработались».

При первом знакомстве Базанов мне не понравился: вечные шуточки, не по возрасту пижонистый костюмчик. А оказался превосходным товарищем, отзывчивым и умным. И дело свое знает досконально. По-моему, вся эта сложная техника, которой битком набит батискаф, его попросту боится, как беспощадного укротителя. Или любит и уважает, потому и покорна ему?

Всегда он подтянут, иронично-спокоен... А Мишка совсем другой. Медлительный, неторопливый, немножко тугодум... Молчаливый и застенчивый и будто вечно немного сонный. И как забавно в его характере уживаются противоположные качества! Во всем, что касается науки, наблюдений, он страшный педант и аккуратист, а так, в жизни, безалаберный какой-то. Со своими козявками пунктуален до тошноты — а неряха: форма на нем сидит мешковато, фуражка всегда мала для лобастой лохматой головы. Пожалуй, Базанов даже в своем кремовом костюмчике выглядит рядом с ним бывалым «морским волком»...

А каким, интересно, кажусь им я?

— Акула! — вдруг вскрикнул Михаил.

— Врешь?! Где?

Я подскочил к нему, пытаюсь тоже заглянуть в иллюминатор. Сзади на нас навалился заинтересованный Базанов.

В самом деле, это была акула. Правда, небольшая, всего метра в два. Она держалась на самой границе досягаемости наших прожекторов, но все-таки ее удалось сфотографировать. Глаза у нее были совершенно белые и фосфоресцировали, как светлячки.

— Что вы там задержались? — буркнул из репродуктора «дед».

— Замечена акула, Григорий Семенович! — доложил Михаил. — Похоже на Карчариас Огилби, но какой-то новый подвид.

— Где она? Покажите мне ее! — рявкнул старик.

Ага, акула не попадает в поле зрения телевизора.

Базанов начал осторожно поворачивать нашу «лодочку», пока старик не сказал:

— Вижу. Верно. Очень любопытно. Белоглазая акула, так и назовем...

В тот же момент акула вдруг резко рванулась в сторону и исчезла во мгле.

— Куда же... — крикнул ей вслед Лобов, и голос его оборвался на полуслове.

Я услышал треск над головой.

Кабина дернулась, наполнилась гулом, словно колокол от удара, и полетела вниз. Сердце мое сжалось, как бьет, когда самолет вдруг проваливается в «воздушную яму».

«18 августа. 12.42. Связь с кораблем прервана. Пытаемся установить причину и размеры аварии...»

Тонем!

Но в кабине, казалось, все было по-прежнему. Горели лампочки под черными колпачками, подмигивал оранжевый глазок указателя глубин, шипел воздух, вырываясь из баллонов...

И тут я увидел Базанова.

Он стоял на коленях, поддерживая голову Михаила, неподвижно лежавшего на стальном полу каюты.

Я бросился к ним на помощь.

— Приподними ему голову, — сказал Базанов.

— Что случилось?

— Не знаю. Сейчас разберемся. Сначала надо ему помочь. Вроде никакой раны нет.

Базанов достал из аптечки флагу со спиртом и смочил Михаилу губы. Тот тихо застонал.

Постелив резиновый матрасик у стены, мы положили Михаила на него.

— Подожди, пока он не придет в себя, — сказал Базанов. — А я займусь техникой.

Через его плечо я взглянул на указатель глубин. Стрелка замерла на цифре 4042 метра.

Базанов включил локатор.

— Что за черт! — вырвалось у него. — Мы на дне!

Оба мы, как по команде, глянули в иллюминаторы. Они были совершенно темными.

— Включите прожекторы, Константин Игоревич!

— Они включены, — ответил Базанов, но все-таки несколько раз пощелкал выключателем.

Ни один проблеск света не мелькнул за окном.

— Не могли же они все разом выйти из строя? — буркнул Базанов. — Хоть один-то должен гореть?

Мишка снова застонал и вдруг открыл глаза.

— Где мы? — спросил он.

— Все в порядке, лежи спокойно.

— Не хочу. Я сейчас встану, — и он опять закрыл глаза.

— Телефон оборван, рация пока бесполезна. Попробуем акустическую систему, — задумчиво сказал Базанов, подключая к пульту микрофон.

Медленно разгорался зеленый огонек индикатора. Базанов взял в руки микрофон, оглянулся на меня...

— Алло, алло, «Богатырь». Говорит Базанов!

Репродуктор молчал. Базанов несколько раз повторил свой призыв, меняя настройку.

— Не понимаю, — пробормотал он, — чего она хочет?

Есть у него такая забавная привычка: говорить в минуты задумчивости о машинах, словно о живых существах.

— Не понимаю, — повторил он. — Все нормально, а связи нет.

Подумав немного, он выключил аппарат.

— Не стоит зря переводить энергию, она еще пригодится. Давайте лучше попробуем разобраться, что с нами случилось. «Переноска» целая? Посвети-ка в иллюминатор.

Базанов зажёл сильную переносную лампу и поднес её к иллюминатору.

Мы оба заглянули в окно, но ничего не могли рассмотреть. В темном стекле, слепя глаза, только отражалась сама лампа.

Жмурясь, Базанов приблизил её к самому стеклу.

Теперь мы поняли, почему не сиял за окном свет наших прожекторов: иллюминатор был забит снаружи слоем липкого зеленовато-серого ила...

— Попробуем всплыть, — сказал Базанов, выключая лампу и решительно берясь за рубильник аварийных балластных цистерн. — Ты придержи Михаила, рыбок может быть резким.

Я сел на пол и обнял Мишку за плечи. Базанов рванул рубильник...

Никакого толчка не последовало.

Кабина оставалась неподвижной. Только дрогнули пальцы Базанова, когда он их медленно, словно нехотя, отнял от рукоятки рубильника.

— Подводный обвал! — вскрикнул я.

Базанов молча кивнул.

Мы оба и без слов понимали опасность.

Откуда-то сверху на нас обрушилась лавина тяжелого ила. Под её тяжестью оборвался, как нитка, трос, соединявший нас с судном, и батискаф полетел вниз. Он мог бы расколоться о скалистое дно, как орех, но, видимо, мы упали на пружинистую подушку из того же ила, это нас спасло.

Надолго ли?

Спасло от мгновенной гибели, но обрекло на медленную, мучительную.

Это отсрочка, а не спасение.

Мы не можем всплыть, липкий ил плотно забил отверстия цилиндров с аварийным балластом, железная дробь не могла теперь выскочить оттуда...

— «Мы на лодочке катались», — задумчиво пробормотал Базанов, вынимая платок и вытирая лицо. — И динамик, видимо, залепило этим проклятым илом. Поэтому нас и не слышат.

Представляю, что творится сейчас на «Богатыре». Как переполошились там, когда вдруг померк экран телевизора и внезапно обмяк, стал бессильным оторвавшийся трос!

У нас осталась только рация. Но она не может связать нас с кораблем, пока не всплывем на поверхность.

Мы глухи и немые...

Догадываются ли наверху, что случилось? Или наша гибель так и останется навсегда одной из загадок моря?

Видимо, эти мрачные мысли весьма наглядно отразились на моем лице, потому что Базанов хлопнул меня по плечу и сказал:

— Неудобство — это просто неправильно воспринятое приключение. Давайте так и будем рассматривать наше положение. Мы еще поедим с тобой соляночки в «Астории», не сомневаюсь...

— Я в полном порядке, командор, — ответил я. — Просто теперь ощутил на собственной шкуре, какой хороший обычай существует насчет подводников.

— Какой обычай?

— Говорят, когда куда-нибудь входит подводник, все другие моряки встают, выражая этим свое сочувствие его мужеству и нелегкой доле.

— Очень неплохой обычай, — задумчиво пробормотал Базанов. — Но не воображай себя старым подводником.

Он уже не слушал меня. Встал, минуту подумал, потом неторопливо и словно лениво взялся за штурвал балластных цистерн. В тревожные минуты Базанов становился особенно подтянутым, собранным, словно сжавшаяся пружина. И в замедленных движениях его появлялась какая-то тигриная грация.

Что он задумал?

Задумал, явно что-то задумал. Недаром смотрит на пульт с таким выражением, будто хочет спросить у батискафа: «А ну, что ты теперь выкинешь?»

Я зачарованно следил, как Базанов медленно повернул штурвал до предела.

Сжатый воздух выгнал всю воду из цистерн...

Кабина не шелохнулась. Сколько же тонн ила облепило наш батискаф?

— Мы застряли? — вдруг тихо спросил Михаил.

Я и не заметил, как он пробудился от своего полусна-полузабытья.

— Вроде того, — почему-то виновато ответил Базанов и подошел к нам. — Как ты себя чувствуешь?

— Ничего. Только голова болит. А что же все-таки стряслось?

Мы коротко объяснили ему, в какое трудное положение попали.

— Забавно, — машинально пробормотал Михаил.

— Да? Тебе это кажется забавным? — буркнул я.

— Представляю, как там «дед» сейчас всех гоняет, — сказал Базанов и засмеялся. — Один глаз у них мы оторвали, но второй телевизор цел. Место аварии они знают, скоро нас нащупают, подцепят на крючок и поднимут прямо в кают-компанию, к обеденному столу.

Честно говоря, я не очень разделял его бодрость. Найти нас, может быть, и найдут довольно скоро. Воздуху у нас остается еще часов на пятнадцать с лишним.

Но вытащить нас из-под многотонной горы липкого ила не так-то просто. Сколько его навалилось на нас? Уж я-то лучше других знал, что местами здесь донные осадки образуют и километровую толщину...

Один трос порвался, полетят и другие, если даже нас удастся зацепить каким-нибудь образом.

— Где у тебя карта? — вдруг спросил Базанов. — Есть у меня одна мыслишка.

Я достал карту и расстелил ее прямо на полу.

— Мы опускались здесь, — склонился над ней Базанов. Михаил, привстав, заглянул из-под его руки. — Глубина впадины тут около восьми тысяч метров. А застряли мы где-то на половине, так? Значит, сидим на каком-то выступе.

Он встал на ноги и быстро окинул взглядом пульт управления.

— Как говорил один мудрец: «Лучше зажечь одну маленькую свечку, чем проклинать темноту...» Рискованно, но попробовать стоит.

— Что? — хрипло спросил Михаил.

— Попробуем соскочить с выступа. Как считаете? Пустим оба двигателя. Если выступ невелик, мы соскользнем с него.

— И провалимся еще глубже, на дно? — спросил я.

— Может быть. Но зато вырвемся из этой липучки. Вода обмоет нас при падении, и электромагниты должны сработать. А сбросив балласт, мы всплывем.

Несколько минут мы обдумывали эту идею. Мишка тоже молчал, выжидательно поглядывая на нас. Он в технике ничего не понимает и, по-моему, в глубине души даже немножко побаивается ее. Решать надо нам с Базановым.

Конечно, риск велик. Кто знает, как плотно забиты илом аварийные цистерны? Смоет ли вода илистую пробку?

Или мы просто полетим вниз, на самое дно этой пучины, и достать нас оттуда окажется, пожалуй, еще труднее?

— Думайте, мальчики, думайте, — сказал Базанов. — Но, по-моему, рискнуть стоит. Во всяком случае, из этой ловушки мы вырвемся...

И попадем в другую?

— Нас легче будет нащупать эхолотом или телевизорной установкой, — продолжал Базанов.

А если мы совсем утонем в иле, как нас тогда найдут?

— Время не ждет. Даю на размышление пять минут, — Базанов поднес к уху часы.

— Константин Игоревич прав, — сказал Михаил, посмотрев на меня. — Другого выхода, пожалуй, нет.

Я молча кивнул. И Базанов, точно он только и ждал этого, сразу же уселся в свое кресло за пультом управления.

Затаив дыхание мы следили, как он уверенно включил сначала один электромотор, потом и другой.

Я невольно сжался, ожидая толчка...

Но его не последовало. Кабина начала только чуть заметно дрожать, не двигаясь с места.

Базанов увеличил обороты.

Дрожь кабины усилилась...

И только. Мы не двигались с места.

Тогда он начал попеременно выключать и снова включать моторы, стараясь раскатать нашу застрявшую «лодку».

Левый, правый...

Левый...

Правый!

Моторы глухо ревели. Вибрировали и гудели стальные стенки. Тихонько звенели приборы.

Левый...

Правый...

Левый...

Правый...

Я глянул на часы. Неужели прошло только сорок минут? Они были длинными, словно жизнь.

Левый...

Правый...

От вибрации и заунывного гуда моторов начало шуметь в голове. Мишка закрыл глаза и болезненно сморщился: видно, ему приходилось туго.

Но кабина — ни с места..

Базанов резким движением выключил моторы и встал. Ноздри его раздувались, он дышал тяжело и часто, словно сам, своими руками пытался столкнуть нашу «лодку» и очень устал от этого.

Он вытер мокрое покрасневшееся лицо и опустился на пол возле меня. Когда он совал платок обратно в карман, оттуда выпала фотокарточка. Я поднял ее и подал ему.

С помятой карточки весело улыбалась белокурая девушка в черном форменном мундире с витыми погончиками на плечах.

— Дочка моя, — сказал Базанов, бережно разглаживая карточку и пряча ее в карман. — Будущий геолог, как ты.

Я смотрел на него, не понимая, о чем он говорит.

«Все кончено, — стучало в голове. — Нас не найдут, не спасут. Мы слишком крепко завязли...»

Люди там, наверху, смеются, улыбаются, как эта беззаботная девушка. Они видят и солнце, и море, и небо, а мы...

В этот миг наша кабина резко качнулась... Наполнилась гулом, накренилась и, заскрежетав, поползла куда-то вниз.

А мы, хватаясь друг за друга, покатились по полу...

Окончание следует

Радио на космическом корабле никогда не бывает в порядке, и радиостанция на борту «Элгонквина» не составляла исключения. Джим Рэделл разговаривал с находящейся на Земле Объединенной Электрической Компанией, когда связь вдруг прекратилась и в маленькую кабину пилота ворвались чужие голоса.

— Не нужны мне крючья! — гремело радио. — Мне нужны конфеты.

— Это станция Марса? — спрашивал кто-то.

— Нет, это Луна. Убирайтесь к дьяволу с моей волны!

— А что же мне делать с тремя сотнями крюков?

— Проденьте их себе в нос! Алло, Луна!

Какое-то время Рэделл слушал обрывки чужих разговоров. Радио успокаивало его, давало ему ощущение, что космос так и кишит людьми. Ему приходилось напоминать себе, что все эти звуки производят не более полусотни людей, какие-то пылинки, затерявшиеся в пространствах поблизости от Земли.

Радио гроыхало несколько мгновений, затем начался непрерывный гул. Рэделл выключил приемник и пристегнулся ремнями к креслу. «Элгонквин» пошел на снижение, скользя сквозь облака к поверхности Венеры. Теперь, пока корабль не закончит спуск, он мог почитать или вздремнуть.

У Рэделла были две задачи. Одна была разыскать корабль-автомат, который Объединенная Электрическая послала сюда лет пять назад. На нем установили записывающую аппаратуру. Рэделл должен был ее снять и доставить на Землю.

«Элгонквин» шел по спирали к холодной, овейной ураганами поверхности Венеры, автоматически настраиваясь на локаторную установку корабля-автомата. Корма корабля раскалилась

ЗЕМЛЯ, ВОЗДУХ, ОГОНЬ И ВОДА

Фантастический рассказ

Рисунок В. НЕМУХИНА

закованный в сталь, на добела раскаленных ракетах, он достиг Луны, Марса, Венеры.

Космические костюмы были звеном в технологической цепи, которая протягивалась от планеты к планете. Первые образцы костюма, который был на Рэделле, прошли всевозможные испытания в условиях лаборатории. И выдержали их достойно.

докрасна, когда «Элгон-квин», теряя скорость, пробивался через плотную атмосферу. Вихри снега окутали корабль, когда он, работая хвостовыми дюзам, переворачивался для посадки. И, наконец, он мягко опустился на поверхность планеты.

— Здорово сел, малыш, — похвалил Рэделл корабль. Он отстегнулся и подключил радио к своему космическому костюму. Приборы показывали, что корабль-автомат находился в двух с половиной милях, так что запастись — провизией не стоило. Он просто прогуляется, заберет приборы и тут же вернется обратно.

— Наверно, еще успею послушать спортивную передачу, — сказал Рэделл вслух. Он последний раз проверил космический костюм и отвернул первую крышку люка.

Испытание космического костюма и было второй и главной задачей Рэделла.

Человек пробивался в космос. Конечно, в масштабах вселенной это были первые шаги. И все же вчерашние пещерные жители и созерцатели звезд покидали Землю. Вчера человек был наг, до жалости слаб, безнадежно уязвим. Сегодня,

Теперь оставалось последнее — испытание в естественной обстановке.

— Будь на месте, малыш, — сказал Рэделл кораблю. Он пролез через последний люк и спустился по трапу «Элгонквина», облаченный в самый лучший и самый дорогой космический костюм, который когда-либо изобретал человек.

Рэделл пошел путем, которым его вел радиоконпас, шагать было легко по неглубокому снегу. Вокруг почти ничего нельзя было разглядеть: все тонуло в серых венерианских сумерках.

Кое-где сквозь снег пробивались тонкие упругие ветки каких-то растений. Больше он не заметил никакой жизни.

Рэделл включал радио — думал услышать, как сыграла главная бейсбольная команда, но поймал лишь конец сводки погоды на Марсе.

Пошел снег. Было холодно, во всяком случае, так показывал прибор на запястье — в костюме холодный воздух проникнуть не мог. Хотя в атмосфере Венеры кислорода было достаточно, Рэделл не должен был дышать воздухом планеты. Пластиковый шлем укрыл его в крошечном, созданном человеком собственном мире. Поэтому он и не чувствовал холодного резкого ветра, упорно бившего в лицо.

Он шел и шел вперед, снег становился все глубже. Рэделл оглянулся. Его корабль уже почти исчез в серых сумерках, идти было очень трудно.

— Если здесь будет колония, — сказал он себе, — ни за что не поселюсь. — Он усилил подачу кислорода и полез через сугробы.

Потом включил радио и поймал какую-то музыку, но слышно было так плохо, что нельзя было разобрать, музыка ли это вообще. Он с трудом брел в снегу часа два, мурлыкая песенку, которую, как ему казалось, он слушал, — мысли у него были о чем угодно, только не о Венере, — и прошел так больше мили.

Вдруг он по колено провалился в рыхлый снег.

Он встал, отряхнулся и заметил, что вокруг бушует настоящая вьюга, а он ничего и не почувствовал в своем костюме. Он не видел причин для беспокойства. В чудодейственном костюме ему ничто не грозило. Вой ветра доходил до него слабыми отголосками. Ледяная крупа в бессильной злобе билась в пластиковый шлем, стучала, как дождь по железной крыше.

Он брел, проламывая наст на поверхности глубокого снега.

За следующий час снег стал еще глубже, и Рэделл заметил, что скорость ветра необычайно возросла. Вокруг него росли сугробы и тут же покрывались тонкой коркой льда.

Ему и в голову не пришло повернуть назад.

— Черта с два, — сказал Рэделл, — костюм ничего не пропустит.

Потом он провалился в снег по пояс. Усмехнувшись, он вылез, но со следующим шагом снова проломил тонкий наст.

Он попытался идти напролом, но снега стали перед ним непреодолимой преградой. Через десять минут он выдохся, и ему пришлось усилить подачу кислорода. И все-таки Рэделл не испытывал страха. Он твердо знал, что на Венере ниче-

го опасного нет: ни ядовитых растений, ни животных, ни людей. Ему нужно было лишь прогуляться по снегу в самом усовершенствованном и дорогом космическом костюме, когда-либо созданном людьми.

Все больше хотелось пить. Ему казалось уже, что он просто застрял на одном месте. Снег теперь доходил до груди, и все труднее и труднее стало выбираться на поверхность, а выбравшись, он тут же проваливался снова. Но он упрямо шел вперед еще с полчаса.

Потом остановился. Ничего вокруг не было видно — плотная снеговая завеса падала с тускло-серого неба. За полчаса он прошел лишь ярдов десять.

Рэделл застрял.

Межпланетная связь никогда особой надежностью не отличалась. Видно, Рэделлу так и не удастся передать на Землю свое сообщение.

— Говорит «Элгонквин», — повторял он, — вызываю Объединенную Электрическую.

— Отлично, овощи купил, возвращаюсь.

— Стану я врать? Он сломал руку...

— ...И четыре корзины спаржи. Да не забудьте написать на них мое имя.

— Конечно, мы находимся в состоянии невесомости. И все-таки руку он сломал.

— Говорит «Элгонквин»...

— Эй, контроль, пропустите меня — я с овощами.

— Срочно, вне очереди, — зывал Рэделл. — Нужна Объединенная Электрическая. Я застрял в снегу. Не могу вернуться на корабль. Что делать?

Радио ровно загудело.

Рэделл сел в снег и стал ждать инструкции. Снегопад еще ему на голову! Эскимос он им, что ли, такое терпеть? Объединенная Электрическая впутала его в эту историю, пусть теперь и вызволяет отсюда.

В костюме было тепло, и Рэделл старался не вспоминать, что хочется есть и пить. А сугробы вокруг все росли, и вскоре он задремал.

*

Проснувшись через несколько часов, Рэделл почувствовал невыносимую жажду. Радио жужжало. Он понял, что придется самому выбираться из беды. Если он не доберется до корабля как можно скорее, то у него иссякнут последние силы и тогда уже ничего не сделать. Тогда не помогут и удивительные свойства космического костюма.

Он встал, в горле у него пересохло; жаль, что не сообразил взять с собой чего-нибудь попить. Но кто мог подумать, что такое может случиться, ведь и пройти-то было нужно всего пять миль, да еще в таком замечательном костюме! Надо что-то такое придумать, чтобы двигаться по этому тонкому насту. Лыжи! Из чего делают лыжи на Земле? Он внимательно осмотрел один из гибких тонких кустиков, что торчали из снега. Пожалуй, они подойдут.

Рэделл попытался сломать один из них, твердый и маслянистый. Перчатки скользили по ветвям, невозможно было ухватиться. Ему бы сейчас нож! Но ножи ни к чему на космическом корабле, они там так же бесполезны, как копые или рыболовный крючок.

Он снова изо всех сил потянул растение, потом снял перчатки и стал шарить в карманах — может, найдется что-нибудь режущее. В карманах ничего не было, кроме потрепанного экземпляра «Правил посадки на планеты коммерческих кораблей грузоподъемностью более 500 gross-тонн». Он сунул книжку в карман. Руки онемели от холода, и Рэделл снова натянул перчатки.

Потом его осенило. Расстегнув на груди костюм, Рэделл нагнулся и стал орудовать одной стороной застежки-«молнии», как пилой. На растении появился надрез, а внутрь костюма вошел морозный воздух. Рэделл включил обогреватель и продолжал пилить.

Так он перепилил три куста, а потом зубцы «молнии» затупились и пилить стало невозможно. Надо делать эти штуки из твердых сплавов, подумал Рэделл. Он расстегнул «молнию» на рукаве и продолжал работу. В конце концов он напил себе сколько нужно стеблей подходящей длины. Надо было застегнуть костюм, но это оказалось совсем не простым делом! Опилки и вязкий сок набились меж зубцов. Рэделл кое-как застегнулся и пустил обогреватель на полную силу. Теперь — за лыжи. Стебли легко гнулись, но с такой же легкостью и разгибались, а связать их было нечем.

— Дурацкое положение, — сказал он вслух. У него не было ни шнурка, ни веревки — ничего такого.

«Что же делать?» — спросил он себя.

— Никогда еще нигде так не принимали, — сказал кто-то по радио.

— «Элгонквин» вызывает Землю, — яростно в тысячный раз прохрипел Рэделл.

— Алло, Марс?

— Объединенная Электрическая вызывает «Элгонквин»...

— Может быть, это солнечная корона.

— Скорее похоже на космическое излучение. Кто это?

— Объединенная Электрическая. Наш корабль задержался...

— Говорит «Элгонквин!» — кричал Рэделл.

— Рэделл? Что вы там делаете? Вы не первооткрыватель, и вы не на экскурсии. Забирайте аппаратуру и немедленно назад.

— Говорит Луна-2...

— Придержите язык хоть на минуту, Луна! — взмолился Рэделл.

— Послушайте, я влип. Застрял. Увяз в снегу. Нужны лыжи. Лыжи! Вы слышите меня?

Радио спокойно урчало. Рэделл снова взялся за лыжи. Стебли надо связать. Оставался один выход — использовать провода радио или обогревательной аппаратуры. Чем пожертвовать?

Да, выбор не из легких. Радио необходимо. Но, с другой стороны, даже сейчас, когда обогреватели работали непрерывно, он мерз. Повредить обогреватель — значит остаться один на один с холодом Венеры.

Да, придется пожертвовать радио, решил он.

— Вы ведь скажете ей, правда? — внезапно проговорило радио. — А в мой следующий отпуск... — И снова умолкло.

Рэделл понял, что не сможет без радио, без его голоса, в своем одиноком кусочке цивилизованного мира.

Голова кружилась, одолевала усталость, горло пылало от жажды, но Рэделл не чувствовал себя одиноким, пока успокаивающее гудело из приемника. К тому же, если все равно с лыжами у него ничего не получится, без радио он действительно будет отрезан от всего мира.

Стремительно, боясь передумать, он сорвал провода обогревателей, снял перчатки и взялся за дело.

Это было не так просто, как он думал. Он почти ничего не видел, потому что пластиковый шлем покрылся изморозью. Узлы на скользкой пластиковой проволоке не держались. Он стал вязать узлы посложнее, но все было бесполезно. После долгих неудач и ошибок ему удалось связать узел, который держался. Но теперь стебли выскальзывали из узлов. Ему пришлось исцарапать их застежками костюма, тогда они стали держаться.

Когда одна лыжа была почти готова, приступ головокружения заставил его прекратить работу. Нужен хоть глоток воды. Он отвинтил шлем и сунул в рот пригоршню снега. Это немного утолило его жажду.

Без шлема он видел получше. Пальцы на руках и на ногах одеревенели от холода, руки и ступни ног занемели. Но больно не было. По правде говоря, это было приятное ощущение. Он почувствовал, что ему смертельно хочется спать. Никогда в жизни так не хотелось. И Рэделл решил соснуть немного, а потом опять взяться за работу.

*

— Крайне срочно! Крайне срочно! Объединенная Электрическая вызывает «Элгонквин». Отвечайте, «Элгонквин». Что случилось?

— Лыжи. Не могу добраться до корабля, — бормотал Рэделл в полусне.

— Что стряслось, Рэделл? Что-нибудь вышло из строя? Корабль?

— Корабль в порядке.

— Костюм! Костюм подвел?

— Нет... — вяло сказал Рэделл сквозь сон. Он и сам не знал, как объяснить, что произошло. Каким-то образом он был вырван из цивилизованного мира и отброшен на миллионы лет назад, к тем временам, когда человек в одиночку противостоял силам природы. Еще совсем недавно Рэделл был облачен в сталь и мог метать молнии. Сейчас же он повержен наземь и сражается с силами огня, воздуха и воды.

— Не могу объяснить. Только заберите меня отсюда, — сказал Рэделл.

Он встряхнулся, прогоняя сон, и с трудом поднялся на ноги, уверенный, что сделал важное открытие. Он только теперь понял, что борется за свою жизнь точно так же, как миллиарды

других людей боролись во все времена, как будут вечно бороться, хоть им и дано строить небывалые космические корабли.

Он не собирается умирать. Легко он не сдастся.

Прежде всего нужно разжечь огонь. В кармане брюк, кажется, была коробка спичек.

Он быстро стащил с себя космический костюм и теперь стоял на снегу лишь в штанах да рубашке. Потом он протоптал снег до земли — и получила защита от ветра. Он аккуратно сложил стебли для костра и насовал между ними листов из потрепанных «Правил». Поднес зажженную спичку.

Если не загорится...

Но костер загорелся! Маслянистые ветки занялись сразу же и запылали, растопив снег.

Рэделл набрал снегу в шлем и поднес его поближе к огню. Теперь будет у него и вода! Он так низко наклонился над пылающими стеблями, что у него затлела рубашка. Но огонь уже угасал. Рэделл побросал в костер все стебли, что оставались.

Их было немного. Даже если бросить в огонь наполовину готовую лыжу, то и этого хватит ненадолго.

*

— Вы знаете, что она мне сказала? Нет, правда, хотите знать, что она сказала? Она сказала...

— Срочно! Крайне срочно! Всем долой из эфира! Послушайте, Рэделл, это Объединенная Электрическая. За вами послан корабль с Луны. Вы слышите нас?

— Слышу. Когда он будет здесь? — спросил Рэделл.

— Вы нас слышите, Рэделл? У вас все в порядке? Отвечайте, если можете.

— Я слышу вас. Когда придет корабль...

— Мы вас не слышим. Считаю, что вы еще живы. Корабль будет у вас через десять часов. Держитесь, Рэделл!

Десять часов! Огонь почти угас. Рэделл принялся пилить стебли. Но он не успевал напилить новых, как костер угасал. Снег в шлеме растаял. Он выпил воду залпом и еще глубже протоптал снег вокруг огня. Закутался в костюм и приник к затахающему костру.

Десять часов!

Ему хотелось сказать им, что костюм замечательный. Да только вся беда в том, что Венера заставила его вылезти из этого костюма.

Ветер ревел над головой, не касаясь Рэделла в его укрытии. От костра остался лишь один крошечный язычок пламени. Рэделл в тревоге озибался: хоть бы что-нибудь отыскать для костра на этой равнине.

*

— Держись, старина. Мы близко. Всего семь часов с половиной! Сожгли все горючее. Да не беда. Они послали к нам специальный корабль с горючим. Ну, вот мы и здесь.

Яркое пламя полыхнуло на сером небе Венеры и понеслось к молчащей громаде «Элгонквина».

— Ты слышишь нас, парень? Ты жив? Мы уже почти сели. Корабль сел совсем рядом с «Элгонквином». Трое выбрались из него и прыгнули в глубокий снег. Четвертый сбросил вниз несколько пар лыж.

— Да, он был прав насчет лыж, верно? — Они стояли все вместе и внимательно вглядывались в прибор, который был прикреплен у одного из них на запястье.

— Радио у него еще работает. Пошли!

Они помчались по снегу, в спешке толкая друг друга. Через милю пошли медленнее, но курс держали верный — их вел радиокompас.

Потом они увидели Рэделла, скорчившегося над крохотным костром. Радио валялось в нескольких ярдах от него, видно, там он его и бросил.

Они подошли вплотную к Рэделлу, и он поднял голову и взглянул на них, пытаясь им улыбнуться.

Они увидели на снегу разодранный космический костюм.

Рэделл поддерживал огонь в костре кусками подкладки самого лучшего и самого дорогого космического костюма из всех когда-либо созданных человеком.

Перевод с английского Н. ЛОБАЧЕВА

Майор Миронов придвинул к себе коричневую папку, на которой стояло: «Дело №...»

В папке находились десятка полтора-два документов, не больше. Сколько он ни вчитывался в материалы дела,

ТОНКАЯ

НИТЬ

Приключенческая повесть

ему никак не удавалось нащупать ту нить, ухватившись за которую можно было начинать расследование.

«На ком в первую очередь сосредоточить внимание? — думал Миронов. — Кого прежде всего изучать? Черняева? Сомнительно. Да, поведение Черняева, если верить Самойловской, казалось странным. Зачем ему, человеку обеспе-

ченному, понадобилось сбывать импортные дамские вещи? Черняев, коммунист, участник Великой Отечественной войны, кавалер многих орденов, крупный строитель, совершенно не был похож на человека, способного совершить преступление против Советского государства.

Самойловская? Ничего не скажешь, с нее все началось. И все же Андрей был уверен, что Самойловская — фигура случайная, что внимания органов Государственной безопасности она не заслуживает.

Кто же тогда? Автор записки? Безусловно. Но как с него

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

начинать, если кто он или, вернее, она — неизвестно. Где и как этого автора искать? Если и есть какая-то ниточка, то она так тонка, так малоосвязаема».

Миронов закрыл папку и попытался проследить за всем ходом дела, как оно ему рисовалось.

Началось все с того, что возле одного из комиссионных магазинов была задержана с поличным некая Самойловская, оказавшаяся матерой спекулянткой. В ее объемистой сумке обнаружили ряд предметов дамского туалета заграничного происхождения, а также старинные украшения, являвшиеся предметами антиквариата.

Сотрудники милиции без труда определили, что вещей подобных тем, которые пыталась сбыть Самойловская, в нашей торговой сети не бывает. Видимо, тут не обошлось без контрабанды. В сочетании с антикварными ценностями все это выглядело и вовсе подозрительно.

При тщательном осмотре вещей, изъятых у Самойловской, под подкладкой одной из курточек обнаружили клочок бумаги, провалившийся туда из прохудившегося кармана. Это был обрывок какого-то письма или записки: ни начала, ни конца, ни одной законченной фразы. Торопливым женским почерком было написано:

«...русские не знают и не узнают...
...дете вести себя хорошо. Что...
...выполнять задания...
...тать предателем...»

Самойловская, конечно, не знала об этом клочке бумаги. Но как попали к ней куртка и другие вещи?

На допросе в милиции спекулянтка показала, что вещи, с которыми ее задержали, были вручены ей для продажи одним из ее знакомых — инженер-подполковником Черняевым, ответственным работником какого-то строительства в городе Крайске. Какого именно — она не знает.

Органы милиции сообщили о показаниях Самойловской в Крайск и запросили сведения о Черняеве — существует ли такой? Из полученного ответа, из справки, характеристик, анкет, автобиографии Черняева явствовало, что жизненный путь инженер-подполковника был безупречен.

Капитон Илларионович Черняев родился в 1915 году в глухом сибирском селе. Окончив сельскую школу, подростком уехал в город на заработки. Работал и учился: окончил вечерний рабфак. Затем — Москва. Военно-строительная академия, армия. Всю войну на фронте: сначала в саперных войсках, затем у партизан. Ранение, снова фронт и опять саперные части. Имеет ряд правительственных наград. Холост.

После окончания войны — стройки, стройки и снова стройки. Недавно уволился в запас. В Крайске около двух лет, является одним из руководителей строительства особого назначения.

Не поймешь, что свело его с Самойловской, откуда взялись у него дамские вещи и почему он решил их сбыть, да еще таким странным путем: в другом городе, при посредстве спекулянтки.

Впрочем, можно ли верить Самойловской, не пытается ли она спрятаться за широкую спину инженер-подполковника? Органы милиции все материалы, связанные со странным клочком бумаги, в том числе и результаты проверки Черняева (ведь куртку-то, как утверждала Самойловская, она получила от него), передали в Комитет Государственной безопасности.

Это случилось три дня тому назад. В тот же день коричневая папка, в которой теперь были подшиты все материалы, очутилась на столе у майора Миронова. К папке была приколота записка, написанная рукой начальника управления, генерала Васильева.

«Тов. Мирснoв,

ознакомьтесь с материалами дела, допросите задержанную и доложите ваши соображения».

Самойловскую Миронов допросил, но ничего интересного этот допрос не дал. Она продолжала настаивать, что вещи, с которыми ее задержали, принадлежат Черняеву. По словам Самойловской, она ездила в Крайск навестить знакомых. Там случайно повстречалась с Черняевым, которого знала раньше. Он будто бы назвал Самойловскую к себе в гости, упросил взять кое-что из принадлежавших ему вещей и продать в Москве. Чьи они, эти вещи, как попали к Черняеву, Самойловская не могла сказать.

Что касается Черняева, так о нем Самойловская знала только одно: «большой человек», «крупный начальник». И все.

Мысли Миронова прервал телефонный звонок:

— Товарищ Миронов? — послышался в трубке голос генерала. — Прошу...

Захватив папку с материалами, Миронов направился к генералу.

Вряд ли кто не знавший профессии Семена Фаддеевича Васильева, встретив его на улице, в театре или в дружеской компании, принял бы его за боевого, умудренного опытом чекиста, настолько мирно и безобидно он выглядел. Лицо его, лицо типичного русского интеллигента, излучало добродушие. Добротный костюм (генерал обычно ходил в штатском) сидел на несколько располневшей фигуре чуть мешковато. Густые, тронутые сединой белокурые волосы слегка вились. Глаза прятались за толстыми стеклами очков, и не всякому доводилось видеть, сколь пронзителен и суров становился порой его взгляд.

Миронов докладывал сжато, скупо, взвешивая каждое слово. Пока он излагал обстоятельства дела, генерал успел бегло просмотреть содержимое папки, отложил ее в сторону и, опершись подбородком о ладонь, внимательно слушал. Когда Миронов перешел к выводам, заговорил о том, что связь между автором таинственной записки и таким человеком, как Черняев, представляется сомнительной, правая рука генерала легла на стол, пальцы принялись выбивать дробь. Дробь становилась все чаще, чаще. Миронов насторожился. Эта привычка генерала была известна каждому сотруднику управления. Если генерал забарабанил по настольному стеклу, значит его что-то встревожило, что-то пришлось ему не по душе.

— Простите, — внезапно перебил Миронова генерал, — а вы представляете себе, чем занимается Черняев?

— Примерно, — осторожно ответил Андрей. — Разно

настолько, насколько об этом говорится в справках. Черняев — один из руководителей крупного строительства под Крайском. Насколько мне известно, это строительство специального назначения.

— У нас есть данные, что одна из разведок что-то пронюхала о строительстве в Крайске. История с Черняевым приобретает поэтому своеобразную окраску. Может быть, это и есть та нитка, которую мы ищем.

— Надо полагать, работу на подобном строительстве, — заметил Миронов, — доверяют людям проверенным. Следовательно, Черняев...

— Да при чем здесь Черняев? — недовольно поморщился генерал и вновь забарабанил пальцами по столу. — Разве в нем дело? Вернее, не столько в нем, сколько в том, что делается или может делаться вокруг него. Задумайтесь над следующим: судя по всему, Черняев не чужд соблазнов. Доказательство — вся эта неблагоприятная история с попыткой сбыть через спекулянтку заграничные тряпки. Да и как они к нему попали? Некрасиво все это! Какие же напрашиваются выводы? Можно предположить и так, что некая иностранная разведка раздобыла кое-какие сведения о Черняеве, узнала о его слабостях и пытается к нему подобраться. Конечно, это всего лишь предположение, требующее тщательной проверки. Почему оно может возникнуть? Попробуем разобраться: по меньшей мере странная, скажем так, запись на клочке бумаги, обнаруженном за подкладкой куртки, сделана женской рукой. Так?

Миронов молча кивнул.

— Куртка эта до того, как попасть к Самойловской, побывала у Черняева? Следовательно, можно предположить, что возле него была, а возможно, и ныне находится женщина, заслуживающая самого серьезного внимания. Заметим, кстати, что именно она и могла толкнуть Черняева на грязную сделку с Самойловской. Ваши задачи: первое — найти эту женщину, автора записки, узнать, кто она такая. Второе — поскольку не исключено, что Черняев попал в поле зрения иностранной разведки, надо позаботиться о его безопасности, обеспечить ему нормальные условия работы и жизни. А для этого следует изучить окружение Черняева, присмотреться к образу его жизни и в зависимости от результатов делать окончательные выводы. Ну, и, наконец, третье — надо выяснить происхождение заграничных вещей и антикварных ценностей. Вот ваши задачи. Решить их можно только в Крайске, так что готовьтесь к отъезду. Начальнику Крайского управления КГБ полковнику Скворецкому я звонил, предупредил о вашем приезде.

Скворецкого держите в курсе всех дел. Он вам поможет. В случае чего непредвиденного звоните мне без стеснения, докладывайте. Теперь, пожалуй, все. Вопросы будут?

— Никак нет, Семен Фаддеевич, все ясно. — Миронов поднялся. — Когда разрешите выехать?

— А чего тянуть? — спросил, в свою очередь, генерал. — Сегодня и выезжайте. Желаю успеха.

ГЛАВА 2

Близился полдень, когда за окном вагона замелькали, то приближаясь, то отдаляясь, громады заводских корпусов, муравейники строек, ажурные стрелы башенных кранов. Поезд подходил к Крайску...

С вокзала Миронов прошел прямо к начальнику управления Кириллу Петровичу Скворецкому.

Скворецкого Миронов знал давно, много лет: их свела война. Кирилл Петрович Скворецкий, работавший до войны в управлении НКВД по Смоленской области, во время оккупации фашистами Смоленщины возглавил одно из партизанских соединений. Именно сюда, к этому партизанскому соединению, и прибилась зимой 1941/42 года вчерашний школьник Андрюшка Миронов, потерявший с приходом гитлеровцев сначала отца, затем мать.

Андрюшка прижился в отряде. Шустрый, не по годам смысленый парнишка, лютой ненавистью возненавидевший гитлеровцев, сначала находился при штабе соединения, а со временем стал одним из лучших партизанских разведчиков.

Пожалуй, именно тогда, в ту партизанскую годину, зародились у Андрея Миронова качества, которые помогли ему со временем стать хорошим чекистом, искусным контрразведчиком.

С изгнанием фашистских захватчиков со Смоленщины, Орловщины, Брянщины партизанское соединение, которое возглавлял Скворецкий, прекратило свое существование. По настоянию Кирилла Петровича Андрей Миронов вернулся к учебе, только он пошел не в обычную среднюю школу, а при помощи того же Скворецкого поступил в военное училище пограничников. Затем — служба на границе, Дальний Восток, Средняя Азия. В начале 50-х годов Андрей Миронов был направлен на работу в Министерство Государственной безопасности в Москву...

Расставшись в 1943 году с Кириллом Петровичем, Андрей не порывал с ним связи: нет-нет, а встречался; хотя и редко, но переписывался. Последние несколько лет он Скворецкого не видел и теперь был рад, что именно под его руководством предстояло работать.

— Ну-ка, где ты там, брат, покажись, каков стал? — взволнованно гудел Скворецкий, втаскивая Миронова за руку в кабинет и любовно оглядывая со всех сторон.

— Нет, — продолжал полковник, усаживая Андрея на диван и опускаясь рядом, — ничего не скажешь: молодцом! И не изменился почти, совсем молодой еще. Сколько же тебе теперь? Тридцать стукнуло?

— Что вы, Кирилл Петрович, — смущенно улыбнулся Андрей. — За тридцать-то перевалило.

— Да, — вздохнул Скворецкий. — Ну давай выкладывай, с чем приехал. В общих-то чертах я знаю. Семен Фаддеевич мне говорил, когда звонил, да и наши товарищи докладывали, но надо бы знать подробности.

Андрей принялся обстоятельно рассказывать.

Скворецкий внезапно прервал его на полуслове.

— Стой, погодн. Вот вы, судя по твоим словам, ломали там в Москве голову над тем, откуда взялся этот клочок бумаги, кто писал всю эту тарабарщину, а чего тут мудрить? Курточка, по всей вероятности, принадлежала супруге Черняева. Надо полагать, и записка ее.

Миронов опешил.

— Позвольте, Кирилл Петрович, позвольте. Какая супруга? Черняев же холостяк.

— Холостяк? Откуда ты взял? Нет, он женат. Хотя... Хотя теперь, может, и действительно холостяк.

— Вы что, Кирилл Петрович, шутите: не то женатый, не то холостяк? Ерунда какая-то. Я же сам его анкеты смотрел, и везде ясно сказано: холост, женат никогда не был. Правда, последняя анкета заполнена около двух лет назад, перед выездом Черняева в Крайск. А справка самая последняя — проживает по такому-то адресу. Один.

— А он как раз и женился около двух лет назад, накануне своего приезда в Крайск.

— Накануне приезда в Крайск? Ну, тогда ясно. Но почему вы говорите, что он теперь холост, когда он уже два года как женат?

— Это, брат, целая история. Правда, узнал я ее всего день назад. Бросила его жена. Сбежала Месяца этак три-четыре назад. Да как-то так некрасиво, обманом. Даже вещичек своих не взяла. Черняев ждал-ждал, не дождался. Переживал мужик здорово. А тут еще эти вещи... Напоминают. Решил от них избавиться. В это время подвернулась Самойловская... Остальное ты знаешь. Вот я и думаю: не этой ли самой дамочки, бывшей жены Черняева, записочка? Как полагаешь?

Андрей, внимательно слушавший Скворецкого, не спешил с ответом. Его сейчас интересовало другое.

— Кирилл Петрович, — спросил он, — можно задать вопрос? Откуда вам известна вся эта история: сбежала, обманула?

Скворецкий замешкался, крепко ото лба к затылку провел ладонью по выбритой до глянца голове и смущенно кашлянул.

— Тут, брат, — сказал он, — накладка получилась.

— То есть? — встревожился Миронов. — Какая еще накладка?

— Видишь ли, когда наше Крайское управление милиции получило сообщение о задержании Самойловской, о том, что она ссылается на Черняева, ребята взяли да и пригласили на беседу самого Капитона Илларионовича. Нас поставили в известность, когда он уже был у них. От него и узнали о всех его семейных неурядицах. Ну, а он узнал об аресте Самойловской, о том, что ведется следствие. Глупо, конечно, получилось, да что теперь поделаешь?

— А о записи, об этом клочке бумаги ему говорили? — взволнованно спросил Миронов.

— Нет, — успокоил его Скворецкий. — Я и сам узнал это только от Семена Фаддеевича.

Андрей не мог скрыть своего недовольства. В самом деле, не успели начать расследование, а о нем уже знают, и не кто-нибудь, а человек, сам, что ни говори, как-то причастный к этой истории. Скверно!

По совету Скворецкого Андрей решил вести дальнейшее расследование совместно с сотрудником Крайского управления КГБ Василием Николаевичем Лугановым, по словам Кирилла Петровича, дельным и толковым работником. Прямо от Скворецкого Миронов к нему и направился.

С первого взгляда Луганов Миронову не понравился: он показался Андрею медлительным, вяловатым. Однако вскоре Миронов понял, что Луганов отнюдь не был тугодумом — наоборот, соображал он быстро, хотя и не спешил навязывать собеседнику свое мнение, не лишен был чувства юмора и обладал, судя по всему, твердым характером.

Поскольку Луганов участвовал в беседе с Черняевым, Миронов поинтересовался, какое тот на него произвел впечатление.

Луганов не спешил с ответом.

— Какое может быть впечатление, товарищ майор? Ведь я всего лишь присутствовал при беседе. Человек Черняев солидный, держится уверенно. Не хотелось бы спешить с выводами. Да и данных у нас почти никаких нет, надо разбираться.

Из рассказа Луганова Миронов узнал некоторые дополнительные подробности о том, что уже говорил ему Скворецкий. Как оказалось, Черняев, в прошлом закоренелый холостяк, женился внезапно, чуть не на следующий день после знакомства. Фамилия этой женщины Величко. Зовут — Ольга Николаевна.

Семейная жизнь Черняева была будто безоблачной, как вдруг месяцев пять назад жена неожиданно бросила его, уехав неизвестно куда. Поскольку за своими вещами Ольга Николаевна не являлась, Черняев решил от них избавиться. Так они и попали к Самойловской.

Таинственная запись на клочке бумаги явилась для Луганова новостью. Он долго вертел в руках записку, внимательно вчитываясь в текст, беззвучно шевеля губами.

— Н-да, — сказал, наконец, Луганов, возвращая Андрею записку, — это меняет дело, что будем предпринимать?

Первые шаги были ясны Миронову: прежде всего надо раздобыть образец почерка Черняевой и сличить этот почерк с тем, которым была сделана запись. Надо полагать, Кирилл Петрович прав: это действительно дело ее рук. Далее следовало принять самые энергичные меры к розыску этой сбегавшей жены: найти ее, и многое станет ясным.

— Василий Николаевич, скажите, в рассказе Черняева не было каких-либо деталей, зацепок, которые помогли бы определить, куда уехала его бывшая жена?

— Нет. Какие там детали? Его проинформировали насчет Самойловской. Он подтвердил, что действительно вещи ей передал. Коротко рассказал историю своей женитьбы и бегства жены, объясняя, почему решил продать вещи. Допрашивать его не допрашивали, вопросов почти не задавали.

Мне, как понимаете, вмешиваться было неудобно, да и к чему?

— А что, — после минутного раздумья сказал Миронов, — если нам его еще разок вызвать? В милицию, конечно. Будто для уточнения дополнительных данных, связанных с Самойловской. Один вызов или два — существенной разницы нет, а какие-нибудь важные подробности, глядишь, в обстоятельной беседе и выявятся. Насчет записки, конечно, ни слова.

После недолгого раздумья Луганов согласился. Они наметили план беседы и условились, что Луганов будет выступать в роли работника милиции, а Миронова представит как своего помощника.

ГЛАВА 3

Черняев явился по вызову точно в назначенное время. Миронов увидел перед собой крупного, хорошо сложенного человека с умным, волевым лицом. Держался он уверенно, с достоинством. Слегка кивнув в ответ на приветствие Луганова, Черняев спокойно уселся в предложенное ему кресло, не обратив на Миронова (тот был в штатском) никакого внимания.

— Прошу извинить, Капитон Илларионович, что вторично вас побеспокоили, — начал Луганов, — но нам требуется ваша помощь. Нужно уточнить некоторые вопросы, связанные с махинациями Самойловской.

Черняев передернул плечами.

— А я-то чем могу помочь? Ведь эту, как ее, Самойловскую, я едва знаю. Познакомил меня с ней несколько лет назад кто-то из сослуживцев, не помню уж кто, когда я искал квартиру. Самойловская имела знакомых, заинтересованных в обмене жилплощадью, и выступила в роли посредницы не бескорыстно, конечно. Вот, собственно говоря, и все наше знакомство. Несколько дней назад я случайно встретил ее на улице. Самойловская поинтересовалась, не может ли быть чем-нибудь полезной, а у меня вещи, самый вид которых — вы понимаете? — ну, что ли, угнетал меня. Я возьми и спроси Самойловскую: мол, так и так, не могли бы продать кое-какие женские вещи. Она согласилась, а потом московская милиция схватила ее, как воровку. Нелепость!

— Простите, — перебил Черняева Миронов, — я вас не вполне понял. Вы говорите, что поручили Самойловской продать ваши вещи, но ведь вещи-то это были не ваши, а женские?

Черняев с недоумением поглядел на Миронова, затем на Луганова.

— По-моему, в прошлый раз, — внушительно, отделяя одно слово от другого, произнес он, адресуясь исключительно к Луганову, — я достаточно ясно сказал, что вещи принадлежали моей бывшей жене Ольге Величко. Вы при этой беседе присутствовали? Еще вопросы будут?

— Помилуйте, Капитон Илларионович, зачем же так официально? — воскликнул Луганов. — Мой помощник, — он кивнул в сторону Миронова, — не был при нашей предыдущей беседе, о которой я сообщил ему очень кратко. Все мы, собравшиеся здесь, заинтересованы в одном: выяснить все, что связано с Самойловской. Я, например, отнюдь не уверен, что она сбывала только ваши вещи. Без вашей помощи разобраться очень трудно. Вы согласны?

Черняев молча кивнул.

Луганов и Миронов познакомили Черняева со списком вещей, изъятых у Самойловской. Тот небрежно пробежал его, предупредив следователей, что «инвентаризацией» гардероба своей жены никогда не занимался. Самойловская сама, по его словам, отобрала в шкафу и чемоданах то, что считала возможным продать, остальное он подарил ей «в знак благодарности». Таким образом, по уверению Черняева, он не мог точно определить, только ли вещи его бывшей жены были изъяты у Самойловской.

— Еще один вопрос, — осторожно сказал Миронов, — вы не могли бы рассказать поподробнее о прошлом вашей бывшей жены, ее знакомых, друзей?

— А с какой, собственно говоря, стати это вас интересует? — сухо спросил Черняев. — Какое это имеет отношение к делу?

Миронов не спешил с ответом: показать Черняеву записку? Сказать, что его бывшая жена внушает подозрение? Нет, нельзя.

— Видите ли, — неторопливо заговорил он, — как я понял из ваших слов, вам неизвестно, каким путем попали к вашей бывшей жене заграничные вещи и старинные украшения. Так? Не исключено, что ответ на этот вопрос таится в прошлом вашей жены, в ее окружении. Вам ясно?

— Куда уж яснее! — горько усмехнулся Черняев. — Только прошлого Ольги я почти не знаю. Да и насчет ее знакомств толком сказать ничего не могу...

— Позвольте, — возразил Миронов, — ведь вы прожили с Ольгой Николаевной около двух лет и так-таки ничего не знаете? В таком случае не могли бы вы рассказать, как познакомились со своей бывшей женой, при каких обстоятельствах?

— Что же интересного я могу вам сказать? — недовольно спросил Черняев. — Как я познакомился с Ольгой Николаевной?... Конечно, если вы настаиваете...

Миронов молча кивнул.

Начав рассказывать историю своего знакомства с Ольгой Величко, Черняев разволновался, заговорил сбивчиво:

— Ольга... С Ольгой... Мы познакомились в Сочи, где я отдыхал накануне моего переезда в Крайск.

В специальном лечении я не нуждался. Купание, прогулки — вот и все, что мне требовалось. Так прошла неделя, другая, и мне стало скучно. Я решил было махнуть на Сочи рукой и ехать назад, на работу, как случись тут моим

соседом по палате один майор. Мы быстро подружились, и жизнь стала сноснее. Вот через него-то я и познакомился с Ольгой Николаевной Величко.

Черняев на минуту умолк.

— Расскажу вам, как это произошло, — продолжал он. — Прогуливались мы однажды вдоль берега. Дело было к ночи. Луна светила — хоть книгу читай. Проходя мимо «грибка», стоявшего на отлете в гуще кустарника, мы услышали приглушенный разговор. Говорили двое — мужчина и женщина, и, надо сказать, в весьма повышенных тонах. Мы решили было уйти, но в этот момент послышался звук пощечины и на тропинку выскочила женщина. Она была молода и, как я успел заметить, очень хороша. Не знаю, может быть, тут сыграла роль вся обстановка этой встречи, но только, простите мне это избитое выражение, я почувствовал, что погиб. Да, погиб.

Черняев вздохнул.

— Вслед за ней на дорожку выбежал пожилой, взъерошенный человек. Вероятнее всего, эта встреча так бы и кончилась ничем, если бы женщина не окликнула моего спутника: оказывается, с ним она была знакома. Отступить было некуда. Я был представлен ей и мужчине, который оказался ее мужем. Мне думается, что он не очень обрадовался нашему появлению, но она — наоборот. Стараясь задержать нас, она взяла майора под руку и оживленно заговорила, поглядывая временами на меня. Со стороны можно было подумать, что между ней и ее мужем ровно ничего не произошло, что просто четверо хороших знакомых коротают время в приятной прогулке. Правда, муж Ольги держался несколько особняком, изредка отпуская колкости по ее адресу, на которые, впрочем, она не реагировала. По предложению Ольги мы зашли в ресторан, посидели там час-полтора, затем разошлись. Когда прощались, Ольга Николаевна пригласила нас с майором заходить к ним в санаторий. Я, конечно, не счел себя вправе воспользоваться случайным приглашением, хотя мысль об Ольге и не покидала меня. Но надо же так случиться: дня через два мы встретили Ольгу Николаевну на пляже. Выяснилось, что муж ее уехал, отозван на работу.

Я не мастер поддерживать светский разговор, не умею говорить любезности, ухаживать. В присутствии Ольги Николаевны я часами был нем как рыба. Но частые встречи помогли... Я стал привыкать к Ольге и сам не заметил, как начал чувствовать себя так, словно знал ее долгие годы. День ото дня она становилась мне все дороже, и вскоре я понял, что жить без нее больше не смогу.

Прошла неделя, другая, и я заметил, что мои чувства, мои переживания не безразличны Ольге. Она становилась ко мне все более и более внимательной. Словом, отношения наши стали близкими. Когда же она рассказала грустную историю жизни с нелюбимым мужем, который изводил ее отвратительной ревностью...

Черняев опять умолк. Помолчав с минуту, он продолжал:

— Что там говорить! Мы поняли, что нас свела сама

судьба, и там же, в Сочи, решили пожениться. Дело было за ее прежним мужем, с которым она должна была оформить развод.

— Кстати, — вмешался Миронов, — его фамилия Величко? Вы его еще ни разу не назвали.

— Величко? — переспросил Черняев. — Нет, не Величко. Это девичья фамилия Ольги. Его фамилия Садовский. Он врач, кажется, хирург. Жил в Куйбышеве. Вот, пожалуй, и все, что я могу о нем сказать. Сами понимаете, он меня никогда особо не интересовал. Все, что касалось развода, Ольга взялась уладить сама, мое участие не требовалось.

Из Сочи мы вместе с Ольгой вернулись в Саратов, где я тогда работал. Не успели приехать, как был решен вопрос о моем назначении в Крайск. Переехали вместе. К моему счастью, Ольга оказалась превосходной хозяйкой. Жили мы с ней душа в душу. Все свое свободное время, каждую минуту, я отдавал ей. Старался делать все, чтобы она была счастлива. На ее слабости, а они со временем обнаружили, я смотрел сквозь пальцы.

— Что вы имеете в виду? — спросил Луганов.

— Тряпки, — ответил Черняев. — Страсть к тряпкам. Ольга целые дни готова была путешествовать по магазинам, по портнихам, по каким-то знакомым, приобретая, меняя, переделывая наряды. Я, правда, пытался время от времени удерживать ее от этой бесконечной погони за нарядами, но уж очень трудно было ей в чем-то отказать. Она, как правило, и слушать меня не хотела. Порой дело доходило у нас до размолвок, но последнее слово всегда оставалось за Ольгой: не мог я ей перечить.

Летом прошлого года на стройке дела шли так, что я никак не мог уйти в отпуск, а мы собрались поехать с Ольгой в Кисловодск. Видя, как ее расстроило крушение наших планов, я достал путевку и отправил Ольгу одну.

Черняев вздохнул, опустил голову и замолк. Затем загворил спеша, заметно волнуясь:

— Да, вот с этой поездки все и началось. Из Кисловодска Ольга вернулась неузнаваемой. Ее точно подменили. С магазинами и портнихами было покончено. Целыми днями она тосковала, лежала на диване, ничего не делая, никуда не выходя. Разве что изредка читала. Все мои попытки узнать, что с ней происходит, кончались ничем. Она отделивалась ссылками на плохое самочувствие, скверное настроение. Не знаю, как долго бы все это тянулось, если бы не случай. Однажды в выходной день она куда-то ушла, а я, оставшись один, от нечего делать начал перебирать книги, лежавшие на диване. И вот, когда я листал одну из книг, на пол упал листок бумаги. Я поднял его, и меня словно обухом ударило. «Ольга, любимая...»

Это было письмо, любовное письмо.

Черняев опустил руку в карман, достал измятый листок бумаги, исписанный мелким почерком, и протянул его Луганову.

— И кто? Мальчишка. Студент. Да вы прочтите...

С минуту помолчав, Черняев справился с волнением.

— Я пытался убедить себя, что это ошибка, злая шутка. Тщетно. Факты говорили сами за себя. Письмо объясняло все: перемену в Ольге, ее бесконечные капризы, тоску... Как это ни было трудно, я взял себя в руки. Едва Ольга вошла, я молча протянул ей письмо. Она разрыдалась. «Да, да, да, — твердила она, — я дрянь, знаю, но что я могу поделаться? Кто он? Ты хочешь знать? Ну, студент, геолог. Живет в Ленинграде. Познакомились мы в Кисловодске. Полюбили друг друга. Что хочешь, то и делай».

Я был раздавлен.

Все решили на следующий день.

Правда, Ольга было притворилась, что колеблется, но ненадолго. Стыд перед окружающими вынудил нас скрыть ее уход, а ее внезапный отъезд мы объяснили тем, что ей необходимо пройти повторный курс лечения в Кисловодске. Туда она и уехала. Только не лечиться, к своему очередному супругу.

Последние дни перед отъездом были сплошной мукой. Но всему бывает конец: не знаю, как хватило у меня сил, но я сам отвез Ольгу на вокзал, и мы расстались. Вот, пожалуй, и вся моя история...

— А вещи? — спросил Миронов.

— Простите, вы о чем? Какие вещи?.. Ах, да, вещи... — Черняев провел рукой по лбу. — Ольга взяла с собой самое необходимое. Я ждал, верил, что она одумается, придет, но, судите сами, прошло почти полгода, а об Ольге ни слуха. Для меня же постоянно видеть эти вещи... Тут подвернулась эта самая Самойловская...

— Прошу извинить, — задал вопрос Миронов, — а как фамилия студента, к которому уехала Ольга Николаевна? Кстати, насчет этого студента, я не все понял. Вы говорите, что он живет в Ленинграде, а поехала она в Кисловодск. Почему?

— Фамилии студента я не знаю. Письмо, как видите, без подписи. — Черняев показал на листок бумаги, лежащий у Луганова на столе. — В Кисловодск же она поехала потому, что он там был не то на практике, не то в какой-то экспедиции — не знаю. Теперь они уже, наверное, в Ленинграде.

Уловив незаметный Черняеву знак Миронова, Луганов поднялся:

— Извините, пожалуйста, Капитон Илларионович, что отняли у вас столько времени, — сказал Луганов, — такая уж наша работа.

— Н-да-а, работа, — неопределенно протянул Черняев и, попрощавшись с Лугановым и Мироновым, направился к выходу. Дойдя до двери, он вдруг повернулся и сделал шаг назад:

— Да, письмо...

— Что, письмо? — спросил Луганов. — Вы хотите его взять?

— Пожалуй, да. Что ни говорите, а память, хоть и горькая.

— Мы хотели бы его оставить на время, если вы не возражаете, — сказал Миронов. — Оно может нам понадобиться.

— Как будет угодно, — ответил Черняев и, сухо кивнув, вышел.

— Ну-с, что скажете? — спросил Миронов, когда дверь закрылась.

Луганов недоуменно вскинул брови.

— А что тут скажешь? Для меня лично ничего особенно нового в рассказе Черняева нет, если исключить всякие романтические подробности.

— А письмо? Письмо он вам в прошлый раз показывал?

— Насчет письма — правильно. Письмо он мне не показывал. Но я и его отношу к числу романтических подробностей.

— Занятная подробность, — задумчиво заметил Миронов.

— Чем, собственно говоря?

— Да многим. Ну, например, зачем он хранит это письмо, которое, казалось бы, должно жечь ему руки? Зачем носит с собой? Зачем показал нам? Почему, уходя, не хотел его оставить?

— Не знаю, — возразил Луганов, — чем вас заинтересовало это письмо. Давайте, кстати, хоть прочитаем его.

Взяв письмо со стола, Луганов вслух прочел:

«Ольга, любимая!

Судя по твоим письмам, ты теперь совсем другая, или это только на бумаге? Если бы ты знала, как хочу я видеть тебя, как жду встречи. Расставаясь, я хотел многое тебе сказать, но... не решился. Я так и не рискнул просить тебя быть моей, моей навсегда. Но ведь только об этом я мечтаю, только этим живу. Жду тебя с нетерпением на старом месте, в конце мая. Я опять получил туда направление. Знаю, верю, мы встретимся, чтобы никогда больше не расставаться. Твой В.»

Закончив чтение, Луганов взглянул на Миронова:

— Да, определеннее не скажешь. Нетрудно понять Черняева. Переживает он сильно. Мне рассказ его показался искренним.

— Согласен, — кивнул Миронов, — сомневаться в его искренности оснований нет. Но вот история с письмом мне определенно не нравится... Что же касается сути дела, то ни на один из вопросов — в частности, самый простой: откуда взялись вещи иностранного происхождения — ответа пока нет. И без Ольги Николаевны Величко мы ничего не выясним. Не говоря уже о записке и всем остальном. Вот давайте и помозгуем, как будем искать Величко. Что же касается ее почерка, то это остается за вами, как давеча условились.

— Я помню, — сказал Луганов — А искать? Надо запросить Кисловодск. С этого начнем.

На том пока и порешили Луганов принялся составлять запрос в Кисловодск. Одновременно решили разослать запросы по всем местам, где, судя по уже имевшимся данным, ранее бывала Величко: в Саратов, где жили Черняевы до переезда в Крайск; в Куйбышев, где она проживала с бывшим мужем, наконец, в Чернигов, недалеко от которого она родилась и выросла. Чем черт не шутит, а вдруг да там, под Черниговом, и до сих пор живет кто из ее родственников? Вдруг Величко взяла и укатила на родину?

ГЛАВА 4

Первые дни после беседы с Черняевым были заполнены у Миронова и Луганова до отказа. Прежде всего Луганов побывал в доме, где жил Черняев. От работников домоуправления он узнал, что ранее семью Черняевых, а теперь Капитона Илларионовича, обслуживает приходящая домработница, Стефа Левкович. Постоянно Левкович работала уборщицей в одной из гостиниц Крайска. Под благовидным предлогом Миронов в тот же вечер отправился к ней домой.

Стефа Левкович оказалась женщиной общительной, любящей поговорить.

— Как живу? — отвечала она на вопросы Миронова. — Да ничего, не жалуюсь. Какое-никакое, а жалованье получаю в гостинице. Прирабатываю, убираю тут одну квартиру, Черняева. Человек он серьезный, солидный. Правда, на деньги жаден, это да. Прижимист. А так ничего. Самостоятельный.

Когда речь зашла об Ольге Николаевне Величко, бывшей жене Черняева, Стефа развела руками:

— Что о ней сказать? Ольга Николаевна казалась уж такой хорошей, а вышло — с ветерком в голове. Уж как Капитон Илларионович ее лелеял, а она возьми да и брось его. Со стороны посмотришь — такая милая, скромная, а на деле что получилось? Я-то ведь и раньше кое-что замечала. Вот, к примеру, перед самым отъездом Ольги Николаевны один молодой мужчина к ней заходил. Пришел, кофе напился и все сидит. Братом назвался. Двоюродным. Знаем мы этих братьев! Помнится, из Эстонии приехал. Я его день спустя еще в гостинице встретила. Он в аккурат из номера выходил. Видать, у нас останавливался.

— В вашей гостинице? — переспросил Миронов, внимательно слушавший болтовню Левкович.

— У нас, как же!

Вечером того же дня в конторе гостиницы появились Миронов и Луганов. Их интересовали регистрационные книги постояльцев.

Через два часа напряженной работы внимание Миронова привлек некто Артур Владимирович Рыжиков тридцати трех

лет, инженер-радист, который, как значилось в книге, прибыл из Таллина. В апреле он несколько дней прожил в гостинице. Как было указано в книге, в Крайск приезжал в командировку.

В ту же ночь в Таллин был направлен запрос о Рыжикове. А на следующее утро Луганову удалось, наконец, раздобыть образец почерка Ольги Николаевны Величко. Сомнения не было — странная запись на клочке бумаги была сделана ее рукой.

Продолжал Миронов, памятуя указания генерала, заниматься и Черняевым, тщательно изучая его окружение и образ жизни.

Полковник Скворецкий выделил в распоряжение Миронова толкового, энергичного сотрудника — Сергея Савельева.

Савельев, день спустя появившийся у Миронова, произвел на Андрея самое лучшее впечатление. Шел Савельеву двадцать четвертый год, но выглядел он совсем юнцом и многие в управлении — особенно девушки, машинистки, секретари, стенографистки — звали его просто Сереженька.

В органах КГБ Сергей работал всего второй год, но уже успел зарекомендовать себя с самой лучшей стороны: ему доводилось участвовать в нескольких сложных операциях, и действовал он каждый раз успешно.

Миронов не спеша, обстоятельно растолковал Савельеву задачу: не исключено, говорил он, что в окружение Черняева проникли люди, стремящиеся сыграть на его слабостях, скомпрометировать и затем воспользоваться этим в преступных целях. Чтобы в этом разобраться, надо приглядеться к Черняеву, к его знакомым.

— Понятно, товарищ майор, — кивнул внимательно слушавший Савельев.

— Растолковывать вам в деталях, как вести работу, думаю, нет нужды. Опыт у вас есть. О результатах будете докладывать каждый вечер, специальным рапортом. Вот, пожалуй, и все.

Едва Савельев успел уйти, как в кабинет Миронова вошел Луганов. Не вошел, а именно ворвался.

— Вот, Андрей Иванович, телеграмма. Из Кисловодска. Читайте. Нет, вы только прочтите, что они пишут!

Миронов взял телеграмму, развернул ее.

— Каково? — сказал Луганов. — Не при-ез-жа-ла!

— Н-да, — хмыкнул Миронов. — Закавыка!

Ответа из Кисловодска Андрей ждал с нетерпением. Правда, он не думал, что Ольга Величко-Черняева все еще там. На какие средства сможет она жить на курорте несколько месяцев? Но он полагал, что работники кисловодской милиции сообщат, когда она выехала, куда и, возможно, с кем. Все эти вопросы Луганов поставил в своем запросе. Но в телеграмме было сказано, что никто под фамилией Величко или Черняевой в Кисловодске не проживает, что вообще женщина с таким именем, отчеством и фамилией в течение текущего года в Кисловодске не проживала, ни в гостиницах, ни в санаториях не останавливалась.

«Как же так? — думал Миронов. — Ведь Черняев сам проводил ее на вокзал, усадил в поезд. Правда, прямых поездов до Кисловодска из Крайска нет, ехать надо с пересадкой. Значит, Величко по дороге сошла, не доехав до места? Но почему? Или и тут обман, и тут она не сказала Черняеву правду, поехав не в Кисловодск, а в другое место? Но зачем, с какой целью?»

— Андрей Иванович, а что будем делать со студентами?

— Со студентами? — спохватился Миронов.

Он взял телеграмму и перечитал то ее место, где говорилось, что в прошедшем и текущем годах в районе Бештау работало две геологические изыскательские партии. В одной из них одновременно проходило практику несколько студентов, в том числе и студенты из Ленинграда. Фамилии их были указаны. В самом Кисловодске и его окрестностях никаких геологических поисков не велось, и данными о пребывании здесь ленинградских студентов кисловодская милиция не располагала.

Внимательно перечитав эту часть телеграммы, Миронов глянул на Луганова.

— А что, Василий Николаевич, если вам слетать в Ленинград, поискать там автора письма, а с его помощью и Величко? Это будет надежнее, чем писать запросы...

Тут же Миронов изложил Луганову свои соображения: коль скоро известно, что именно из студентов и из каких вузов Ленинграда был в тех краях на практике (а таких было немного), то не составит большого труда выяснить, кто из них является автором письма к Ольге Величко. Надо будет с ним побеседовать и при его помощи узнать, где она находится сейчас.

На следующее утро Луганов вылетел самолетом в Ленинград. С помощью сотрудников милиции он быстро установил, что автором найденного Черняевым письма является Виктор Сергеевич Кузнецов, студент пятого курса геологического отделения Ленинградского университета. Луганов, не мешкая, пригласил его на беседу в милицию.

Когда Кузнецов вошел в кабинет, Луганов заметил, что студент волнуется. Оно и понятно: впервые в жизни его вызвали в милицию, да еще неизвестно зачем. Стараясь придать беседе непринужденный характер, Луганов начал расспрашивать Кузнецова о его учебе, о поездках в составе геологических партий.

Кузнецов рассказывал с увлечением. Он сообщил, что последние два года летом выезжал в составе изыскательских партий на Северный Кавказ в район Бештау. В Кисловодске Кузнецов бывал всего несколько раз, в качестве экскурсанта.

— А знакомств в Кисловодске вы не заводили? — как бы невзначай поинтересовался Луганов.

— Знакомств? Каких знакомств?

Луганов молча выдвинул ящик письменного стола, достал оттуда несколько фотографий молодых женщин, снятых в профиль и анфас, среди которых была и фотография Ольги Величко, и веером раскинул их на столе.

— Кого из них вы знаете? — спросил Луганов.

— Можно? — протянул Кузнецов руку к фотографиям. Пока он рассматривал фотографии, Луганов следил за выражением его лица, но ровным счетом ничего, кроме самого искреннего, самого неподдельного недоумения, не заметил.

— Н-нет, — неуверенно проговорил, наконец, Кузнецов, — я тут никого не знаю...

— Помилуйте, — перешел в наступление Луганов, — вы не знаете Ольгу Николаевну Величко или Черняеву, как вам будет угодно?

— Величко? Черняеву? В первый раз слышу!

Но Луганов не собирался отступать:

— Нехорошо, Виктор Сергеевич, нехорошо. Может, вы и этого не знаете? Может, не вы это писали?

Увидев письмо, Кузнецов вскочил.

— Письмо! Мое письмо! Как оно к вам попало?

— Прежде всего сядьте и успокойтесь, — с иронической улыбкой проговорил Луганов. — Вот так. Ну, а теперь рассказывайте всю правду об этом письме, а также о той, кому оно адресовано.

Кузнецов глубоко вздохнул.

— Это письмо... мое письмо... Оно написано Зеленко. Ольге Ивановне Зеленко... Ольга — моя невеста. Правда, на это письмо она мне не ответила. Сам не пойму — почему?..

Теперь пришел черед краснеть Луганову. Беседа приняла неожиданный, непредвиденный оборот.

— Зеленко? — Эта фамилия была знакома Луганову. Да, сомнения не было. Он вспомнил: Ольга Зеленко — соседка Черняева по квартире. Но как письмо, адресованное Зеленко, попало к Величко? Почему жена Черняева хранила его? Почему, наконец, увидев это письмо в руках мужа, Ольга Николаевна не сказала, что письмо это не имеет к ней никакого отношения.

Да, тут было над чем поломать голову. Луганову вспомнились «зачем» и «почему», которые возникли в связи с этим злосчастным письмом у Миронова после их беседы с Черняевым.

Извинившись перед Кузнецовым, Василий Николаевич попросил позволения письмо оставить на время у себя. Кузнецов согласился, и они расстались.

Луганов связался по телефону с Мироновым. Выслушав его доклад, Миронов предложил ему немедленно возвратиться в Крайск.

ГЛАВА 5

— Давайте-ка вызовем Ольгу Зеленко, — сказал Андрей, — и поговорим с ней начистоту. Судя по тому, что мы знаем о ней, дивчина она серьезная. С Черняевым два года в одной квартире, знает, надо полагать, немало.

День спустя Миронов и Луганов беседовали с Зеленко.

Начал разговор Миронов. Произошло, сказал он, недоразумение. Какое, об этом позже. Прежде всего: об их беседе никто не должен знать за стенами этой комнаты.

Зеленко, хотя и взглянула на Миронова с недоумением, молча кивнула в знак согласия.

— Вы живете, — продолжал Миронов, — в одной квартире с Черняевыми. Нам нужно знать об этой семье все, что знаете вы сами. Поверьте, это очень важно.

— Черняевы? — переспросила Ольга. — Капитон Илларионович? Но что он мог сделать плохого? И что я о нем знаю? А семьи у него нет. Ольга Николаевна уехала. Навсегда.

— Меньше всего нас интересует Капитон Илларионович, — возразил Миронов. — Я ведь вас спросил именно о семье Черняевых. Если хотите, я уточню: как раз Ольгой Николаевной мы и интересуемся. Почему? И это скажу. Видите ли, поступили сведения, что у Ольги Николаевны имелись некоторые вещи, ну, всякие там наряды заграничные, старинные украшения, объяснить появление которых в семье Черняевых трудно. Вот мы и решили прибегнуть к вашей помощи. Вы не могли не видеть, как одевается Ольга Николаевна, сколько времени уделяет своим туалетам, как часто приобретает наряды. Возможно, знаете и то, где и как она пополняла свой гардероб. Интересуют нас и взаимоотношения супругов Черняевых, наиболее близкие из их друзей.

Зеленко понимающе кивнула, начала рассказывать. Говорила Ольга слегка запинаясь, подыскивая выражения, вспоминая те или иные факты, подробности. По ее словам, Ольга Николаевна интересовалась нарядами не больше, чем любая красивая женщина, а она была очень красивая. Была ли Величко жадной? Нет. Этого Ольга за ней не замечала. Потерянная она какая-то была, это да. Но уж нисколько не жадная.

Откуда у Величко были наряды, украшения? Зеленко не знала. Она никогда Ольгу Николаевну не спрашивала, а та не рассказывала. Не замечала Зеленко у Величко и особого пристрастия к беготне по магазинам и по портникам. Разве куда ходила, когда Зеленко дома не было? Что ж, и это возможно.

Какие были у Величко отношения с мужем? Трудно сказать. Вроде бы неплохие, но и особой нежности между ними Ольга не замечала. Пожалуй, Капитон Илларионович относился к жене лучше, чем она к нему. Он всегда держался спокойной, ровно, а она из-за пустяков чуть не истерики закатывала. Бывало.

— Скажите, — задал вопрос Луганов, — а об отъезде Величко, об ее разрыве с Черняевым что вам известно? Быть может, вы помните какие-нибудь подробности, детали?

— Какие же подробности? — задумалась Зеленко. — Ничего особенного. Уехала Ольга Николаевна в Кисловодск. Лечиться. Уехала одна, как и в прошлом году. Я и думать не думала, что она не вернется.

— Как вы полагаете, — вмешался Миронов, — Черняев знал, что она совсем уехала? Какие между ними были отношения перед отъездом?

— Какие отношения? Обычные. Капитон Илларионович ничего не знал. Откуда? Он же сам на вокзал ее провожал. Как сейчас помню, вернулся под вечер с работы, машину не отпустил. Пробыл дома с полчаса, потом они вместе с Ольгой Николаевной вышли. Капитон Илларионович чемодан нес. Я их до машины провожала. Сели и уехали.

Через месяц я спросила Капитона Илларионовича, уж не случилось ли чего с Ольгой Николаевной, а он мне и говорит: «Случилось не случилось, только не вернется она больше. Совсем уехала. Разошлись мы...»

Закончив свой рассказ, Зеленко вопросительно посмотрела на Миронова: как, мол, теперь, все? Миронов неторопливо достал письмо Кузнецова и протянул Ольге. Увидев знакомый почерк, Зеленко нахмурила брови, чуть прикусила нижнюю губу. На лице ее появилось выражение недоумения.

— Вот, — сказал Миронов, указывая на письмо, — это и есть то самое недоразумение, о котором я говорил в начале нашей беседы. Причина, из-за которой мы решили вас побеспокоить. Письмо это — да берите, берите его, оно же вам предназначено, — написал ваш знакомый, Виктор Кузнецов. Впрочем, — улыбнулся Миронов, — автор письма вам и без меня известен. Не так ли?

Ольга вспыхнула.

— Из-за этого письма, — продолжал Миронов, делая вид, что не замечает ее смущения, — вы чуть не поссорились с Виктором, ведь так? А зря! Он ни в чем перед вами не виноват. Ну, да в этом вы сами разберетесь. Нас интересует другое: письмо это, адресованное вам, попало в руки Ольги Николаевны, которая длительное время его хранила, скрыв от вас. Вы говорите, что у вас с ней были хорошие отношения. Чем же тогда объяснить ее поступок, зачем она спрятала письмо, почему?

Зеленко беспомощно развела руками.

— Ничего не могу понять. Ольга Николаевна взяла мое письмо? Украла его, прятала? Не может быть. Это так на нее непохоже. Тут что-то не так. Вы уверены, что не ошиблись?

Миронов покачал головой.

— Посмотрите на дату: несколько месяцев письмо не попадало к адресату, то есть к вам, — факт? И находилось оно у Ольги Николаевны Величко — это тоже факт? Какая же может быть ошибка?

Зеленко встрепенулась.

— Значит... значит, Ольга Николаевна отдала вам это письмо только сейчас? Почему же вы не спросили, зачем она взяла его? Где она, я сама спрошу. Ведь... ведь это же нечестно... Гадко...

— В том-то и дело, Ольга Ивановна, — мягко сказал Миронов, — что не все тут просто. Письмо дала нам не

Ольга Николаевна. Кстати, мы еще не узнали, где она находится. Вы пока прочитайте письмо, мы вам мешать не будем...

— Извините, пожалуйста, — смущенно возразила Зеленко, — но лучше я его дома прочту. Зачем же вас задерживать?

Однако Миронов сказал, что письмо может еще понадобиться, поэтому лучше бы ей прочесть его здесь.

Когда Ольга кончила читать и с явной неохотой вернула письмо, Миронов и Луганов тепло простились с ней. Перед этим Миронов еще раз напомнил Зеленко: надо сохранить беседу в тайне.

— Кстати, — он протянул Ольге листочек бумаги. — Вот мой телефон. На всякий случай. Вдруг что случится или покажется вам подозрительным — звоните. Условились?

Как только Зеленко вышла, Андрей обратился к Луганову:

— Василий Николаевич, а не побеседовать ли с шофером Черняева?

Луганов согласился и день спустя вызвал шофера. Но ничего нового тот не сообщил, только повторил подробности отъезда Ольги Николаевны, уже известные ранее.

Закончив беседу, Луганов поехал в управление. Едва перешагнув порог кабинета, он понял, что за время его отсутствия произошло нечто серьезное. Миронов расхаживал из угла в угол, зажав в зубах погасшую папиросу.

— Вы думаете, мы кого ищем? — сразу сказал Миронов. — Ольгу Величко? Черта лысого!..

Он передал Луганову документ, лежавший на столе.

На бланке со штампом Черниговского областного управления милиции было написано: «В ответ на ваш запрос сообщаем: Величко Ольга Николаевна, 1925 года рождения, уроженка села Софиевка, проживавшая там же, активная комсомолка, в годы Великой Отечественной войны являлась связной местного партизанского штаба. В 1943 году была схвачена гестаповцами и вывезена в Германию. По имеющимся сведениям, в 1944 году зверски замучена в одном из гитлеровских лагерей смерти...»

ГЛАВА 6

Выходит, Величко вовсе не Величко. Кто же такая жена Черняева, почему и зачем присвоила имя и фамилию славной комсомолки, павшей от рук фашистских палачей в годы войны? Не сможет ли пролить хоть какой-нибудь свет на запутанное прошлое этой странной женщины ее прежний муж — Садовский? Миронов посоветовался с Кириллом Петровичем и вылетел в Куйбышев.

Валерий Сергеевич Садовский, прежний муж Ольги Николаевны, — заслуженный пожилой врач (ему было за пятьдесят), много лет работал в Куйбышеве и пользовался там большим уважением. Взвесив все, Миронов решил откровенно поговорить с ним. Однако начать беседу оказалось не

так-то легко: Садовский был скуп на слова, сдержан, не хотел, судя по всему, ворошить нерадостное прошлое. Немало усилий пришлось затратить Миронову, пока Садовский разговаривался.

С Ольгой он познакомился еще в 1941 году, в начале войны, в семье своего бывшего учителя профессора Навроцкого, эвакуированного из Воронежа. Ольга была племянницей жены профессора, дочерью ее сестры, но, рано потеряв родителей, воспитывалась в семье Навроцких. На правах бывшего ученика профессора Садовский начал бывать в семье Навроцких, часто встречался с Ольгой, пока вдруг не обнаружил, что испытывает к девушке серьезные чувства. Это было нелепо — ведь он был чуть не вдвое старше Ольги, — и все же это было так. Садовский настолько растерялся, что не нашел ничего лучшего, как прекратить свои встречи с Ольгой. А там Ольга, рвавшаяся с первых дней войны на фронт, поступила на какие-то специальные курсы и, как сообщил Валериану Сергеевичу под строжайшим секретом старик Навроцкий, была заброшена в немецкий тыл в партизанский отряд радисткой. А затем... затем Ольга исчезла, пропала без вести.

Прошли годы, кончилась война, Навроцкие вернулись в Воронеж, и связь Садовского с ними оборвалась. Этак с год спустя после окончания войны он узнал из газет о смерти старого профессора. А еще через полгода внезапно встретил на улице... Ольгу!

Ольгу Садовский узнал с трудом, настолько она изменилась. Казалось, все в ней перегорело, умерло. Валериан Сергеевич принял живейшее участие в устройстве судьбы несчастной девушки: помог ей с жильем, с работой. Лишь постепенно он узнавал от нее о тех ужасах, что ей довелось перенести: Ольга, оказывается, была ранена, очутилась в плену. Лагеря, лагерь, лагеря... Сначала — немецкие в Эстонии, Германии, затем — для перемещенных лиц, в американской зоне оккупации.

...Шло время. Ольга постепенно оттаивала, оживала. А он? Он снова почувствовал, что любит ее, и любит так, что не в силах дотривиться своему чувству. По-видимому, и он был Ольге не безразличен, а возможно, она приняла за любовь естественное чувство благодарности к человеку, который так много сделал, чтобы вернуть ее к жизни. Во всяком случае, прошло какое-то время, и они стали мужем и женой.

Года два с небольшим назад они вместе поехали в отпуск. В Сочи. Там все и произошло. На третий день после приезда они отправились побродить в знаменитый сочинский дендрарий. Валериан Сергеевич стоял и рассматривал какое-то диковинное растение. Ольга рассеянно озиралась по сторонам, держа его под руку. Вдруг она вздрогнула, прижалась к его плечу и каким-то необычным голосом тихо сказала: «Пошли домой... скорее».

Всю дорогу Ольга молчала, молчала и в санатории. Только поздним вечером, перед сном, Ольга вдруг разрыдалась: «Едем назад, в Куйбышев, завтра же. Умоляю».

Как ни пытался Валериан Сергеевич ее успокоить — все было напрасно. Она плакала и твердила одно: «В Куйбышев, в Куйбышев», никак не объясняя свое поведение.

Утром, сославшись на головную боль, Ольга не вышла из палаты. Садовский отправился побродить один. Вернувшись, Валериан Сергеевич застал Ольгу спокойной, но по-прежнему молчаливой, замкнутой. К разговору об отъезде из Сочи она не возвращалась. Но, видя ее состояние, Валериан Сергеевич более не размышлял, а взял билеты до Куйбышева.

Когда Садовский вернулся с билетами в санаторий, Ольги не было. Пришла она поздней ночью. Молча разделась, молча легла в кровать. Утром, услышав, что билеты куплены, Ольга невесело усмехнулась. Но этот день, вплоть до отъезда на вокзал, прошел сравнительно спокойно.

Развязка произошла на вокзале. Валериан Сергеевич сидел в купе. Ольга стояла у окна в коридоре, безразлично наблюдая за вокзальной суетой. В то мгновение, когда поезд должен был тронуться, Ольга вдруг подошла к дверям купе, взглянула на Валериана Сергеевича каким-то опустошенным взглядом и, почти не разжимая губ, свистящим полупшепотом бросила: «Я не могу ехать с тобой. Остаюсь. Прощай и прости». Круто повернувшись, она бросилась вон из вагона и соскочила на перрон, когда поезд уже набирал скорость.

Едва придя в себя, с трудом сознавая, что делает, Садовский сошел на первой же станции и вернулся в Сочи. Где он ни побывал: в санатории, на пляже, в кафе, в ресторане, в милиции, в море — тщетно. Ольги не было и следа.

Все разъяснилось день спустя. На улице Валериан Сергеевич столкнулся лицом к лицу с молодым врачом, отдохнувшим в том же санатории. Увидев Валериана Сергеевича, он не смог подавить возгласа недоумения и сочувствия, настолько изменился за эти дни Садовский.

— Я понимаю, дорогой Валериан Сергеевич, все понимаю, — мягко говорил знакомый, бережно беря его под руку, — но будьте мужчиной. Она вас не достойна.

— Позвольте, вы о чем? Откуда вы знаете? — воскликнул изумленный Садовский.

Собеседник на мгновение смутился.

— Видите ли, — сказал он, потупив взгляд. — Сегодня утром я был в Адлере, на аэродроме. Провожал товарища. Там встретил Ольгу Николаевну. Она села в самолет вместе с каким-то военным. Кажется, майором.

Все было ясно. Ольга ушла, ушла дико, нелепо, бросив его ради какого-то курортного ухажера.

Вот, собственно говоря, и вся история, понять и объяснить которую Садовский не способен до сих пор. Знает ли он, где сейчас Ольга, искал ли ее? Нет. Зачем? Что? Жива ли жена Навроцкого, бывала ли у нее в Воронеже Ольга? Жена Навроцкого жива, Ольга у нее бывала, но редко.

— Простите, — осторожно задал вопрос Миронов, — выйдя за вас замуж, Ольга Николаевна приняла вашу фамилию или оставила свою?

Садовский грустно усмехнулся.

— Представьте себе, ни то, ни другое.

— То есть? — с интересом спросил Миронов.

— Видите ли, девичья фамилия Ольги — Корнильева. С войны она вернулась под фамилией Величко — все ее документы были на эту фамилию. Я ее спросил, почему у нее изменилась фамилия, а она разъяснила: «Я же в партизанах была, конспирация...» Ну, больше расспрашивать я не стал. Так она и осталась Величко: не хотела менять ни документы, ни фамилию.

Закончив беседу и расставшись с Садовским, Миронов задумался: да и было над чем подумать. Лагеря... пребывание мнимой Величко в фашистских лагерях невольно наводило на мысль: не там ли она стала Величко? Но зачем, с какой целью?

Успехом, конечно, было выяснение подлинной фамилии бывшей жены Черняева — Корнильева. Но где она сейчас, что значит этот странный набор слов на обрывке бумаги? Беседа с Садовским не давала ответа ни на один из этих вопросов. Впрочем, Миронов был доволен и тем, что услышал от Валериана Сергеевича. Заметил он и существенные противоречия между рассказом Черняева и Садовского. Черняев рассказывал, что «роман» с Ольгой длился у него в Сочи около двух недель, по словам же Садовского, все произошло иначе. Чем можно было объяснить такое расхождение?

Выслушав в тот же вечер по телефону доклад Миронова, генерал Васильев спросил:

— Значит, Садовский сказал, что его бывшая жена находилась одно время в лагерях в Эстонии? Любопытно. Ведь этот самый ее «кузен» — как его? Рыжиков? — тоже, кажется, из Эстонии? Вы об этом не задумывались?

— Думал, Семен Фаддеевич. Полагаю, что мне следует выехать в Эстонию и заняться Рыжиковым на месте. Может быть, там отыщутся следы Корнильевой.

— Ну что ж, — согласился генерал. — Поезжайте. Что же до прошлого Корнильевой — так мы организуем тщательную проверку. Нужно будет, думаю, поинтересоваться и теткой Корнильевой — Навроцкой. Не исключено, что она знает, где находится Корнильева. В Воронеж, очевидно, придется послать Луганова...

Прежде чем ехать в Эстонию, Миронову было необходимо побывать в Крайске, выяснить, как шли там дела за время его отсутствия, что, в частности, дала работа Савельева, не обнаружил ли Сергей чего-либо подозрительного.

В те дни, что Андрей находился в Крайске, из Москвы пришла справка на Корнильева. Оказалось, что отец Корнильевой родился в семье крупного помещика, был в прошлом офицером царской армии. В первые годы гражданской войны сражался в рядах белой армии против советской власти. Осенью 1919 года, после провала денкинского наступления на Москву, Корнильев бросил армию и скрылся в Курск, где жила его жена.

Явившись в конце гражданской войны в местные органы советской власти с повинной, Корнильев был прощен. До 1929 года работал там же, в Курске, в губземотделе, потом был арестован. Как выяснилось, Николай Корнильев был связан с контрреволюционными заговорщиками из числа бывших белогвардейцев. Умер он в тюрьме, от воспаления легких.

Вскоре после смерти отца умерла и мать Ольги Корнильевой. Девочке в то время не исполнилось и шести лет. Вместе с братом Георгием, который был лет на пять старше ее, Ольга очутилась в детском доме, но пробыла там недолго. Вскоре ее взяли в семью Навроцкие, не имевшие детей... Георгий уходить из детдома отказался. Что с ним было дальше, в справке не указывалось.

Ольга Корнильева осенью 1942 года после ряда настоячивых просьб была зачислена в специальную радиошколу. Закончив с отличным ускоренный курс, она была сброшена с парашютом в тыл немецких войск, в расположении одного из партизанских соединений, оперировавших в Белоруссии. Во время пребывания в соединении характеризовалась положительно.

Во время одного из боев летом 1943 года Ольга Корнильева была ранена и захвачена в плен. Сначала находилась в гитлеровском концлагере в Эстонии, где вела себя достойно, как подлинно советский человек, затем была вывезена в группе других заключенных в Германию. На этом след ее терялся. Как и когда она превратилась из Корнильевой в Величко, известно не было.

Внимательно прочитав справку, Миронов задумался. Конечно, происхождение Корнильевой, судьба ее родителей кое о чем заставляли задуматься, но самый факт и обстоятельства ухода Ольги на фронт, ее поведение в партизанском отряде, в лагере, наконец, разве не говорили сами за себя?

Да, но почему она стала Величко? Зачем, с какой целью? И Садовскому она солгала, будто фамилию Величко ей дали во время пребывания в партизанском отряде, «по соображениям конспирации». А записка, все тот же злощастный клочок бумаги? Откуда?

Сколько этих «зачем», «почему», «откуда» подстерегает чекиста на трудном пути к раскрытию тайны.

День спустя Миронов выехал в Таллин, Луганов — в Воронеж.

Вдову профессора Навроцкого Луганов разыскал быстро. Ескоре Василию Николаевичу удалось с ней познакомиться. Навроцкая любила поговорить, вспомнить прошлое. В Луганове она нашла внимательного слушателя и готова была беседовать с ним без конца. Несколькими таких разговоров, и Василий Николаевич уже знал о судьбе родителей Ольги, о том, как Ольга росла и воспитывалась в семье Навроцких. Девочка (говорила Навроцкая) была хорошая, ласковая, но взбалмошная. Было ей лет пятнадцать-шестнадцать, когда она сдружилась с Сержем Марковским, в прошлом сыном крупного воронежского помещика, бежавшего в середине

двадцатых годов за границу. Марковский, который был значительно старше Ольги, пытался, как выяснилось, подбить кое-кого из знакомой молодежи на какие-то антисоветские штуки, а Ольгу намеревался еще и соблазнить, только не вышло. Провалились его грязные затеи. Случись как раз в это время приехать в Воронеж погостить Ольгиному брату, Жоржу. Он все и раскрыл: изругал Ольгу, а Марковский что-то, по-видимому, пронюхал и скрылся. С тех пор в Воронеже и духа его не было.

Немало рассказывала Навроцкая и о последующих годах Ольги, об ее учебе, уходе на фронт, возвращении после войны, но ничего особо нового, заслуживающего внимания в этих рассказах не было, если не считать вскользь брошенных Навроцкой слов о том, как в один из приездов Ольги, года этак два назад, Навроцкая незаметно положила ей в чемодан старинные украшения, оставшиеся еще от матери.

Луганов покопался в архивах Воронежского управления КГБ, выискивая сведения о Корнильевой, Марковском, но единственно, что ему удалось найти, это куцую справку, в которой упоминалась семья помещика Марковского, выехавшего в двадцатых годах за границу. Больше ничего. Закончив дела, Луганов уехал. Крайск встретил его неожиданностью, и весьма серьезной. Тем более серьезной, что Миронова на месте еще не было...

ГЛАВА 7

В то время как Луганов находился в Воронеже, Миронов в Таллине искал следы Корнильевой. Теперь, когда было выяснено, что ни в Куйбышеве, ни в Воронеже Корнильевой нет, а от версии с Кисловодском не осталось и следа, единственная из оставшихся в руках следствия нитей вела в Таллин, к Рыжикову.

Андрей отправился на тот завод, где работал Рыжиков и узнал, что инженер Рыжиков живет и работает в Таллине сравнительно давно, но ничем положительным себя не зарекомендовал. Скорее наоборот: Рыжиков был хитер, не очень добросовестен, в коллективе держался особняком, тяготел к «западному образу жизни». Но Андрея больше насторожило другое: никаких двоюродных сестер у Рыжикова не было. Следовательно, выдавая его за своего двоюродного брата, Корнильева лгала. Снова лгала...

Далее Миронов выяснил, что инженер Рыжиков никакой командировки в Крайск ни от кого не получал. Однако, проживая в крайской гостинице, Рыжиков предъявил командировочное удостоверение, выданное заводом. Следовательно, и тут что-то было не чисто.

Очень скоро выяснилось, что Рыжиков «свой человек» в компании «фарцовщиков», спекулирующих заграничными вещами, и что он торгует из-под полы дефицитными радиодетальями, которые, без сомнения, ворует на заводе. Для серьезной беседы материала было достаточно, и Миронов вызвал Рыжикова.

Едва тот вошел в кабинет, едва сел, как Миронов увидел, что Рыжиков трусит. Он не знал, куда девать свои руки...

Миронов встал, подошел к столу, на котором стоял графин с водой, наполнил стакан и протянул Рыжикову.

Тот взял стакан и залпом осушил его.

Помолчав с минуту, Миронов спросил:

— Ну как, успокоились? Начнем?

— Ч-что начнем?

— Как что? — удивился Миронов. — Рассказ о ваших похождениях. Что же еще?

— Каких похождениях?

— Знаете что, Рыжиков, — спокойно сказал Миронов, — зачем эта игра в прятки? Если вас затрудняет, с чего начать — я вам помогу. Можете начать хотя бы с того, где вы добывали дефицитные радиодетали, которые сбывали по дешевке своим приятелям...

— Я скажу, скажу все, — шмыгнув носом, заговорил Рыжиков. — Я, конечно, нехорошо поступал с этими деталями. Не надо было их брать. Но это был брак, понимаете, брак...

Торопясь и захлебываясь, выпив не один стакан воды, Рыжиков рассказал Миронову, как он несколько раз брал на заводе бракованные детали и сбывал их кое-кому из таллинских радиолюбителей. Поторговывая деталями, Рыжиков еще года полтора-два назад столкнулся с одним из «фарцовщиков». Тот делал «бизнес» на дамских нейлоновых кофточках, чулках, жевательной резинке и прочих вещах, которые по сходной цене выклянчивал у иностранных туристов, а затем сбывал втридорога всяким стилигам и модницам.

Этот «бизнесмен» предложил Рыжикову комбинацию с радиодеталями, сулившую немалый барыш, и в виде аванса уступил ему кое-что из своего «товара». По себестоимости...

— Вот, пожалуй, и все.

— Все? — тон, которым Миронов задал вопрос, не предвещал Рыжикову ничего хорошего. — Нет, не все. А про ваши дальние вояжи вы забыли?

— Дальние вояжи? — удивился Рыжиков. — Какие вояжи?

— Ну, хотя бы в Крайск. Туда вы зачем ездили? Надеюсь, вы не станете утверждать, что по делам службы.

Рыжиков начал медленно, густо, до самых корней волос краснеть.

— Нет, — пролепетал он, — в Крайск я ездил не по делам службы. Там... там... одна... женщина.

По словам Рыжикова, с Ольгой Николаевной Величко (он так ее назвал) они познакомились летом прошлого года в Кисловодске. Рыжиков вскоре после знакомства начал за ней ухаживать. Напропалую. Ольга Николаевна ухаживания принимала, но вела себя сдержанно.

Вернувшись в Таллин, Рыжиков постоянно думал об Ольге Николаевне. В конце концов он решил съездить в Крайск. Через знакомых «фарцовщиков» он приобрел несколько наи-

моднейших заграничных кофточек, кое-что из дамского белья, разные заграничные безделушки и отправился в путь не с пустыми руками. (Командировочное удостоверение раздобыл приятель из заводоуправления.) Однако и щедрые подарки ничуть не заинтересовали Ольгу Николаевну. Она попросту их не приняла. Все получилось очень глупо: он разлетелся к ней с подарками, а она выбрала, что ей понравилось, расплатилась, как с продавцом, и выставила его за дверь.

— Теперь, кажется, все, — закончил рассказ Рыжиков. — Вы... меня арестуете?

— Думаю, что нет. Зачем вас арестовывать? А вот на счет проделок с деталями, дружбы с «фарцовщиками» мы сообщим на завод. Там ваши товарищи и рассудят, как с вами быть.

Как только Рыжиков ушел, Андрей заказал по телефону Крайск. Он удивился, услышав в трубке голос Луганова.

— Василий Николаевич, ты? Когда вернулся из Воронежа? Как успехи? Как это ты оказался у аппарата?

— Что значит «оказался у аппарата»? Я же тебя вызываю. (Сами того не замечая, они перешли на «ты».) Ты когда намерен вернуться в Крайск?

— Ты меня вызывал? Ничего не понимаю. Это я звонил в Крайск. А в чем дело, что случилось?

— Беда, Андрей Иванович. Тяжело ранен Савельев... при смерти...

С первым же самолетом Миронов вылетел в Крайск.

Продолжение следует

НАУКА-
- ПОИСК

ШИФР ВРЕМЕНИ

«Археология — наука, в которой переплелись приключения и трудолюбие, романтические открытия и духовное самоотречение, наука, которая не ограничена ни рамками той или иной эпохи, ни рамками той или иной страны...»

К. Керам

Время говорит с исследователем на своем языке. Развалины древних городов Средней Азии и берестяные грамоты новгородцев, следы стоянок неолитического человека на Украине и бумеранги аборигенов Чукотки, поблекшая охра наскальных рисунков Каповой пещеры и бесчисленные надписи-графитты на стенах древнерусских соборов и церквей — все это страницы бесконечно разнообразной, каждый раз по-своему волнующей книги Времени. Она повествует о жизни народов, когда-то населявших территорию нашей страны. И на каждой странице этой книги исследователя ожидает то целая россыпь открытий, то встреча с редкой, а потому еще более дорогой находкой.

Нарядную мозаику и оружие, статуи и украшения, посуду и звонкие монеты открывает миру заступ археолога. А рядом с этими ценнейшими памятниками прошлого приходит к нам и та- кой, неприметный на первый взгляд, свидетель минувших дней, как кости. Кости животных, когда-то ставших добычей смелого охотника или прирученных нашими далекими предками.

«Могут ли кости ожить? Есть ли что-нибудь более мертвое, более немое и ничего не говорящее неопытному глазу, чем пожелтевшие обломки костей?..» — так когда-то писал Г. Уэллс. И действительно, трудно поверить, что стоит этим обломкам, пролежавшим в земле долгие тысячелетия, попасть на стол исследователя, как сразу же оживают картины давно прошедших времен...

— Лопатка свиньи, позвонки коровы, плюсна овцы, фаланга кулана... — доктор биологических наук, профессор В. И. Цалкин ведет предварительную систематизацию материала, обнаруженного одной из среднеазиатских экспедиций при раскопках поселения Хапус-депе в Теджен-Мургабском междуречье. Точными движениями рука ученого извлекает серовато-желтые образцы из коробки с ярлыком экспедиции и уверенно сортирует их по группам.

Будничный день исследователя-остеолога... Строгий анализ, придирчивое сопоставление и осмысливание фактов, неизбежные экскурсы в область смежных наук заполняют этот день. И... образцы, образцы, образцы — со всех концов страны стекаются они в лабораторию камеральных изысканий Института археологии АН СССР. Здесь под оценивающим взглядом ученого кости начинают «говорить». Они рассказывают о быте и жизненном укладе племен, никогда не знавших письменности, о фактах миграций древних народов и трагедиях вымирания целых пород и видов животных, воссоздают картины исчезнувших ландшафтов страны и повествуют о богатстве ее фауны. И панорама далеких времен встает перед нашими глазами...

Два тысячелетия назад на территории нынешнего Симферополя стояла столица крымских скифов — Неаполь Скифский. О роскоши и красоте этого города долго ходили по свету легенды. Но лишь сравнительно недавно археологам удалось вновь открыть людям культурное богатство древнего народа — великолепный мавзолей скифских царей, изумительные саркофаги, изящные фрески. А вместе с этими блистательными памятниками старины в поле зрения исследователей попали и неизменные спутники древнего человека — кости животных. Они-то и поведали много интересного о природе Крыма — современника скифских племен.

Оказалось что древний Крым был совсем не похож на тот степной бедный лесом край, каким мы его видим сегодня. Находки костей оленей, диких кабанов и медведей говорили о том, что когда-то эти звери в изобилии водились в зеленых чащах, покрывавших склоны гор. А ведь лесистыми были не только горы — на берегу сегодняшней скучной мелководной симферопольской речушки Салгир были обнаружены кости бобра. Так ожили леса, окаймлявшие берега древних рек, те самые, сквозь чащу которых десять столетий назад с трудом пробиралась рать Владимира Мономаха...

В Москве прокладывают новую магистраль — Ленинский проспект. Строители, как это часто бывает, неожиданно натапливаются на следы древнего поселения в районе Донецкого монастыря. Снова тщательные раскопки, и снова перед учеными следы двухтысячелетней давности. Теперь они рассказывают о природе центрального района России. Когда-то здесь было настоящее охотничье Эльдorado — в таежных лесах водились северный олень и медведь, косуля и дикий кабан, куница и барсук, лось и лисица, заяц, белка, бобр. Они давали человеку кожу, мех, мясо, жир для светильников. И тем не менее уже не могли удовлетворить всех его потребностей — в раскопках этого памятника, относящегося к Дьяковской культуре, преобладают кости домашних животных. Впрочем, домашних ли?..

Из тех вопросов, которые возникают перед остеологом при знакомстве с новыми образцами, этот — один из труднейших. Не так-то просто определить, было ли изучаемое животное диким или человек уже приручил и стал держать его «на черный день» в первом примитивном загоне. Здесь уже мало в совершенстве знать анатомию десятков и сотен представителей древнего животного мира, мало уметь оценить дистанцию, отделя-

ющую нас от тех далеких дней. Лишь едва заметные штрихи подчас отмечают момент вступления человека на путь скотовода. И только его неопытность на новом поприще помогает ученым установить истину.

Свои первые загоны для скота человек старался сооружать вблизи от жилищ — так легче было охранять их от набегов хищников. Но, сделав это, он забыл, что его пленники привыкли к вольной жизни, к обильным пастбищам и сочной траве. Лишенные этих привычных благ, животные начинали мельчать. И эта особенность ранней стадии скотоводства сегодня помогает исследователям судить о том, с домашним или диким представителем фауны они имеют дело.

Правда, чем ближе ученые подходят к самому моменту зарождения профессии скотовода, тем менее отчетливыми становятся следы обмеления — неволя и скудный корм еще не успели сказать свое слово. Что же здесь помогает исследователям установить истину?

— Пожалуй, только опыт и в какой-то мере интуиция, — отвечает профессор Цалкин.

Опыт, интуиция и... поистине энциклопедические знания. Профессор Цалкин может безошибочно определить, какому животному принадлежала та или иная кость, по едва заметным ее особенностям может установить возраст ее «владельца» — шесть месяцев или три года прожил он на свете. Но этого мало — сплошь и рядом от ученого требуется умение взглянуть на один и тот же факт с разных сторон, и тут важна эрудиция, помогающая окинуть единым взглядом всю панораму изучаемой эпохи. В трудные часы обобщения полученных результатов, в часы рождения интересных и смелых выводов остеологу не обойтись без глубокого знания истории, археологии, палеонтологии и этнографии, географии и экономики, без неистощимого запаса трудолюбия и... осторожности.

Да, осторожность — далеко не последнее качество из числа обязательных для исследователя-археолога. Иногда кажется, что факты говорят сами за себя, и бывает очень трудно отказаться от поспешных выводов.

Трудно, но необходимо. Взять хотя бы неожиданные результаты раскопок древних русских замков в Любече и Гродно. Археологи находят тут только кости диких животных. И это — когда речь идет о средневековых. Не могли же населять в это время русскую окраину охотничьи племена?!

Пришлось ученым искать иное объяснение неожиданным находкам. По-видимому, замок в Любече был владением феодала — страстного охотника. А в древнем Гродно — этой приграничной крепости — гарнизон не мог заниматься сельским хозяйством и вынужден был добывать себе пропитание тоже охотой...

Обширные знания, опыт, терпение и трудолюбие помогают остеологу узнать и такие факты истории, о которых не могут повествовать ни полуистлевшие свитки, ни старинные летописи, ни глиняные таблички древнейших библиотек. Подчас не изъеденный временем топор или наконечники стрел, а именно кости такого невзрачного животного, как свинья, говорят исследователям о природе,

окружавшей наших предков, об их образе жизни, о важных моментах в истории племен...

Кости свиней встречаются почти во всех раскопках памятников Дьяковской культуры на территории Москвы и прилегающих к ней областей. Невольно возникает вопрос: почему здесь отдавали предпочтение именно свиноводству? Может быть, этому способствовали какие-либо особые условия?

Но вот археологи устанавливают, что дома и ограждения древнерусских городищ строились преимущественно из дуба. Говорит ли этот факт что-нибудь? Сам по себе — нет. На строительные нужды человеку требовалось сравнительно мало деревьев, и он мог их выбрать в смешанном лесу. Но если сопоставить все это с обилием остатков свиней, то вывод напрашивается только один — когда-то эту территорию покрывали обширные дубравы. Ну, а где есть дубовый лес, там обилие желудей, которыми легко прокормить свиней.

— А вот еще одна деталь истории, которую помогли уточнить останки этого животного, — рассказывает Вениамин Иосифович. — Однажды мне прислали ящик образцов, найденных при раскопках Царева кургана в Западном Казахстане. Сразу же бросилось в глаза, что в этом памятнике оседлой Андроновской культуры, относящейся примерно к концу II тысячелетия до нашей эры, довольно много останков верблюда, вола, овцы. И почти нет ранее встречавшихся костей свиньи. В чем дело? Этот факт мог говорить лишь об одном — в те времена здешние племена постепенно начинали переходить от оседлого образа жизни к кочевому. И их уже не устраивал столь малотранспортальный скот, как свиньи. Этот вывод подтверждается и другими находками — проследив историю этих племен, мы их видим через несколько столетий уже типично кочевыми...

И снова яркая страничка истории. Снова Средняя Азия — идут раскопки древнейших памятников Хорезма. По мере того как заступы археологов все глубже уходят в землю, в обратном порядке оживает история древнего государства — Хивинское ханство, власть Шейбани-хана, Тимур и перед ним — нашествие орд Чингисхана, феодальная династия Великих Хорезмшахов... Среди ценнейших памятников прошлого ученые находят и следы животноводства — останки лошадей, крупного рогатого скота, свиньи.

Исследователи тщательно сортируют находки по годам и неожиданно обнаруживают интересную деталь — в определенный момент истории свинья исчезает из обихода древнего народа. Дата? Примерно восьмой век нашей эры. Исследователь не может пройти мимо такого факта. Восьмой век — это усиление арабского влияния на Востоке. Арабы исповедуют ислам, запрещающий употреблять свинину в пищу. И если свинья исчезла из обихода местного населения, то это можно объяснить тем, что в этот период арабы покорили Хорезм...

В популярных романах, повествующих о жизни первобытного человека, первые его попытки приручить диких животных выглядят весьма просто — изголодавшаяся дикая собака заглянула к человеку «на огонек», тот щедрой рукой бросил ей кость, и нерушимый союз был заключен. Но на самом деле в процессе постепенного одомашнивания диких животных, в истории зарожде-

ния и становления профессии скотовода еще много неясного и неизвестного. А ведь скотоводство — одна из наиболее характерных черт древнего уклада жизни. И проследить пути его развития — значит расширить, конкретизировать наши знания о том, как формировались экономика и социальные законы давних общественных группировок человека.

Несколько лет работала в Молдавии экспедиция Института археологии АН СССР. В раскопках старейших в нашей стране неолитических поселений были обнаружены кости многих диких животных — оленя, кабана, косули, бобра и кулана. Но вместе с ними то и дело попадались останки домашней свиньи, лошади, собаки, крупного рогатого скота. Так были найдены следы самого раннего на территории нашей страны животноводства, относящиеся к концу V — началу IV тысячелетия до нашей эры. Более шести тысячелетий существует на нашей земле древняя профессия скотовода. И ее история встает перед остеологами в самых неожиданных аспектах.

Древний Новгород, Псков, Рязань, Киев... Корова, которую разводили здесь во времена славян, была ростом около метра, в холке — чуть больше нашей крупной собаки. Долгие столетия понадобились человеку, прежде чем тщательный отбор дал ему породы скота, похожие на современные. И, как зашифрованная летопись, повествуют об этом пути кости животных.

Опытный глаз остеолога почти без труда различает особенности останков коровы, быка или вола, с точностью до нескольких месяцев определяет возраст животного. А затем, вооружившись первичными фактами, ученый пытается проникнуть в особенности хозяйственного уклада изучаемого народа. Вот кости, свидетельствующие об одной из разных стадий скотоводства, — они принадлежат преимущественно молодым животным. Вывод — скот в основном идет на мясо. Найденные останки становятся все крупнее, увеличивается и возраст их «владельцев» — и ученому ясно: человек начал использовать рогатый скот как тяговую силу. А когда исследователи замечают, что в раскопках начинают доминировать кости волов, они могут с уверенностью сказать, что человек начал искусственно совершенствовать тяговые и транспортные средства. Вол — сильное и спокойное животное — очень подходит на роль «двигателя»...

Примерно о такой же истории развития повествуют остеологам и кости лошади. Дьяковской культуре сопутствуют кости маленьких лошадей, рост которых не превышал 130 сантиметров. Эти животные не годились ни для верховой езды, ни для работы в поле. Остеологи утверждают, что конина в те времена была одним из основных мясных продуктов питания.

Проходит время. Сравнение ранних памятников Дьяковской культуры и образов, относящихся к более позднему периоду, показывает большие перемены в хозяйственном укладе Московской Руси. Все меньше лошадиных останков находят ученые, а те кости, что им попадаются, выглядят заметно крупнее. Что произошло? Очевидно, человек перестает употреблять мясо лошади в пищу, начинает тщательно отбирать наиболее крупные и выносливые экземпляры.

— С историей коневодства на Руси связана и еще одна ар-

хеологическая находка, — рассказывает В. И. Цалкин. — В последние годы экспедиция профессора Руденко занималась раскопками скифских курганов на Алтае. Это небольшие погребенья, относящиеся примерно к первому тысячелетию нашей эры. В них похоронены представители местной родовой знати и простые скифы. Погребенья были сделаны в слое вечной мерзлоты. И в этом природном холодильнике прекрасно сохранились тела погребенных, дорогие ковры, ткани. Здесь же обнаружили и кости лошадей. В бедных погребеньях это были грубые маленькие животные. И совершенно неожиданно в могилах вождей глазам археологов открылись останки восточных скакунов, красавцев необычайной изысканных пропорций.

Следы точно такой же породы лошадей обнаружили археологи и в крымских погребеньях. И тут же возник вопрос: как могла попасть эта лошадь, родиной которой были, очевидно, Иран, Афганистан или одно из государств, располагавшихся на территории нашей Туркмении, как могла она попасть в Крым или на Алтай? Видимо, уже в те далекие времена между народами, жившими в разных концах материка, существовали торговые связи...

Торговые связи, экономика, хозяйственный уклад и природные условия — все эти картины давно прошедших времен оживают под пристальным взглядом исследователя. Многочисленные экспедиции института доставляют массу материалов, требующих тщательного лабораторного анализа, сопоставлений и обобщений.

Конечно, далеко не всякая посылка несет новое открытие. Вот и сегодняшняя, пришедшая из Теджен-Мургабского междуречья, видимо, не принесла неожиданностей. Ничего особенного — кости кулана, коз, коров, верблюдов и овец. Проанализировав образцы, ученый определяет: больше всего встретилось костей овец. И это понятно: в Средней Азии овце издавна отдавали предпочтение — ее можно было легко прокормить на открытых пастбищах в течение круглого года.

Подвергаются анализу останки верблюдов, кулана, свиней. Затем подводятся итоги. Хапус-депе — поселение людей, занимающихся земледелием и животноводством, главным образом овцеводством. Охота имела небольшое значение в хозяйстве, встретились кости только одного дикого животного — кулана.

Теперь эти данные будут подробно занесены на специальную карточку и... на очереди следующая посылка.

Так проходят будни остеолога. И, наблюдая за его работой, невольно вспоминаешь слова Герберта Уэллса: «Способность восстанавливать прошлое — одна из самых удивительных особенностей человеческого мозга. Интерес, с которым человечество следит за учеными, нащупывающими древние следы, похож на интерес человека, переворачивающего пожелтевшие страницы давно забытого дневника или записной книжки своей юности. Его юность оживает вновь, его вновь тревожат забытые волнения...» Казалось бы, тысячелетия отделяют нас от юности человечества и ничто уже не может возродить ее забытые приметы. А между тем это далеко не так — археологи всех специальностей воссоздают одну картину прошлых времен за другой.

«Быстрый, как тур», «сильный, как тур», «злой, как тур» — какими только эпитетами не награждали древние сказания

могучее животное, некогда населявшее всю европейскую часть страны. Его контуры вырисовывали на рыцарских щитах и гербах, его рога украшали стены замков, свидетельствуя о мужестве хозяев, на него устраивали шумные охоты и как деликатес подавали его мясо на пирах.

Шли годы, и человек начал строить загоны, отлавливать и одомашнивать этого могучего зверя. В неволе животное мельчало, и к средним векам двухметровый гигант превратился в небольшую европейскую корову, ростом в холке не больше метра.

Не дожили до наших дней и дикие потомки этого «былинного зверя» — последний экземпляр первобытного быка был убит в 1627 году под Варшавой. Но история туров на этом не окончилась. По находкам костей, как по открытой книге, остеологи шаг за шагом проследили весь путь эволюции могучего животного. Их работа стала своего рода «маршрутной картой», пользуясь которой животноводы-селекционеры решили повернуть историю вспять.

Группа зарубежных учёных сделала попытку путем направленного отбора возродить замечательное животное. Скрещивая различные породы крупного рогатого скота, настойчиво подбирая признаки, наиболее характерные для туров, они в конце концов добились успеха. Выведенные ими новые породы животных внешне полностью походили на своего дикого предка. И эта работа, начало которой положило исследование «немых костей», стала не только большой сенсацией в мире науки, но и прекрасным примером новых методов выведения ценных пород скота...

Ничто не хранит тайны столь надежно, как время. Но человек сильнее его. Упорно познает он общие законы жизни, на тысячелетия углубляясь в свое прошлое. И то, что открывает ему история, он заставляет служить своим дням. А это значит — служить и будущему...

ПОДВОДНЫЙ бык

Маленький рассказ

Первой моей мыслью было: «Наверняка схвачу на-сморг».

Лодка, уменьшаясь на глазах, уносилась к темному отвесному лбу скалы. В лодке маленькие фигурки махали руками и, наверно, кричали мне что-то. Но ко мне все это имело уже самое отдаленное отношение.

Если бы я знала... Ну, так всегда говорится; если бы я знала... Тогда бы я, конечно, крепче держалась за лодку, а вернее всего, не полезла бы в воду, когда лодка застряла на очередном перекате. В конце концов Андрей даже крикнул мне, и, как всегда, не очень вежливо: «Куда полезла! Планшет промочишь!» Но тогда меня его окрик только разозлил. Ну, если бы он сказал, например, утонешь или простудишься, в общем если бы в его голосе прозвучало бы хоть какое-нибудь человеческое отношение ко мне. А то ведь единственное, о чем он беспокоился, — планшет.

В той же лодке у меня была масса возможностей промочить планшет и погубить наши драгоценные кроки. По дну переливалась вода, и мне порой казалось, что жестянка изпод тушенки приросла к моей руке. Зачерпываю, поднимаю, выливаю за борт. Зачерпываю, поднимаю, выливаю, зачерпываю, зачерпываю...

Грести мне мужчины не давали. И понятно. У лодки два весла — по веслу на человека. Ну, а с кем в паре посадишь меня? Еще поднять весло я могла, уронить в воду — тем более. А вот грести, хотя бы как Андрей (вот уж кого богатырем не назовешь), хоть умри, не получится. Так и получилось, что на веслах менялись две пары. Сначала Ким с Андреем, потом Седов и Руслан. Иван Никитич бессменно сидел за рулевым веслом. Он знал все перекаты, и, не будь его, мы бы давно засели намертво, если бы, конечно,

раньше не стукнулись как следует об один из камней, все время выскакивающих из воды, словно рога очень злого и коварного подводного быка. Того громадного быка из сказки, который потонул здесь в незапамятные времена и с тех пор охраняет реку.

Как видите, роли были распределены так, что мне не оставалось ничего иного, как черпать холодную воду и беречь под ватником планшет с кроками.

На каждом перекате мужчины выскакивали в реку, ставили лодку с гальки, впрыгивали в нее, как только чувствовали, что дальше она пойдет своим ходом, и с удовольствием крыли реку на чем свет стоит. Но не последними словами. Оберегали мои чувства. Я не могу сказать, что у меня были какие-нибудь претензии к ним. Мы вместе работали, и коли я «полезла» в эту экспедицию, то, естественно, не для того, чтобы пользоваться преимуществами слабого пола. Но, понимаете, в жизни, даже в самой тяжелой и трудной, не перестают действовать законы человеческого общества. И вот по ним, по этим законам, я в несколько большей степени, чем, например, Руслан или тот же Андрей, имею право на внимание. Как-то это трудно объяснить. Сначала я говорю о том, что преимуществ не хотела и ими не пользовалась, а потом сворачиваю к тому, что все-таки на что-то такое неуловимое рассчитывала. Ну, вот такой случай: Мазепский перевал (название как раз для него подходящее), и было всем не очень легко. Утром я обнаружила, что мой рюкзак стал значительно легче. Я устроила допрос с пристрастием, в ходе которого оказалось, что банки со сгущенкой добровольно перекочевали в рюкзак к Киму. Ну, Киму пришлось расстаться с лишним весом, и банки я тащила дальше сама. Но не в этом дело. Киму (он об этом не знает) я осталась благодарна. Может, потому, что на это не рассчитывала, а может, и, наоборот, потому, что знала, что каждый в экспедиции мог такое сделать. Кроме, конечно, Андрея. Бывают же такие хладнокровные ребята, с детства надевшие на себя тогу будущей учености и совершенно не замечающие окружающих. Я бы его не назвала сухарем — а вот чего-то очень важного, именно в отношении к людям, в нем не хватает. Он бы лишний вес, если к тому нет экспедиционной необходимости, не потянул бы. И когда я в воду прыгнула, он подумал вовсе не обо мне, а о кроках. Как будто я не понимаю их важности.

Нет, прыгать в воду мне не следовало. Но на том перекате лодка села так основательно и галька ясно виднелась на дне так близко от поверхности, что я тоже покинула лодку. Никто ничего не сказал. Только Андрей крикнул: «Куда лезешь! Планшет промочишь!» Он опоздал, я уже стояла в воде рядом с ним.

Мы толкали эту деревянную «бандуру», наверно, полчаса. Может, и только пять минут — это не так важно. Я уже жалела, что не осталась в относительной сухости нашего корабля, ибо пользы от меня было немного. Хотя все-таки какая-то была. Вес лодки, минус мой вес — уже плюс. Лодку я толкаю? Толкаю. Значит, второй плюс.

А учтите, если мы через неделю не доберемся до Кочерыги, то ударят морозы и в низовьях река встанет. А это уже совсем неприятно.

Впереди, за перекастом, река ударялась с размаху о высокую стену с обтрепанными лиственницами наверху и круто поворачивала влево. Там, перед поворотом, поверхность реки была обманчиво гладкой и темной. Я знала, что это обычная ложь подводного быка.

И надо же было так случиться, что я, толкая лодку с кормы, замешкалась на несколько долей секунды. Вот уже и Руслан в лодке, прыгает Андрей. Седов... Иван Никитич поворачивает весло, видит, что я еще стою на гальке, и кричит мне страшным голосом:

— Скорей!

Ким пытается выпрыгнуть обратно. Иван удерживает его, хватая за рукав ватника... Еще какие-то лица, руки... Мгновение я бегу рядом с лодкой, но поскользываюсь, чуть не обрываюсь в начинающуюся глубину, еле успеваю удержаться и инстинктивно делаю несколько шагов назад. Вода тащит меня к темному омуту, как будто на ноги мне накинуты веревки... Какая нелепость! До чего неудобно получилось!

Лодка чуть не налетает на скалу, но Руслан наваливается на весло. Лодка исчезает за поворотом. Это последнее, что я вижу, и крики с лодки уже не долетают до меня, только шум воды.

Я одна. Совсем одна, по колено в очень-очень холодной воде. Река в этом месте широка, метров сто. Надо выбирать-ся к берегу.

Как только я делаю первый шаг, понимаю, что ноги уже замерзли. Сапоги я скинула в лодке. Галька неприятно колет подошвы, хочется подобрать под себя ноги. Я даже улыбаюсь такой глупой мысли.

Да, крохи не намокли. Нет, они надежно спрятаны под ватником. Я осторожно делаю несколько шагов к правому, ближнему от меня берегу. Большой кедр навис над ним и виден мне так хорошо, что, кажется, различаю каждую чешуйку синеватых шишек. На камне сидит бурундук и внимательно смотрит на меня. Должно быть, вид у меня нелепый. Бурундуку не понять, как могла оказаться эта девушка посреди холодной речки. Может, он думает, что я ловлю рыбу? Бурундук исчезает.

Галька как-то сразу пошла вниз, и я ухнула в воду почти по пояс. Меня совсем не устраивала перспектива попасть в холодную глубину у скалы. Во-первых, должна признать-ся, что я — никуда негодный пловец. А во-вторых, планшет. Утопить его совершенно непростительно.

Я иду вверх по течению, наступая онемевшими пятками на колючие, как осколки стекла, камушки. Стоит оторвать пятку ото дна, как ногу несет вниз. Где же наши? Сейчас они уже пристали к берегу и поднимаются ко мне. Но как далеко их унесло — неизвестно.

Что ж, попробуем пробраться к другому берегу. Я погружаюсь по пояс, перебираюсь через предательские глубины и

застреваю окончательно метрах в пятнадцати от прибрежных камней. Холод подкрадывается уже к самому сердцу. Насморком не отделаешься. Чего же они медлят? Может, решили, что я уже на берегу, и сами ждут, когда я к ним пожалую? Нет, на ребят это не похоже. Вот только не дождусь я их, смоеет в глубину. И мне становится себя жалко.

Берег совсем близко, и глубина не такая, чтобы утонуть, но я знаю, что течение обязательно снесет меня. Если бы еще вода была потеплее...

И в этот момент я их увидела. Ким с Андреем спускались к дальнему берегу, перепрыгивая через поваленные деревья и скользя по покрытым предательским слоем мха камням. Они тоже меня увидели. И, наверно, моя фигурка, потерявшаяся среди серой воды, была достаточно патетична, так как они еще на ходу, издали, стали кричать мне: «ржииинсь!.. оо-го!»

Я рассудила, что эти крики значат приблизительно: «Продержись еще немного!» — и не могла не улыбнуться. Теперь-то я обязательно продержусь, если только не отломятся ноги. Под водой они казались мне синими. Может, и на самом деле так?

Ребята были уже у самой воды. Андрей, спеша, разматывал веревку. Ким крепил конец ее к кедру.

— Держись, держись... — повторял растерянно Ким. У него был такой вид, будто он и не рассчитывал увидеть меня живой.

— Ничего страшного, Кимуля, — сказала я и обнаружила, что от голоса моего остались рожки да ножки. Но Ким услышал.

Андрей не смотрел в мою сторону. Он сидел на камне и быстро разувался. Набухшие шнурки на его солдатских башмаках не поддавались. Он рванул на себя шнурок, как тетиву. Ким помогал ему обвязаться веревкой, а Андрей уже скакал в воде, топчя тонкие стрелки дикого лука. Андрей был длинноног, худ и выглядел не по-геройски. Во мне проснулось угасшее было от холода и залитое водой чувство юмора. Я не к месту захихикала, а испуганный и серьезный Ким на всякий случай крикнул с берега:

— Ничего, ничего, он сейчас...

Андрей уже не бежал, а осторожно переступал по уходящей вглубь гальке, нащупывая подошвами дно. Я к тому времени перебралась обратно на свою косу, на место своего первоначального плена, и нас разделяли всего метров двадцать.

Андрей с каждым шагом погружался все глубже. Я уже не надеялась, что ему удастся добраться до меня вброд.

Я сделала шаг навстречу ему, и в тот момент какое-то седьмое чувство, чувство опасности, заставило меня взглянуть на берег. И я увидела то, чего никто из ребят не видел.

Сук, за который привязали ребята веревку, был крепким и толстым. Я помню, что Ким даже повис на нем на руках, чтобы проверить прочность. Сук держался.

А тут, как во сне, я видела, что сук начинает отделяться от ствола, поддаваться рывкам уже вытравленной веревки.

Ким, который смотрел не назад, а следил за Андреем, чувствуя, что веревка на исходе, сделал несколько шагов вниз по берегу. Веревка снова натянулась. Андрей чуть не потерял равновесие.

Нет, она была не короткой. Ее бы хватило, если бы Андрея не снесло так далеко вниз. Ведь теперь он был совсем рядом со мной, у мели, а Ким и кедр остались метрах в пятидесяти выше.

Еще рывок. Андрей начинает подгрести руками, чтобы выйти на косу повыше. Он с трудом удерживает равновесие.

— Осторожней! — кричу я. И голос срывается. — Сук!

А все дальнейшее занимает какую-то долю секунды.

Сук обламывается, описывает в воздухе странную дугу, задевает Кима и пытается улететь в реку. Ким, не выпуская веревки, падает на живот и едет по гальке, влекомый сразу и силой течения и весом Андрея. Андрей теряет равновесие, оступает и в каких-то трех шагах от меня исчезает на мгновение под водой. Сейчас его подхватит и унесет к скале, на рога подводному быку.

Я, как была в ватнике, с бесценными кроками за пазухой, оттолкнувшись онемевшими ногами, делаю несколько прыжков по ускользающему дну и ухаю в гудящий поток, такой холодный, что у меня словно останавливается сердце.

Я успеваю схватить за рукав бултыхающегося в потоке Андрея.

У меня было так мало шансов помочь Андрею и так много помешать ему.

Но обо всем этом я подумала уже на берегу. И мне стало вдруг так страшно, когда я обернулась и взглянула на место моего плена, что упала в обморок.

А если кто кого и спас, так это Ким. Когда я схватила Андрея и на секунду приостановила его движение к омуту, Ким успел, не выпуская веревки, схватиться за камень. Нейлон веревки выдержал, хотя Ким до сих пор ходит с завязанными руками и ладони у него болят так, что после смены за веслами на него смотреть жалко.

Кроки все-таки промокли. Сидим и сушим их у костра. Ужасно неловко перед Седовым, который доверил мне экспедиционное добро.

Когда я раскладывала на камушки мокрые листы, то, честно говоря, я знала, что никто ничего мне не скажет. Кроме Андрея. Он может. Но я на него заранее не злилась. Я сама во всем виновата, из-за меня он чуть не отправился на тот свет. Но Андрей молчал.

А потом Седов достал медспирт и налил нам с Андреем по полстакана. Когда я пила эту страшную гадость, то подняла глаза и встретилась с глазами Андрея. А тот смотрел на меня и улыбался.

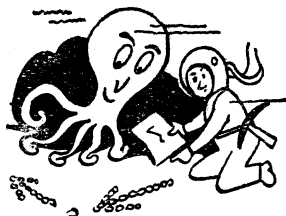

О

кладонскателях

и

кладах

Известно множество историй о кладонскателях и кладах, в разные времена найденных на земле. Это и любопытные факты и легенды, где, конечно, не обходится без «нечистой силы»: слово «клад» издавна связывалось со словом «тайна»...

Иван Грозный в тайнике Софийского собора в Новгороде отыскал «казну древнюю сокровенную», гетман Иван Выговский откопал казну Богдана Хмельницкого, а Мазепа нашел сокровища, захороненные Самойловичем. Это факты, засвидетельствованные историей.

Кладонскательство в Испании, Англии, Италии становилось иногда профессией. На острова Средиземного моря и Тихого океана особенно часто отправлялись специально снаряженные корабли. На Принцевых островах последний по времени находки здесь старинный клад золотых монет был обнаружен в 1930 году.

В 1952 году в США «Поисковой ассоциацией» был издан «Атлас сокровищ», составленный неким Гофманом. Перелистывая этот атлас, всего за десять долларов можно было стать «обладателем тайны» чуть ли не любого клада на выбор. На карты атласа было нанесено 3047 пунктов, где затонули суда с золотом и серебром, и места, в которых якобы спрятаны пиратские сокровища...

У нас в стране не авантюристы, а ученые интересуются старинными кладами. Одна монета может рассказать много интересного и археологам,

и искусствоведам, и историкам. Зная местность, где найден клад, можно узнать новое о давних войнах и походах на этой территории, уточнить пролежавшие здесь торговые пути, по отношению веса металла к достоинству знака и по времени чеканки — судить об экономическом и правовом положении государства, по рельефу, отделке и изображениям на монетах — об уровне культуры и искусства. Металлическая монета сохраняется хорошо, и часто именно по ней можно определить, например, даты исторических событий.

Изучением древних монет занимается наука нумизматика. Нумизмату они интересны прежде всего своей исторической ценностью.

Вскоре после Октябрьской революции в Ленинграде при Государственной академии истории материальной культуры была создана комиссия нумизматики и глинттики. Комиссия тщательно разыскивала и регистрировала находки отдель-

ных монет и кладов. Видные русские нумизматы А. Ильин, Н. Бауэр, П. Савельев взялись за составление сводок монет, найденных на территории нашей страны. Они упорно разыскивали клады. И прежде всего, роясь... в старых архивах. Ученые объезжали музеи и, узнав о коллекции, надолго оставались в каком-нибудь городе. Нужно было определить и взвесить все монеты клада, некоторые сфотографировать или сделать с них слепки, составить подробную опись.

Иногда ученым приходилось снова разыскивать уже однажды найденный клад. В тридцатых годах недалеко от Курска деревенские мальчишки, играя в высохшем русле реки, нашли золотую цепь и гривну. Потом крестьяне окрестных деревень нашли серебряный кувшин. Кувшин, когда его откопали, оказался очень тяжелым. Оторвав закрывавшую горлышко пластинку, его перевернули, ожидая, что посыплются монеты, но на землю вылилась темно-красная жидкость с резким винным запахом. Вино было выдержанным — кувшин пролежал в земле почти пятнадцать веков.

Драгоценные предметы из этого клада разошлись по рукам. Серебряный филар — нагрудный знак вождя — долгое время служил крышкой самовара, золотые браслеты нашедший их крестьянин продал в Курске человеку, торговавшему квасом, а на вырученные деньги купил корову. Серебряный кувшин едва не был продан — в хате, где он стоял, прохудилась крыша, и нужны были деньги, чтобы ее перекрыть. Командированным к месту находок сотрудникам Оружейной палаты П. Н. Померанцеву и Р. Я. Мишукову пришлось разыскивать клад снова. И это им удалось. В государственный музей были возвращены цепь и гривна, филар, браслеты и кувшин, который ученые относят к 400 году. Все эти вещи теперь хранятся в Оружейной палате.

Такова история суджинского клада. Таких историй можно было

бы рассказать много. В 1951 году в Вологде рабочие в стене каменного подвала обнаружили клад золотых русских монет XVII века.

Древние монеты были найдены во время строительства Днепротэса, на осушенной части дна великой реки. Эти монеты ученые считают подношением, принесенным свирепым божествам у днепровских порогов. Немало нового узнали историки и при изучении клада русских копеечек XVI—XVII веков, зарытого в дни юности Петра I и обнаруженного в 1954 году в стене подвала при реконструкции ресторана «Прага» на Арбате в Москве.

В тайнике на хорах церкви Киево-Печерской лавры случайно был обнаружен огромный клад времен Петра I, спрятанное от царя церковное имущество. Тайну клада хранили два монаха, не открывшие ее даже на предсмертной исповеди.

Клады по-прежнему связаны с «тайной» — но конкретного исторического события. Ведь зарыть свое имущество считалось лучшим способом сохранить его во время войн, стихийных бедствий и т. д. Вот почему найденный клад есть прежде всего свидетель истории.

Найденный клад — это достояние государства. Существует закон, подтверждающий это право.

Необходимо бережное отношение ко всему, что входит в клад. Случается, что, когда клад обнаружен, глиняные кувшины, горшки, кубышки, сундук и бочонки — то, в чем были спрятаны драгоценные предметы, разбивают или выбрасывают. А ведь порой только с их помощью можно уточнить многие ценные для науки сведения.

Вот уже десять лет, как я работаю над книгами о людях нашей милиции. На этом материале можно написать и социальный, психологический роман, и бытовую повесть, и даже историческую, ибо история нашей милиции богата интереснейшими событиями. Я пишу повести приключенческие, детективные, пишу потому, что люблю этот жанр с его острым, напряженным сюжетом, люблю ставить своих героев в опасные, сложные положения, сталкивать в прямой схватке с врагом.

По моему глубокому убеждению, этот жанр таит в себе огромные возможности воспитательного воздействия на юного читателя. И если книга такая написана добросовестно, если приключенческая, детективная форма ее используется автором не как самоцель, не для пустого развлечения, а для того, чтобы помочь читателю разобраться в важных и острых проблемах нашей жизни, помочь ему стать активным и мужественным бойцом за интересы народа, за дело нашей партии, — такая книга очень нужна.

Трудная, часто опасная и самоотверженная работа нашей милиции позволяет написать такую книгу. Эта работа столь многогранна, охватывает такие важные области нашей жизни, сталкивает с такими острыми конфликтами, такими сложными характерами и трудными судьбами, что это, на мой взгляд, не может не увлечь писателя, не может оставить равнодушным и читателя.

В последней своей повести «След лисицы», с несколькими главами из которой познакомится читатель, я снова возвращаюсь к моим любимым героям, работникам уголовного розыска.

A large, stylized handwritten signature in black ink, likely belonging to the author of the text. The signature is written in a cursive style with long, sweeping strokes.

Писатель Аркадий Адамов заканчивает работу над новой приключенческой повестью «След лисицы». В ней рассказывается о благородной, трудной и подчас опасной работе нашей милиции. Автор показывает сложные пути предупреждения и раскрытия преступлений.

Сотрудники уголовного розыска майор Цветков, два его молодых помощника, Виталий Лосев и Игорь Откаленко, попали на след опасного преступника по кличке Косой. Им помог в этом Василий Кротов, в прошлом хулиганистый парень, подлинным другом которого стал потом Виталий Лосев. И ему, Лосеву, сообщил Вася, что, совершив ограбление ателье, Косой уехал в город Снежинск и велел, чтобы похищенные вещи привез ему некий Олег Полуянов, мелкий спекулянт, которого сам Косой знал только со слов Василия.

АРКАДИЙ АДАМОВ

С Л Е Д ЛИСИЦЫ

Приключенческая повесть

В СНЕЖИНСКЕ

...Утром Виталий Лосев еще с порога возбужденно сообщил:

— Федор Кузьмич, кражу из ателье считайте раскрытой.

Цветков вопросительно взглянул на него.

— Кражу из ателье совершил некий Косой, — с ноткой торжества продолжал Виталий. — Но он сразу махнул из Москвы. И тут есть идея, Федор Кузьмич.

— Сначала давай про кражу. А потом идеи.

— Пожалуйста. Насчет кражи я узнал от Васьки...

Виталий говорил торопливо, волнуясь и поминутно щелкая зажигалкой: папираса в зубах все время гасла.

— ...Косой велел привезти чемоданы Ваське. Тот отказался.

Привел веские доводы. И тогда Косой... — Виталий сделал небольшую паузу, — велел, чтобы привез чемоданы Олег, которого он в глаза не видел. Вы понимаете?

— И дал явку? — настороженно спросил Откаленко. Голубые глаза его сузились, выдвинулся вперед тяжелый подбородок. Он взволнованно провел рукой по черному ежику волос и тоже полез за сигаретами.

— И дал явку? — подтвердил Виталий, потом многозначительно добавил: — Причем Васька мне сказал: «Верю только тебе».

— Та-ак... Намечается интересная комбинация, — медленно произнес Откаленко.

И оба посмотрели на Цветкова. Тот молча курил.

До отхода поезда оставалось еще полчаса, когда Откаленко и Лосев поздно вечером подъехали на машине к Ярославскому вокзалу, и шофер предложил помочь донести чемоданы.

Не выходя из машины, друзья обнялись, и Игорь, скрывая за шуткой тревогу, с деланным смешком сказал:

— Ну, уж ты прости, если что не так было. — И, сорвавшись, озабоченным тоном вдруг спросил: — С револьвером освоился?

Виталий невольно нащупал в кармане старенький наган, на который он сменил свой могучий «Макаров». Наличие такой «пушки» можно было в случае чего легко объяснить. Впрочем, объяснение было уже готово заранее. А наган работал безотказно. Опытный эксперт из научно-технического отдела проверил все до последней детали, и Виталий отстрелял его вчера на славу.

Тащить чемоданы было трудно, они оттянули все руки, пока Виталий и шофер оперативной машины добрались до нужного вагона.

— Солидный пассажир, чего ты хочешь? — усмехнулся Виталий.

— Уж солидней некуда, — пробормотал шофер, критически оглядев на Виталии потрепанное пальто, мятую кепку и разношенные, неопределенного цвета ботинки. Наряд этот так контрастировал с тем, как обычно одевался Виталий, что шофер не нашел, что еще сказать. Но, чувствуя всю тревожность каких-то неведомых событий, которые ждали этого парня, торопливо и сочувственно закончил: — В общем главное — счастливого тебе возвращения.

— Это верно, — серьезно согласился Виталий. Он достал билет, показал его проводнику и, когда тот сделал пометку у себя в списке, прибавил: — Помоги уж затащить их в вагон, что ли.

Они с трудом запихнули чемоданы на самую верхнюю полку, и шофер, попрощавшись, ушел.

Виталий закурил и встал у окна.

По перрону сновали люди, тащили багаж, вели детей, возбужденно кричали что-то, прощались, смеялись, плакали, говорили какие-то последние, торопливые слова друг другу. Носильщики в форменных серых фуражках катили доверху нагруженные тележки.

До отхода поезда оставалось минут пять.

Виталий попытался найти на перроне Игоря, но его нигде не было видно. А он, конечно, был где-то здесь, и он не уйдет, пока не тронется поезд. В этом Виталий был убежден.

И в этот момент он вдруг увидел Люду, Люду Данилову, вероломную Васькину подругу! В первый момент Виталий не поверил своим глазам. Как она могла тут оказаться, зачем? И невольно с тревогой забилося сердце. Неужели что-то случилось? Может быть, Васька испугался? Может быть, хочет предупредить о чем-то? Тогда надо подойти к Люде! Нет. Подойти он не может. И ни о чем спросить тоже не может. Ее заметит Игорь и, может быть, узнает, в чем дело. Но тут Виталий вспомнил, что Игорь не знает Люду Данилову. Что же делать?

Виталий с бьющимся сердцем стоял у окна, не зная, на что решиться.

Поезд медленно тронулся. Поплыл за окном ночной перрон. Виталий не отрывал глаз от Люды. Та остановилась в толпе провожающих и равнодушно помахала рукой вслед уходящему поезду.

Виталий отвернулся от окна и оглядел своих попутчиков.

Пожилый толстый человек в очках, хмурясь, что-то записывал в блокнот. Напротив сидела молодая пара. Где-то рядом плакал ребенок и слышен был напряженно-ласковый голос матери, убаюкивающей его. На соседних полках расположилась шумная студенческая компания, оттуда неслись веселые голоса и взрывы смеха. У соседнего окна тихо беседовали два офицера.

«Дела, дела, — подумал Виталий, — у всех людей свои. Но такого, как у меня, наверное, ни у кого нет». Он вдруг подумал о своих там, в Москве. Отец в это время, конечно, читает «Известия», и мама не дозвется его ужинать. «Твое «сейчас» меня когда-нибудь сведет с ума», — как обычно, говорит она ему. Мама, провожая Виталия, почему-то на этот раз особенно волновалась. И чего она только не совала ему в спортивную сумку, которую Виталий потом закинул через плечо! «Эх, мамуля... Знала бы ты, куда и зачем поехал твой сын, умерла бы от страха».

Но Виталию страшно не было, только все время бил какой-то нервный озноб и хотелось без конца курить. Да чего это он, в самом деле? Все продумано до мелочей, и всё будет в порядке! Это же редкая удача — проникнуть в то логово и не только разыскать Косого, но и узнать черт знает сколько еще полезных вещей. Недаром так ухватились за эту комбинацию снежинские товарищи.

Было уже совсем поздно, когда постепенно затих вагон.

Виталий лежал на своей верхней полке и не мог уснуть. Он вспоминал книги, где наш разведчик мгновенно засыпал в любой момент, когда он это себе приказывал, вспоминал, как спокойно по команде врача засыпали наши космонавты накануне полета. А он? Еще ничего не случилось, еще все впереди, а он уже нервничает, уже не может уснуть.

Потом мысли незаметно перекинулись на другое. Интересно, какой из себя этот Косой? И у него там, в Снежинске, конечно, большие связи. Все это тоже хитрые, и опасные люди, и разные. Их надо быстро раскусить, найти подход. И еще найти

остальные вещи, их много — два чемодана, которые везет Виталий, только приманка. Да, всему этому его не учили в институте. Ох, каким далеким казались сейчас те «академические» времена, когда все в его будущей работе представлялось простым и ясным, разбитым на параграфы учебников, и каждая полученная на экзамене пятерка вселяла уверенность, что теперь уже ничего не страшно, теперь он отлично знает, как и что надо делать в том или ином случае. И останься он при кафедре, как ему предлагали, он так бы и пребывал в этой убежденности и, может быть, даже диссертацию написал бы удачно; Федор Кузьмич, вероятно, как всегда, невозмутимо прочел бы ее и равнодушно отложил в сторону, а Игорь насмешливо бы заметил: «Ну и тундра этот кандидат!»

Сон подкрался незаметно...

В Снежинск поезд пришел утром.

Виталий жадно вглядывался в проплывавшие за окном дома, в большинстве деревянные, с наличниками и террасками, стоявшие за невысокими заборчиками, старался запомнить улицы. На всякий случай, мало ли что...

Поезд, наконец, остановился у низкого перрона. К вокзалу надо было идти через пути.

Виталия, как условились, никто открыто не встречал, но увидеть его должны были. И он старался угадать в толпе тех людей, незаметно приглядываясь к окружающим. Но никто не обратил на себя его внимание. «Молодцы ребята», — подумал Виталий с легкой досадой на себя.

Он с трудом, то и дело меняя руки, дотащил и сдал в камеру хранения свои чемоданы, потом облегченно вздохнул, с независимым видом сунул руки в карманы потрепанного пальто и вразвалку двинулся наугад по одной из улиц, решив расспрашивать прохожих подальше от вокзала.

Нужный дом оказался действительно третьим за глубоким оврагом, пересекавшим пыльную, кривую улочку на самой окраине города. «Третья хибара за оврагом», как сказал Васька.

Дом был и в самом деле маленьким, деревянным, за невысокой оградой, как и большинство домов в городе. Перед домом росло несколько чахлах деревьев с голыми сучьями, на которых только еще набухали почки. За заборчиком, почти вровень с ним, щетинился кустарник.

Виталий толкнул незапертую, покосившуюся калитку, и та со скрипом распахнулась, чертя низом по бурой, свалывшейся прошлогодней траве. Виталий поднялся на крыльцо и позвонил. Дверь долго не открывали. Виталий сильно постучал. Ему показалось, что кто-то стоит за дверью, но медлит открыть. Наконец женский голос раздраженно спросил:

— Ну, кто там?

— Петр нужен. Из Москвы я.

Женщина помолчала, потом тем же тоном ответила:

— Нету его.

— Когда будет-то?

— Кто его знает. Не докладывает.

— Ну, хоть обождать пустите. — Виталию показался неуместным просительный тон, и он грубо добавил: — Давай, давай, поворачивайся. Не пустой небось приехал.

Женщина подозрительно спросила:

— Где ж твое богатство?

И Виталий догадался, что она успела рассмотреть его в окно, пока он шел к крыльцу.

— Долго я через двери буду лясы точить? — со злостью спросил он. — Дернуло меня переться к вам!

Видимо, женщина, наконец, решилась. Виталий услышал звук отодвигаемых запоров. Потом дверь осторожно приоткрылась, и голос из темноты сказал:

— Проходи.

Только в комнате, чистой, с половиками на полу и цветами на подоконниках, Виталий рассмотрел хозяйку. Это была коренастая, средних лет женщина с грубоватым лицом, в очках и цветастом переднике.

— Как звать-то? — спросила она, не приглашая садиться.

Виталий сам сел, закурил и, выпустив струйкой дым, небрежно ответил:

— Олегом звать. А вас?

— Ага, — вместо ответа кивнула головой хозяйка, и Виталий понял, что имя ей знакомо.

— Как вас-то звать? — повторил он вопрос.

— Анисья.

«Так, — подумал Виталий. — Начинается».

В конце концов Анисья подобрела, принесла на стол холодную картошку, миску соленых огурцов, нарезала ломти сероватого хлеба.

— На, поешь. Чайничек поставила. А выпить успеешь еще, — и впервые усмехнулась.

Виталий не заставил себя упрашивать.

Анисья уселась напротив, подперла литыми кулаками щеки и стала расспрашивать, как живут в Москве, чем торгуют на рынке, и по какой цене, какое идет «кино», и как с мануфактурой.

Виталий, набивая рот и громко жуя, в свою очередь спросил:

— Ну, а вы тут как? Чем маракуете?

— Нешто у нас жизнь! — передернула крутыми плечами Анисья. — Штрафы одни. Намедни семечками торговала на рынке, так натерпелась.

В дверь два раза коротко позвонили. Анисья пошла открывать.

Было слышно, как она с кем-то шушукалась в темной прихожей, потом в комнату вошел набычившись громадный парень с широким, туповатым лицом, в кургузом пиджаке.

— А это, Котик, приезжий, — неузнаваемо ласково сказала Анисья, пряча руки под вздувшийся на животе передник: что-то передал ей вошедший, чего Виталию видеть не полагалось.

Анисья тут же прошла в соседнюю комнату, а парень, насто-
роженно оглядев Виталия маленькими, заплавленными глазками,
хрипловато спросил:

— Этого ждешь, Косого? — и вдруг ухмыльнулся.

— Ага. Скоро припрется?

— Будет, — туманно ответил парень, усаживаясь на стул, и
лениво потянулся к миске с огурцами. С хрустом жуя огурец,
он спросил: — Из Москвы мотанул?

— Привез кой-чего.

— А иметь сколько будешь?

— Авось не прогадаю, — усмехнулся Виталий.

Разговорились, тягуче петляя среди недомолвок, — оба слов-
но прощупывали друг друга. Парень производил впечатление
туповатого и жадного. Кличка его была Кот.

В доме было тихо, только где-то за стенкой возилась Анисья.

Прошло, наверное, часа два, прежде чем в дверь снова по-
звонили и опять так же: два коротких звонка.

— Притопал, — криво усмехнулся Кот. — С кралечкой своей.

Пришедшим открыла Анисья, пройдя, видимо, какой-то другой
дверью в переднюю. Оттуда опять донесся шепот и короткий
девичий смешок.

В комнату вошли двое: худенькая девушка с бледным лицом
и подкрашенными смешливыми глазами и смуглый черноволо-
сый парень, жилистый, подвижный и нахальный, из-под его ко-
ричневого пиджака виднелся расстегнутый ворот ковбойки.
Один глаз его заметно косил.

Парень уверенно подошел к Виталию, смерил его веселым
взглядом и протянул руку.

— Ну, здорово, Олежка, — он цепко и сильно поздоровал-
ся. — Будем знакомы.

— Ниночка, — кокетливо представилась девушка, с интересом
оглядев Виталия.

Косой по-хозяйски объявил:

— Сегодня здесь гульнем в честь москвича.

— Не надо бы здесь-то, — хмуро отозвалась Анисья. —
Шли бы себе опять к...

— Ну! — прикрикнул Косой. — Укороти язык-то! Сегодня
здесь гулять будем. Кое-кто еще придет.

— А москвича мы разыграем, — засмеялась Ниночка. —
Кому достанется.

Косой сверкнул глазами.

— А ты не клейся! — потом повернулся к Коту: — Нам
топать пора. Вечером, значит, свидимся.

Кот, ухмыляясь, поднялся со стула и поправил что-то тяжелое
в кармане брюк. «Неужели пистолет?» — с беспокойством по-
думал Виталий.

Когда парни ушли, Виталий сказал:

— Ну, пойду. Посмотрю, чего тут у вас.

И подумал про Косого: «Ничего о чемоданах так и не спро-
сил».

Ниночка лукаво взглянула на него и, подмигнув, сказала
Анисье:

— Хорош мальчик. Вот только причесать его надо. И лицо помыть. — Она приблизилась к Виталию, провела рукой по его волосам и негромко сказала: — Пошли вместе.

Виталий понял, что от нее не отвязаться.

— Не каждый день к нам из Москвы такие парни приезжают, — добавила Ниночка.

— Косой тоже из Москвы.

— Ну да! Он отсюда. А в Москву только наведывается. Родственник у него там, что ли.

«Вот почему нам неизвестна такая кличка, — подумал Виталий. — Но она почему-то неизвестна и здесь». Вообще нового и странного он уже узнал много. Чертовка девка! Ему так надо было попасть по второму адресу, так не терпелось все рассказать и посоветоваться, получить новые данные. «Еще наломаю тут впотьмах дров», — с досадой и опаской подумал он и с отвращением вспомнил о предстоящей пьянке.

— Ну, пошли, пошли, — затормошила его Ниночка.

На улице Ниночка бесцеремонно повисла на его руке и принялась болтать.

Они побывали в городском саду, где на пригретых солнцем скамьях дремали старики и читали книжки мамыши с колясками, потом по заросшим жухлой травой дорожкам спустились к реке.

— Все-таки зря у Анисьи гуляете, — озабоченно заметил Виталий. — Заметный дом-то.

— Вот еще! А чего нам бояться? — передернула плечами Ниночка.

«Что она, притворяется или в самом деле ничего не знает?» — удивился Виталий.

— Дурой-то не прикидывайся, — сердито сказал он.

Ниночка промолчала, потом перевела разговор на другое.

Они вышли из сада и оказались на оживленной улице. Здесь были высокие каменные дома, в нижних этажах расположились магазины: «Гастроном», «Ткани», детский универмаг «Малыш» и еще какие-то. Улица была асфальтирована, по краям широких, тоже асфальтированных тротуаров были высажены деревья. С шумом проносились троллейбусы, автобусы, сновали машины. Было много прохожих, у какого-то магазина стояла очередь. Это был словно другой город, в котором трудно было представить себе кривую улочку за оврагом.

Ниночка непрерывно и громко болтала о чем-то.

И вдруг Виталий увидел Светлану. Она шла ему навстречу с какой-то женщиной и оживленно говорила ей что-то, размахивая небольшим портфельчиком. Она была в знакомом ему черном костюме, через руку было перекинута легкое серое пальто, золотистые вьющиеся волосы были собраны в пучок, их небрежно трепал ветер.

Первая мысль, которая пронеслась в голове Виталия, была: «Как я ей покажусь в таком виде? Что она подумает?» Но тут же Виталий, спохватившись, сказал самому себе, что в любом

виде он сейчас не может подойти к Светлане, не может даже показать виду, что знает ее. А она? Ну, ей даже не придется делать вида, она, вероятно, и в самом деле уже не помнит его и уж, во всяком случае, не узнает сейчас... Черт возьми! Столько дней искать встречи, наконец встретить в другом городе, где она ему так бы обрадовалась, и вот... нельзя даже подойти! А рядом эта крашенная выдра, воровская любовь. Да на нее, эту Ниночку, только взглянуть... И Светлана сейчас взглянет! Что она только подумает о нем, если... если узнает, конечно.

Виталий был в таком отчаянии, так билось сердце, что он невольно замедлил шаг, потом резко повернул к витрине какого-то магазина.

— Ты чего? — удивилась Ниночка.

— Ничего. Что это у вас там?

Ниночка усмехнулась.

— Консервы. Печень тресковая. Камбала...

В это время Светлана и ее спутница поравнялись с ними, и Виталий услышал знакомый голос за спиной.

— После обеда я к вам снова приду. У вас очень интересный музей, очень. И с такой любовью вы...

Музей! Значит, Светлана здесь в командировке! И, наверное, живет в гостинице.

— Да чего это ты? — снова спросила Ниночка. — Увидел кого?

И тут вдруг у Виталия мелькнула счастливая мысль.

— Ага! — утвердительно кивнул он головой. — Знакомая из нашего дома. Узнала меня все-таки, чтоб ей...

— Это та, беленькая? — Ниночка оглянулась.

— Та самая. Эх, теперь будет, — он досадливо почесал затылок, сдвинул кепку на лоб. — Дома сказал, что в Рязань, к тетке поехал. Теперь пойдет трепать.

— А ты ей чего-нибудь наведи.

— Да-а. Чего наведешь-то?

— Ну, ты ж лопух, — усмехнулась Ниночка. — А я всегда могу матери навести.

— Я матери один раз уже наведи. Сколько можно. А в общем... — Виталий сделал вид, что колеблется. — Попробую. Ты иди.

— Давай, — согласилась Ниночка.

Виталий быстро догнал Светлану, однако пришлось подождать, пока девушка не простилась со своей спутницей у остановки автобуса. Только после этого Виталий чуть дрогнувшим голосом сказал:

— Здравствуйте, Светлана.

Девушка удивленно оглянулась, секунду всматривалась в его смущенное лицо, потом с изумлением спросила:

— Это вы? Вы из...

— Да, это я, — поспешно сказал Виталий. — И ради бога, не удивляйтесь больше. Вы в гостинице остановились?

— Да.

— Можно я вас провожу?

— Пожалуйста. Но...
— Вы мне должны помочь. И не обращайтесь внимания на мой костюм. Так надо.

Светлана улыбнулась.

— Просто детектив какой-то, еще и с переодеванием.

— Я вам все объясню. А зовут меня сейчас Олег. Пойдемте.

— «Сейчас»? — Светлана засмеялась. — А вы мне тогда не показались таким... напористым, что ли.

— Светлана, пойдемте, — взмолился Виталий. — Нам нельзя так долго стоять. И так долго удивляться. Это опасно. Ведь я на работе.

Она стала вдруг серьезной. В больших глазах мелькнула тревога.

— Ну что ж. Пойдемте.

Виталий нагнулся, словно завязывая ботинок, и мельком взглянул назад. Ниночка стояла у витрины магазина и смотрела ему вслед. Виталию не понравился ее ревнивый, подозрительный взгляд. «Что-то не так получилось», — подумал он.

Часа два спустя Виталий уже один шел по малознакомым улицам и нарочно не спрашивал дорогу: надо же тренировать зрительную память!

Завтра, самое позднее послезавтра он уедет отсюда. Но до этого времени предстоит многое узнать: кто такой Косой? Где притон, в котором они обычно собираются? По каким каналам уходят вещи с краж? И где все вещи с последней кражи в ателье? Они не появлялись здесь ни на рынке, ни в комиссионных магазинах, ни в скупке. Почему? Где хранятся, у кого? В доме Анисьи их нет, это ясно. Все надо узнать сегодня же, очень осторожно, очень...

Мысли лихорадочно металась от одного вопроса к другому. И пока ни на один из них ответов не было. Косой осторожен. Как он заткнул рот Анисье, когда та упомянула о другом месте, где они обычно встречаются! И Ниночка замкнулась, когда он коснулся этого. Боится Косого? Нет, она боится его, Виталия. Она тоже враг.

Тысячи вопросов роились в голове. А ответов пока нет. Их надо добыть.

Но Виталий чувствовал, что не может сосредоточиться. Встреча со Светланой, такая неожиданная, не выходила из головы. Сердце начинало сладко колотиться, а мысли летели в Москву, к их новой встрече. Он невольно замедлил шаг и, ругая себя, заставлял думать о главном сейчас, ради чего приехал сюда, ради чего велась вся эта трудная и опасная игра. И мысли снова металась среди нерешенных вопросов, металась, пытаясь прорваться туда, в Москву...

Стемнело. Виталий посмотрел на часы. Всего лишь пятый час. Еще совсем не поздно.

И тут он заметил, что солнца нет. Небо обложили тяжелые, чугунные, словно накаленные тучи с красноватыми подпалинами на краях. Вдали погромыхивали раскаты. Небесные домны громоздили чугун на чугун. Тяжело становилось дышать. Рубаха на спине стала влажной от пота.

В фиолетовом меркнувшем свете изменилась улица. Домики, будто в ожидании удара, прижались к земле, прячась за голыми ветвями деревьев. Прохожих стало мало, они торопились.

Виталий остановился, вытер со лба пот и огляделся. Не заблудился ли он? Что-то не помнит он такой улицы.

И тут вдруг откуда-то из-за угла появился Косой, гибкий, жилистый, под растянутым воротом ковбойки видна была смуглая, кадыкастая шея, цыганские глаза, левый с сильным прищуром, смотрели на Виталия как будто дружески. Он шел навстречу быстро и уверенно, словно знал, что именно тут и встретит Виталия.

— Нинка где? — спросил он.

— Ушла. Я тут одну встретил. Из Москвы. Потемнил малость.

— Кто такая?

— Из нашего дома. Знакомая.

— Не брешешь? Гляди у меня.

У Виталия накалилась злость. От этой безбоязненной, самоуверенной наглости, от этой исходящей от Косого злой, напористой силы, от черт его знает чего еще, враждебного, темного в его душе.

— Барахло где? — снова спросил Косой.

— На вокзале, где же еще?

— Пошли.

— Не, — отрицательно мотнул головой Виталий. — Сначала гони, что обещал.

— У Анисьи получишь.

— Не, — упрямо повторил Виталий. — Сейчас.

— Нету у меня сейчас. Понял?

— Не мое дело.

— Ты мужик, видать, деловой, — Косой тряхнул черной вихрастой головой. — Хилий со мной.

Они зашагали молча и быстро.

Наконец задами подошли к одинокому домишке, спрятавшемуся за густыми, еще без листьев деревьями. Вокруг по неровностям поля угадывались прошлогодние огороды.

Косой уверенно подошел к дому и постучал в окно. За стеклом дрогнула, но не открылась занавеска.

— Дядя Осип, я это, — прижавшись к окну, глухо сказал Косой.

Не дожидаясь ответа, он обогнул дом, бросив на ходу Виталию:

— Здесь обожди.

«Вот она — воровская хаза», — радостно подумал Виталий. В стороне он различил невысокую головастую башенку, она еле заметно выглядывала из-за кособога. «Водокачка», — догадался он. По дороге к ней пропылила машина.

Появился из-за угла дома Косой. А в окне снова дрогнула занавеска. Виталия кто-то рассматривал. Косой, словно невзначай, подвел его к окну и протянул мятую пачку денег.

— Держи.

Виталий пересчитал и бережно спрятал деньги во внутренний карман пиджака.

— Теперь пошли, — объявил он.

По дороге Косой разболтался — видно, безбоязненным упрямством своим Виталий внушил доверие.

— А Васька — прыщ, это точно, — говорил он. — Мы с ним в колонии встретились. Меня туда сунули спервоначалу. Ошибочка вышла, — усмехнулся Косой. — Ночами он мне все про свою жизнь трепал. У него отец какой-то враг народа был. Доктор. Замели в пятьдесят втором.

— Сейчас небось реабилитировали, — не удержавшись, сказал Виталий.

Его душила ненависть: этот гад еще говорит о врагах народа. Виталий никогда не думал, что он способен на такую лютую, туманящую мозг ненависть. «Перевоспитывать надо их, — заученно сказал он себе, чтобы хоть чуть-чуть остыть, и тут же со злобой подумал: — Кого, чем перевоспитывать? Этого, например, только пулей». Он знал, что перебарщивает, но ничего не мог поделать с собой в этот момент.

— Может, и реабилитировали, — насмешливо согласился Косой. — На том свете из адской зоны в райскую кинули. Тоже мне враг народа! Таких воры в лагерях делали, знаешь, как? Подошвы лизать заставляли.

— Врешь! — не помня себя, воскликнул Виталий. — Врешь, гад!

На свое счастье, Косой не придавал значения этой вспышке и беспечно сказал:

— Ну, вру. А и такие были. Вон и Васька. Ну, я этому трухляку мозги вправил. Воровской закон преподавал.

— Он тебе вещицу одну передал...

— Ну. И што? — насторожился Косой.

— Подвести может, гляди.

— Ты за кого меня держишь, тухарь? Кое-что понимаем. — И, усмехнувшись, хвастливо добавил: — Я у Васьки много чего потянул.

— На дело водил? — скрывая тревогу, спросил Виталий.

— Это ты его води, если свобода надоела.

Виталий почувствовал, как отлегло у него от сердца: Васька был ему уже чем-то дорог, уже какую-то ответственность чувствовал он за судьбу этого парня, уже боялся за него. Васька должен был стать его другом, а не Косого. И станет!

— Чего же ты с него тянул?

— Ножа боится, прыщ, — усмехнулся Косой. — Крови боится. Все с себя отдал. А матери трепанул, что пропил. Ха! Тоже мне петух! Вот и эта штучка. Придем к Анисье, покажу, если хочешь.

— Чего ж, покажи, — еле сдерживая волнение, отозвался Виталий и безразлично спросил: — К ней барахло попрем?

— Не. Там все чисто.

Они уже шли по знакомым улицам, когда упали с черного неба первые, тяжелые капли. А около самого вокзала с треском, как тугое полотнище, разорвалось небо и на город обрушился ливень.

Совсем мокрые, вбежали они в вокзал.

Виталий получил в камере хранения чемоданы, и они с Косым битый час сидели на них и курили, пережидая грозу.

Наконец небо посветлело, стало сероватым, и дождь стал редеть. Решили идти.

По дороге Виталий спросил, придав голосу интонации уважительные, почти восхищенные:

— И с какого дела ты столько барахла унес?

— Грабнули одно ателье. С Котом ездили. И шоферу одного подцепили. Он как увидел — столько тянем, в штаны на-
клат.

— Без мокрого обошлись?

Косой остро глянул на него через плечо.

— Работаем чисто. А что, шум пошел?

— Шума не было. А про сторожа какого-то малость слышал.

— Стукнул его Кот, не удержался, — сердито сказал Косой.

Виталий вспомнил щуплое, старенькое тело у порога ателье, седые, перепачканные в крови волосы. Хотелось схватить Косого и бить, бить тоже в кровь. И ярость на секунду затуманила голову. Он так взглянул на Косого, что, поймай тот его взгляд, все было бы кончено.

Долго шли молча. Виталий боялся, что голос выдаст его. Косой озабоченно думал о чем-то своем.

Когда подошли уже в темноте к домику на огороде, за занавешенным окном тускло горел свет.

— Обождешь тут, — снова распорядился Косой и потащил чемоданы сам.

Обратно шли молча, в темноте поминутно спотыкаясь и осторожно нащупывая ногой тропу.

Потом Косой озабоченно произнес:

— От Анисьи уходить надо. Глаза там мозолить нечего.

— Куда уходить-то?

— Куда, куда. Куда надо!

— Чего темнишь?

— Ты помалкивай. Я свой воровской мир люблю. Его беречь надо. Ясно?

— Ясно.

Они уже шли по улице рядом, стуча каблуками по деревянному тротуару. Редкие фонари желтыми бликами ломались на грязных досках. Было пустынно и тихо.

«Взять бы его сейчас, — подумал Виталий, — скрутить — и конец его коdle, его делам, его преступлениям». Хотя понимал, что нельзя этого делать, что рано.

Но события развернулись стремительно и опасно, совсем не так, как предполагал Виталий.

Около дома Анисьи Косой остановился, прижался к забору и рукой притянул к себе Виталия. Они долго и чутко прислушались. Откуда-то доносились звуки музыки, далекие паровозные гудки, шум проносившихся где-то автобусов, в каком-то из домов играло радио, с дальнего конца улицы слышались звуки

баяна и голоса людей. Ночной неугомонный город был полон звуков — мирных, трудовых, веселых. И только здесь, у этого проклятого дома, как казалось Виталию, притаилась опасность, притаилась боль. И он, Виталий, словно держал руку на этом гнилом нерве города, словно от него зависело оборвать этот страшный нерв. А где-то там, в гостинице, в своем уютном номере Светлана пишет, или читает, или думает, может быть, о нем, об их встрече. И в памяти вдруг всплыли строки далекой фронтовой песни, которую Виталий никогда не пел, он только слышал ее по радио: «До тебя мне идти далеко, а до смерти четыре шага...»

Косой оторвался от забора и буркнул:

— Потопали. Все вроде тихо.

Они вошли в дом.

Первый человек, которого увидел Виталий, была Ниночка. Он увидел ее ненавидящий, лихорадочный взгляд и понял, что случилось что-то непредвиденное и страшное.

А сзади, за спиной его, уже возникла тяжелая, как глыба, фигура Кота. Он нехорошо усмехался.

— Качать права будем, — услышал он вдруг кем-то произнесенные слова и инстинктивно отпрянул в сторону, к окну.

Он увидел озадаченное выражение на лице Косого.

— Чего надумали? — напряженно спросил он.

В комнате было еще два парня. В углу сидела, словно спала, Анисья.

— Вот этот, — Кот тяжело указал на Виталия, — в гостинице с уголовкой встречу имел. Она видела, — и он мотнул головой в сторону Ниночки.

Косой спружинился, словно для прыжка, и, по-волчьи взглянув на Виталия, хрипло спросил:

— Верно говорят?

Виталий, пытаясь унять нервную дрожь, медленно покачал головой.

— Брешет.

— Я сама, сама видела! — взорвалась Ниночка. — Приходил туда этот, из гормилиции! Я нарочно пошла посмотреть, куда он ее поведет! А потом и тот пришел. А вышли порознь. Я видела!.. Сама!.. Подослали его!..

И тут Косой, развернувшись словно пружина, кинулся на Виталия. В руке у него блеснул нож.

На ориентировку не осталось и секунды. Повинуясь больше отработанному рефлексу, чем разумному расчету, Виталий нырнул навстречу Косому, ему в ноги. И когда тот уже падал на него, Виталий заученным ударом, сам потом удивившись разумности своего расчета, обрушил Косого вправо, головой вниз, на угол стола.

Стремительно вскочив на ноги, он снова отпрыгнул к окну, успев схватить нож, выпавший из рук Косого. Высоко подняв его над головой, Виталий уже собирался высадить плечом раму окна, как тут его обожгла мысль: «Васька!» Если сейчас убежать, все подозрения падут на него.

— Не подходи! Убью! — крикнул Виталий.

Ни Кот, ни двое остальных парней еще не успели сообразить, что произошло, когда раздался истерический крик Ниночки:

— Кот, Кот! Он сейчас в окно выскочит.

На полу стонал Косой, пытаясь подняться. Кровь сочилась по смуглой щеке, черные глаза были полны бешенства.

— Дай ему, Кот, — прохрипел он.

И Кот глыбой двинулся на нож. Парни зашли с боков.

— Стой, ребята, — угрожающе предупредил Виталий. — Бежать мне некуда. А она... — ему вдруг пришла новая мысль. — Она же дешевка! — он с презрением посмотрел на Ниночку. — Она же липла ко мне всю дорогу и плевала на тебя, Косой! Хотела, чтобы затащил ее под любой куст, паскуда! А я чужих баб не трюгаю! Понял?

Он сказал это с такой силой и яростью, что взгляды всех обратились на Ниночку, и та залилась краской, задрожали губы, она съежилась, как от удара, под неостывшим взглядом Косого. Да, Виталий не врал, это было сейчас всем ясно.

— Гнида... — прошипел Косой, тяжело поднимаясь с пола и утирая рукой кровь со щеки. — Теперь уж попомнишь меня... — и он грязно выругался.

Видно, Ниночку тут знали.

Кот, сопя, отошел к двери, парни замерли. Все ждали, что еще скажет Косой. А тот мутно посмотрел на Виталия и, повернувшись к Анисье, которая испуганно жалась в своем углу, хмуро приказал:

— Водку давай, зараза! — и только потом бросил Виталию: — Опускай нож. Все.

Обстановка разрядилась. Водка довершила остальное. Выпив, Косой обмяк и сказал Виталию:

— Ну, ты даешь. Такого кореша иметь в Москве — лучше ничего не надо.

Виталий чувствовал, как у него дрожат руки.

Потом Косой поглядел на всхлипывающую Ниночку и, закилая новой злостью, крикнул:

— Катись, гнида! С глаз катись! Я с тобой потом посчитаюсь.

Матерно ругаясь, он схватил стакан и с размаху швырнул в нее.

Со звоном разлетелись осколки. Ниночка дико вскрикнула и опрометью, опрокинув стул, кинулась к двери.

— Нет баб! — яростно, вздохлеб закричал Косой. — Одни суки! Убью всех!

Он схватился руками за голову и застонал.

— Слышь, Косой, — проговорил один из парней, длинный и рыжий, — писулька пришла от Попа.

— Покажь, — оживился Косой.

Парень передал ему сложенный вчетверо грязноватый листок. Косой развернул его, но буквы прыгали у него перед глазами.

— Давай читай, — вернул он парню письмо.

И тот со вкусом прочел:

— «Привет почтенной бражке из снежной Сибири. Объявил себе амнистию под чистую...»

— Утек, холера, — восхищенно пробасил Кот.

— Этот откуда хошь утекет, — подтвердил Косой. — Нет еще таких решеток.

Виталий настороженно слушал.

— «Амуницию достал классную и бумагу тоже, — продолжал читать рыжий. — Теперь инженер. Командировочный с Сибири. Курс держу на столицу. Имею там дело. Такси и рестораны к нашим услугам. Косой, встреча на старом месте. Навеки ваш. Поп».

— Во дает! Артист! — опять восхищенно пробасил Кот.

Виталий лихорадочно соображал, только мысли почему-то потеряли ясность. Его бил озноб. «Нервы», — подумал он. Усилением воли он заставил себя обдумать новую обстановку. Надо дать условный знак оперативной группе: сейчас эту компанию брать нельзя. Косого надо непременно проводить до Москвы. Там у него встреча. Из заключения бежал, видно, опасный преступник.

Он поднялся из-за стола. Голова кружилась. Виталий подошел к окну, потянулся к форточке, чтобы ветер обдул разгоряченное лицо и, словно невзначай, отодвинул горшок с цветком.

На него уже никто не обращал внимания.

«Что-то надо еще сделать, что-то он обещал показать», — подумал Виталий, возвращаясь к столу, но вспомнить не мог. Потом спали вполудка, кто где. Виталий очутился в углу на кушетке, и словно провалился в душную темноту.

Клокощущий храп и бормотанье наполнили тишину комнаты. За стеной постанывала Анисья. Тяжелые сны витали по дому.

Наутро Виталий проснулся совсем больной. Голова разламывалась и пылала, запеклись губы.

В комнате никого, кроме Косого, не было. Он сидел в продавленном кресле, держась за голову, и зло матерился сквозь зубы.

Вошла Анисья, положила мокрую тряпку ему на лоб.

Виталий приподнялся и с трудом сказал, поймав на себе взгляд Косого:

— Расхворался я, кажись.

— Отсюда мотай, — сипло приказал Косой. — Тут сгоришь, как свеча.

— Может, в Москву на пару рванем?

— А чего ж? Сегодня вечером. Здорово ты меня приложил, зараза.

— Не суйся.

— Я те дам «не суйся», — ошетинился Косой.

Виталий поднялся с кушетки, машинально ощупал карманы. Все было цело. И неуверенно сказал:

— Пошел я. Значит, едем вечером. Билет возьмешь?

— Ладно уж. А в случае чего, привет получишь через Васюку.

Виталий, пошатываясь, вышел из дому. В окно наблюдала за ним Анисья.

На улице он остановился, соображая, куда ему идти. В милицию нельзя, за ним могли следить. В гостиницу? Нет, нет, только не туда. Да еще в таком виде.

— Где тут у вас больница? — спросил он какую-то женщину.
...В ту же ночь Косой один уехал в Москву.

В МОСКВЕ

Олег Полуянов сидел на кровати в своей комнатке и, предвзвешивая заперев дверь на ключ от случайного вторжения соседей, рассматривал привезенный из Одессы заграничный «товар». Здесь были сигареты «Кемэл» и «Честер», авторучки и зажигалки с обнаженными красавицами, яркие галстуки и нейлоновые кофточки, мужские носки и пуловеры самых невероятных раскрасок, пестрые пачки жевательной резинки — словом, типичный «запад», скупленный у иностранных моряков и на «толчке».

Олег был в одних трусах и черной рубашке навыпуск. Покупая сигареты и щурясь, он критически осматривал одну вещь за другой, прикидывая в уме, сколько можно будет получить за каждую с золотушных московских пижонов. От этих «прикидок» на нежном лице Олега проступал румянец, а большие карие глаза начинали блестеть.

Вообще это была невероятная удача: ему, рядовому сантехнику, получить командировку в Одессу, чтобы «выбить» на местном заводе дефицитную облицовочную плитку. Олег чувствовал, что начальство с какой-то странной неохотой направляло его в эту поездку. Но не в его характере было выяснять причины свалившегося на него счастья. Главное, что это случилось, а почему — его интересовало, как прошлогодний снег.

Встреча с давнишними друзьями была самой радостной. «Земляк», с которым он обычно осуществлял свои комбинации, просто обомлел от радости и немедленно привел в действие все свои связи. Улов получился отменным.

Единственно, кто оказался не в восторге от его приезда, были его собственные старики и студентка сестренка. То есть вначале они тоже были обрадованы, но потом, заметив, как он тащит в дом барахло, как приходит среди ночи «под газами», они решительно потребовали прекратить все это. Но Олег самодовольно объявил, что задание своего начальства он уже выполнил и теперь намерен отдохнуть. Тогда сестренка пригрозила пойти в милицию. Мать все дни ходила с красными от слез глазами. А отец, крутой и вспыльчивый, неожиданно просто выгнал его вон, причем сам купил ему билет и не успокоился, пока не усадил своего «мерзавца и болвана», как он выразился, в вагон поезда, да еще пригрозил через месяц приехать в Москву и, как он тоже выразился, «навести окончательный порядок».

От отца в этом смысле можно было ждать каких угодно неприятностей. Они могли оказаться тем более чувствительными, что совсем недавно Олега уже вызывали в милицию — спасибо

бывшему другу Ваське! А там какой-то дотошный молодой парень, оказывается, что-то пронюхал о его комбинациях. Правда, Олег тоже в долгу не остался и под Ваську «мину подвел». Все же на душе остался неважный осадок от этого визита. И поездка в Одессу, как полагал Олег, должна была помочь ему встряхнуться и «войти в рабочую колею». Но этого не получилось.

Мало того, что отъезд его был обставлен родными столь бестактно. Главное заключалось в том, что его «выперли» значительно раньше, чем он рассчитывал. У него даже не закончилась командировка. В связи с этим он, правда, решил несколько дней не являться на работу, благо никто его так рано там и не ждет, и использовать это время для «деловых встреч» и заключения «контрактов». Прежде всего следовало распределить привезенный «товар» с учетом возможностей его «контрагентов». Этой работой Олег и занимался сейчас, заперевшись от надоедливых соседей. Ибо такая работа требовала сосредоточенности и тонкого расчета.

Вот в этот-то столь напряженный момент и раздалось в коридоре звонки — два длинных и один короткий — к нему!

Олег поспешно упихнул «товар» в чемодан, натянул брюки и прислушался.

Дверь открыла старушка соседка.

— Олег дома? — раздался чей-то незнакомый голос.

— Дома, дома, — проворчала соседка. — Вон туда иди.

Олег не любил неожиданного вторжения к нему незнакомых людей. «Может, опять из милиции?» — мелькнула тревожная мысль. Это было сейчас не только неприятно, но и опасно.

В дверь стукнули небрежно и как-то неофициально.

Олег нехотя открыл.

Перед ним стоял смуглый черноволосый парень, высокий и жилистый, в мятом пиджаке и расстегнутой ковбойке. Наглазые цыганские глаза смотрели на Олега с неподдельным изумлением.

— Это ты — Олег? — спросил парень недоверчиво.

Олег насмешливо осведомился:

— А что, не похож?

— В том-то и дело, что не похож.

Олег окончательно успокоился и даже развеселился.

— Я, между прочим, только на папу с мамой похож. И то, они говорят, чисто внешне.

Но гость не был расположен поддержать шутку. Лицо его стало хмурым и злым. Он шагнул в комнату и прикрыл за собой дверь.

— Ты трепаться-то брось. Я дело спрашиваю, — с угрозой сказал он. — Дружок у тебя такой есть, Васька?

— Был. На заре туманной юности.

— Где живет?

Олег, пожав плечами, назвал адрес.

— Как, подходит? — он продолжал усмехаться.

— И фамилия твоя Полуянов?

— И папа Полуянов и дедушка Полуянов. С другой стороны, мама имела в девичестве...

— Говорю, брось трепаться, — угрюмо посоветовал гость. — Может, у Васьки еще какого дружка Олегом зовут?

— Я переписи его дружкам не вел. Особенно последним.

— Чего-то ты на того Олега не похож...

— В Москве тридцать семь тысяч сто шестнадцать Олегов. Может, какой-нибудь из них и похож. Так что извиняю за беспокойство.

Олег уже терял терпение. Кроме того, начинало закрадываться какое-то странное беспокойство. Парень знал его фамилию, знал Ваську. Не утерпев, Олег спросил:

— Сам-то ты кто такой?

Парень подозрительно поглядел на него, потом вытащил папиросу, закурил и не спеша, в свою очередь, спросил:

— Ты от Васьки про Косого не слышал?

— Косой? — изумленно переспросил Олег. — Ты и есть Косой?

— Я самый. Тебя Васька просил ко мне съездить?

— Припоминаю... Был такой разговор... А потом меня в уголку таскали из-за него.

— В уголку?! — Косой напрягнулся, сжал большие кулаки. — Выходит, наступал Васька? Выходит, не того Олега прислал? — У него побелели губы. — А я... как последний фрейер... приехал и решил того Олега найти... больше Васьки мне показался... — он говорил отрывисто, лихорадочно, наливаясь бешеной злобой. — Выходит, продал Васька и тебя и меня?

Олег ошеломленно кивнул головой.

— Выходит, так.

— Тогда погорели мои корешки там. Тогда и сам я чуть на крючок не попал, — с неугасающей злостью продолжал Косой. Он оценивающе посмотрел на Олега и добавил: — Да и тебе, кажись, срок отпущен короткий.

— А меня в командировку вдруг отослали, — испуганно сообщил Олег. — Это я раньше времени вернулся.

— Во, во. Теперь только явись.

— Что же мне делать?

Страх холодной, скользкой змеей проник ему в душу, и липкий озноб прошел по телу.

— Что же делать? — дрогнувшим голосом повторил Олег. — Черт те что получается.

От обычной его самоуверенной наглости не осталось и следа.

Косой вдруг неслышно подошел к двери, прислушался, потом вернулся к Олегу и тихо сказал:

— С Васькой надо кончать. Понял?

— То есть как кончать? — уже догадываясь и страшась этой догадки, переспросил Олег.

— А вот как. Как со всякой сукой кончают. Не слыхал?

Косой произнес это безжалостно и насмешливо.

— Я... н-нет... я н-на такое... н-не пойду... — заикаясь от испуга, проговорил Олег.

— А на свободе ты еще погулять хочешь? — в голосе Косого прозвучала угроза. — И здоровье тоже побереги, — многозначительно добавил он.

— Н-нет... Уж ты сам...

Олег готов был бежать сейчас куда угодно от этого страшного человека. Зачем только он вернулся в Москву, зачем... Но этих «зачем» было так много, что он уже не знал, в чем раскаиваться: в знакомстве с Васькой, в ссоре с родными, в скупке этого проклятого «товара»... Все перемешалось в голове у Олега, и он только чувствовал, что уже чем-то непонятным, незримым связан с этим черномазым, бешеным парнем, с этим бандитом, который, конечно, ни перед чем не остановится и убьет Ваську, а если Олег будет ему мешать...

— От тебя много не требуется, — медленно, что-то обдумывая про себя, сказал Косой. — Сегодня у меня встреча одна должна быть. Записку отнесешь. Скажу куда.

— И все? — с надеждой спросил Олег и облегченно вздохнул. — Это пожалуйста.

Косой зло усмехнулся.

— Это раз. Потом еще одно. Пока Васька ничего не чухает, его увезти надо. Ты город-то знаешь.

— Здесь нигде нельзя, — поспешно возразил Олег.

— Это уж ты прикидывай, — Косой насмешливо посмотрел на него. — А то я к тебе его приведу.

— Ты что, в уме?

— А вот и думай. Башка-то небось работает.

Но голова у Олега начисто отказалась работать. Он был как в горячем тумане. Мелко-мелко тряслись руки и ноги, и он ничего не мог сообразить.

— Сейчас... Сейчас... — потерянно произнес он, силясь собраться с мыслями. — Сейчас придумаем... Вот черт! Не придумаешь так, сразу...

Надо уехать куда-то, подальше от Москвы. Пусть уж там. Чтобы никакого подозрения не пало на него, на Олега. Но куда можно уехать?.. И вдруг он вспомнил. Во! Самое лучшее.

И он с облегчением сказал:

— Кажется, есть такое место.

Об остальном они договорились быстро.

Потом Косой ушел.

Спустя некоторое время ушел и Олег.

Васька, чумазый, в промасленной спецовке, стоял около машины, которая висела на уровне его головы на толстом блестящем створе подъемника, и внимательно смотрел, как Сергей, бригадир, сняв колесо, вынимал тормозные колодки. Сергей работал ловко, деловито, с фасоном, и Васька еле успевал подавать ему инструмент.

В громадном помещении гаража стоял неумолчный шум. С ревом въезжали и выезжали машины, гудели подъемники, перекликались десятки голосов, веселых, сердитых — разных.

Сергей передал Ваське испачканные тормозные колодки и отрывисто приказал:

— Вытри и наждачком их.

— А отчего это их так?

— Прокладку пробило. Не видишь?

Васька кинулся за наждаком.

Прошло уже несколько дней, как его восстановили на работе, а он все еще находился в счастливо-приподнятом настроении, как после выигранного сражения. Здорово тогда Виталий этого Баранникова прижал, и райком комсомола вмешался. Ребята там, оказывается, будь здоров! Но чего совершенно не ожидал Васька, так это прихода Витьки Сахарова из штаба дружины. Пришел тоже заступаться за Ваську. Смехотур! Но смешно было сейчас, а тогда Васька сначала испугался, а потом не знал, куда спрятать глаза. Уж кто-кто, а Сахаров знал о всех его «художествах». Васька, конечно, догадывался, что и тут дело не обошлось без Виталия. Но все же...

Васька с ожесточением тер клочком наждачной бумаги тормозные колодки, когда к нему подошел кто-то из ребят и сказал:

— Слышь? Тебя там на проходной один спрашивает.

— Кто такой?

— Да знакомый, говорит.

Васька отложил колодки и, предупредив Сергея, не спеша, развалочку вышел из гаража и пересек двор.

За проходной его дожидался Косой.

Увидев его, Васька, в первый момент растерялся — так далек он был сейчас от мысли об этой встрече, о которой его предупредил Цветков. Но Васька быстро пришел в себя. Он знал, что надо было делать. О всем условлено. Виталий вел себя там, в Снежинске, как надо. Косой ни о чем не подозревает.

Сколько раз Васька мысленно представлял себе эту встречу, каждый раз волнуясь и с трудом сдерживая все возраставшую день ото дня ненависть к этому человеку. Это был враг, его и всех тех, кто теперь окружал Ваську. С ним нельзя было справиться так, как привык это делать Васька в прошлом. Ни избить, ни ударить ножом. С ним надо было хитрить. И Васька давал себе клятву все сделать, как надо. И вот пришло время выполнить ее. Косой пришел, он ждет, он рассчитывает найти в Ваське прежнего покорного, запуганного парня. Ну, ну, посмотрим...

Васька вышел из проходной.

Косой заметил его и двинулся навстречу. На губах его играла знакомая пренебрежительная усмешка.

— Привет, — сказал он. — Не ждал?

— А чего мне тебя ждать? Не девчонка.

— И то верно, — охотно согласился Косой. — Чего меня ждать. Надо будет — сам притопаю. Верно говорю?

— Верно.

«Ишь, какой ласковый, гад, — подумал Васька. — Я тебе пятки полижу, погоди».

— Вот и притопал, — многозначительно сказал Косой. — Дело есть. Фартовое. Будь уверен.

— Опять тянуть с меня будешь?

— Не. Все, — поспешно заверил Косой.

— А пушку ту никуда не дел?

Косой как-то странно взглянул на Ваську и с напускной беспечностью ответил:

— Не бойсь. Она в порядке.

— А патроны нашел?

— Патроны?.. Не. Не нашел.

Васька почувствовал, как у него отлегло от души. Ему сейчас было страшно даже подумать, что из пистолета отца мог вдруг выстрелить этот бандит. Из пистолета отца... И как только посмел Васька отдать его этому Косому, как посмел испугаться угрозы!..

— Ладно, — тряхнул головой Васька, словно прогоняя неуместные сейчас мысли. — Ладно. Говори, какое дело есть?

Косой нехорошо усмехнулся.

— Всего сказать не могу. Со мной поедешь.

— Куда?

— Сначала на вокзал подскочим, кой-чего заберем. И в одно место отвезем. Делов на вечер.

Ваське на миг вдруг стало почему-то страшно. То ли от странной усмешки Косого, то ли от необычного для него дружелюбия, с каким тот говорил сейчас. Но он легко поборол в себе это чувство.

— Когда поедем? — деловито спросил он.

— Сейчас надо. Отпросишься, работяга?

— И отпрашиваться нечего. Сейчас все равно кончаю. Вот переоденусь только.

— Ну, давай топай.

Когда Васька вернулся, рабочие уже расходились, умытые, сбросившие свои спецовки.

— Васек! — крикнул Сергей. — Болеть поедешь? Сегодня мы с четырнадцатой базой играем.

Сергей имел второй разряд по волейболу и уже давно заманивал Ваську к себе в команду. «Реакция у тебя — блеск, — говорил он. — И удар сильный. Но техника не ночевала».

— Собираемся около мотористов, — добавил Сергей.

— Сегодня не могу, — с сожалением, которого он сам в себе не ожидал, ответил Васька. И в этом было что-то большее, чем невозможность посмотреть интересную игру, что именно — Васька и сам не понял.

Он торопливо умылся, переоделся, забравшись в какую-то машину, потом бегом кинулся к телефону.

Цветков, к счастью, оказался на месте.

— Федор Кузьмич, — торопливо сказал Васька. — Приятель появился. Зовет с собой. Дело у него есть. Можно поехать?

— А-а, появился, значит. Куда же он тебя зовет?

— Сначала на Ярославский вокзал, за вещами.

Цветков на другом конце провода секунду помедлил, что-то, видимо, обдумывая, потом сказал:

— Давай езжай. Только туда, на вокзал. И все! Смотри, Вася, не забывай, о чем условились.

Ресторан с необычным названием «Тихие встречи» находился в первом этаже большого дома, торцом выходящего на оживленную, красивую, новую улицу в районе сплошных новостроек, далеко от центра города. Крупных учреждений и предприятий поблизости не было, и днем, даже в обеденные часы, ресторан посещался мало, да и вечерами на его стеклянных дверях никогда не появлялось таблички «Мест нет». Это,

видимо, объяснялось еще и тем, что там не играл шумный оркестр, не было танцев. Даже сама его внутренняя планировка, где некоторые столики были изолированы легкими, изящными перегородками, создавала ощущение почти домашнего уюта. Администрация, видимо, стремилась оправдать название ресторана и обеспечить своим гостям возможность тихих встреч, нешумного отдыха и покоя.

Днем здесь обедали целые семьи, холостяки и застенчивые молодожены, видимо, не успевшие еще после переезда в новые квартиры наладить как следует свой быт, а также всякий случайный народ, занесенный делами в эту далекую часть города. По вечерам столики занимали в основном компании пожилых людей.

За два дня Игорь Откаленко вполне освоился в этой обстановке, быстро попал в категорию «тихих холостяков», ибо регулярно и очень скромно завтракал, обедал и ужинал в этом ресторане, не привлекая ничьего внимания. Не вызывало удивления и то, что он стремился всегда занять один и тот же столик: домашняя обстановка влекла за собой и соответствующие привычки.

Труднее было найти подходящий столик, сидя за которым хорошо бы просматривался вход в зал. Но у Откаленко был уже немалый опыт в таких делах и острый глаз.

Связанная с Игорем оперативная группа, в которую входили Лосев и еще двое сотрудников, расположилась в красном уголке соседнего дома. Оттуда хорошо был виден каждый человек, входящий в ресторан. В случае появления Косого, которого Лосев, конечно, сразу бы узнал, в ресторан должен был зайти один из сотрудников. Что касается бежавшего из заключения Сердюка, который назначил здесь встречу Косому, то его предстояло узнать лишь по приметам. А дальше Игорь приступал к выполнению своего специального задания, оперативная же группа должна была подключиться лишь на самом последнем этапе, возможно — даже совсем в другом районе города.

В тот вечер Игорь занял свое обычное место за столиком и, как всегда, заказав скромный ужин, развернул газету.

Прошло некоторое время, и Игорь неожиданно почувствовал на себе чей-то пристальный, изучающий взгляд. Игорь не видел этого человека, он только ощущал его присутствие и догадался, что человек этот сидит справа от него за столиком в углу.

Это было странно и неприятно. Всех, кто вошел за это время в ресторан, Игорь видел. Среди них не было знакомых. Значит, человек этот уже был в ресторане, когда пришел Игорь. Неужели он пропустил его, когда шел к своему столику и незаметно оглядывал посетителей? Скорей всего так оно и было. Угловой столик из-за необычной планировки зала просматривался последним и лучше всего с того места, где сидел Игорь, но для этого сесть надо было по-иному, и тогда Игорь терял бы из вида вход в зал. Проклятая планировка!

Однако надо было немедленно выяснить, кто этот человек. Слишком многое зависело от этого.

Окончание следует

ЗВЕРОБОЙ

Маленький рассказ

Теперь я уже точно знал, что вернусь. А когда уезжал в отпуск, то хоть и не сказал никому, что не вернусь, но сам это знал крепко. Страх пришел не сразу после того, как это все случилось. Через неделю, может, и позже. Намного позже. Но не в этом дело. Какой ты монтажник, если стал бояться высоты, если сердце замирает от каждого покачивания вышки!

Совсем уж я было решил устраиваться на завод. В отдел кадров ходил. А потом... Стало обидно за тех, кто там. Кого оставить хотел!

Да... и в отпуск меня неожиданно отправили. Не просил-ся. Вспомнилось, что Витька Черепашин сказал на аэродроме:

— Давай приходи в себя! Ждем.

Тогда я не обратил на эти слова внимания. Выпили на проводах. Ну и подумал: он не про то, что случилось, говорил. Теперь понял — про то. Меня словно солдата отправляли в госпиталь с передовой. А я хотел не вернуться к ним! Нет. Вернусь. И пусть будет хоть тридцать ураганов.

Тогда мы стояли на правом крыле Саусканской синклинали. Если идти через Масат по Старой сенекской дороге, то влево от колодцев Берли. Места так себе, как и вся пустыня. Барханы, колючки. Как на ниточке горизонта покачиваются черные коньки-горбунки — так мы верблюдов прозвали. А у колодцев огромные плиты. Старый адаец из нашей бригады рассказывал про эти следы легенду, красивую. Но нам тогда было не до легенды. Задание особой важности. Поставить вышку. Первую такую на полуострове — пятьдесят три метра.

Ну, опыт у нас у всех есть по Тюмени. Вообще монтажники подобались что надо. А февраль. Самый жестокий месяц. Воет и воет ветер. Преград у него никаких нет. Летит он по полуострову. День летит, ночь летит. Попадается одинокая юрта чабана — рванет непрочную дверцу — и

дальше. Дом — так дом потреплет, стекла окон выгибаются. Ляжешь спать после смены, а мышцы все еще сопротивляются ветру.

Вставали в потемках. Натянешь фуфайку и сидишь на койке. За окном свищет. Выходить не хочется. Идешь наклонно, папироска в пригоршне. Недалеко от общежития до вышки, а идешь, как двадцать километров.

В эту смену мы должны были последнюю ферму наварить.

Ад на земле, а что наверху? Поднимался я на эту вахту по шаткой лестнице и радовался, по-ребячьи просто радовался. Такую махину соорудили, как ракета. Каждый шов мне знакомый, и от этого вышка еще роднее. Со стороны вся в лампочках, что новогодняя елка. И такое состояние: вроде нам и не одиноко в пустыне. Вышка — как живое существо. Ну, понимаете, наша, родная.

Лезу дальше. Чем выше, тем сильнее чувствуешь, как она раскачивается. Но это привычно.

Снял рукавицу — глаза протереть, да покачнулся. Схватился за поручень ладонью, так кожа с пятерни и осталась на металле — мороз прихватил. Добрался до верха, прилег на полати. Тьма кругом, даже звезды качаются. Хороша сменка, ничего себе!

Вижу, внизу машина подъехала. В белый круг света от фар к бригадиру секретарь комсомола вошел. Флаг на вышку привез, догадался я. Попрыгал на полатах, руками помахал, рукавицей щеки потер. Как наждаком провел. Фонарем снизу сигнал подают: подъем верха начинают. Ну, теперь держись. Сверху все маленькие, бегают, суетятся.

«...иппов», — доносится с ветром. Мою фамилию орут. Зря легкие песком набивают.

«...чай», — не подкачай, наверное.

Приладил электрод — и пошло.

Рраз... рраз. Электрод касается металла. Искры, как живые, летят по ветру. Шов сразу остывает. Три «ноги» уже приварил. Глянул вниз, а там что-то неладное творится, тракторы в разные стороны расползаются, канаты натягивают.

Что-то не то.

Бледная полоска на востоке появилась. Торчат колючки в песке. Вышка, кажется, при свете до земли клонится. Ночью лучше — только телом чувствуешь да по звездам.

«...лезай», — орут с земли. «Слезай» или «Не слезай»? Флаг еще ведь надо укрепить. А ребята машут, на землю показывают.

И тут я увидел. Полоска на востоке пропала. С моря пошел гул. Как танки идут. Сразу детство в Воронеже вспомнилось. Ураган идет. Зимой они часто бывают. Вижу, уже к поселку катятся три этажа. Нижний — черный, повыше — бурый, а самый верхний — светло-желтый.

Так внутри все и оборвалось. Вышка-то еще не закреплена наглухо. Растяжки на тракторах.

«Выдержи, выдержи...», — стучит в голове. А сам я, по совести сказать, растерялся. Нет, не то чтобы растерялся, а просто забыл про себя.

Бывает такое. Гляжу на волны, двинуться не могу. А уж крыши летят с поселка, по глухим ударам чувствую. Спустился я было на три ступеньки вниз, а потом подумал: с лестницы он меня сорвет быстрее. Лягу на полати, упрусь ногами и руками. Пронесет, может.

Первый шквал прошел. А второй не минул. Затрещала моя вышка. Наклонилась, а тут еще ей в спину поддал новый шквал. Чувствую, лечу по воздуху, а страха нет.

Вспомнился учитель мой. Маленький, коротконогий, а как по фермам лазил, что акробат.

«Ты, — говорит, — Сань, примерься глазом. Рассчитай, а тогда хоть по воздуху лети, если знаешь, что нога твоя все равно найдет опору».

Вскочил я с полатей. Знаю, вышка уже в наклонном положении, на какое-то мгновение застыла. Я схватился за провислый канат с подветренной стороны, обвил его сапогами и — вжик. Пятьдесят метров летел к земле. И только вдарился о песок, как затрещало все наверху и почти рядом рухнула грудa металла.

Чудом спасся. И заплакал. Жалко стало. Двадцать два дня работали... А потом вижу — бегут ко мне. Злость взяла. «Посмотрим еще, кто кого!»

Через пятнадцать дней все-таки флаг закрепил я на новой вышке, вот тогда я и сплясал на полатях.

Зверобой — длинноногое такое растение. С маленькими золотистыми цветочками. Мать всегда мне кладет в чемодан пучок травы, поломанной по суставам. «Завари, сынок, в дальних краях. От сердца помогает», — приговаривает.

Она и сама, старая, не знает, правда ли помогает.

Вот и сейчас лежит у меня в чемодане зверобой. Везу на Мангышлак.

Бежать от ребят не след.

ПРОКЛЯТАЯ КНИГА

Рисунки С. ПРУСОВА

Профессор Опеншоу всегда шумно выходил из себя, когда кто-нибудь называл его спиритуалистом или верующим в спиритуализм. Это, однако, не исчерпывало его запаса взрывчатых веществ, ибо он выходил из себя также и в том случае, если кто-нибудь называл его неверующим в спиритуализм. Он гордился тем, что всю свою жизнь посвятил исследованию метафизических феноменов, и тем, что никогда не высказал ни одного намека по поводу того, действительно ли он считает их метафизическими или только феноменальными.

Больше всего на свете профессор любил сидеть в кругу правозверных спиритуалистов и рассказывать — с уничтожающими описаниями, — как он разоблачал медиума за медиумом, раскрывал обман за обманом. Он действительно становился человеком с большими детективными способностями и интуицией,

Рассказ был напечатан в журнале «Вокруг света» № 6 за 1937 год.

как только устремлял взгляд на объект, а он всегда устремлял взгляд на медиума, как на в высшей степени подозрительный объект.

Профессор Опеншоу — худощавый человек с львиной гривой неопределенного цвета и гипнотическими голубыми глазами — стоял, беседуя с патером Брауном, своим другом, на пороге отеля, где они провели прошлую ночь и где только что позавтракали. Профессор довольно поздно возвратился после одного из своих крупных экспериментов, как всегда, раздраженный. И сейчас он все еще мысленно переживал войну, которую постоянно вел один, да к тому же против обеих сторон.

— О, я не говорю о вас, — говорил он. — Вы не верите в это даже и тогда, когда это правда. Но все остальные вечно спрашивают меня, что я пытаюсь доказать. Они, как видно, не понимают, что я человек науки. Человек науки ничего не пытается доказать. Он пытается найти то, что само себя докажет.

— Но он еще этого не нашел, — заметил патер Браун.

— Положим, у меня имеются кое-какие выводы, которые не так уж отрицательны, как думает большинство, — ответил профессор после минуты недовольного молчания. — Как бы ни было, если тут и можно что-то найти, то они ищут это «что-то» не там, где нужно. Все носит слишком театральный, слишком показательный характер: их блестящая эктоплазма, трубные звуки голоса и все остальное, сделанное по образцу старых мелодрам и шаблонных исторических романов о семейном привидении! Я начинаю думать, что если бы вместо исторических романов они занялись историей, то действительно нашли бы что-нибудь... но только не привидения.

— В конце концов, — сказал патер Браун, — привидения — это только появления. Вы, кажется, говорили, что семейные привидения существуют для соблюдения приличий...

Взгляд профессора, обычно рассеянный, внезапно остановился и сосредоточился, словно перед ним стоял подозрительный медиум. У профессора был теперь вид человека, ввинтившего в глаз сильное увеличительное стекло. Не то чтобы он считал священника хоть сколько-нибудь похожим на подозрительного медиума, но его поразило, что мысли друга так тесно совпали с его собственными.

— Появления, — пробормотал он. — Как странно, что вы сказали это именно теперь! Чем больше я изучаю этот предмет, тем яснее вижу: они проигрывают оттого, что ищут одних только появлений. Вот если бы они хоть немного вдумались в исчезновения...

— Да, — сказал патер Браун, — в конце концов в настоящих волшебных сказках не так уж много говорилось о появлениях знаменитых волшебниц: пробуждение Титании или видение Оберона при лунном свете... Однако имеется бесчисленное количество легенд о людях, которые исчезли, были украдены волшебницами. Напали ли вы на след Килмени и Тома Римера?

— Я напал на след обыкновенно-

венных современных людей, о которых вы читали в газетах, — ответил Опеншоу. — Можете смотреть на меня сколько угодно, но именно этим делом я занят сейчас. Откровенно говоря, я думаю, что многие метафизические появления вполне могут быть объяснены. Чего я не могу объяснить, так это исчезновения — в тех случаях, когда они не метафизические. Это люди в газетах, которые исчезают и которых никогда не находят, — если бы вы знали подробности, как их знаю я... И вот только сегодня утром я получил подтверждение — изумительное письмо от одного старого миссионера, вполне почтенного старика. Сегодня он придет ко мне в контору. Вы, может быть, согласитесь пообедать со мной, и я вам сообщу результаты конфиденциально.

— Благодарю вас, я приду, если только, — сказал патер Браун скромно, — если только не буду украден волшебницами.

Они расстались, и Опеншоу, завернув за угол, направился к небольшой конторе, которую он нанимал по соседству главным образом для опубликования коротких статей и заметок о метафизических и психологических явлениях, написанных в самом сухом и самом агностическом тоне. У него был только один клерк; он сидел сейчас за конторкой в передней комнате конторы, подбирая цифры и факты для газетного отчета, и профессор замедлил шаги, чтобы спросить у него, пришел ли м-р Прингль. Не переставая складывать свои цифры, клерк ответил, что нет, и профессор направился в заднюю комнату, которая служила ему кабинетом.

— Кстати, Берридж, — добавил он, не оборачиваясь, — когда придет м-р Прингль, пошлите его прямо ко мне. Можете не прерывать работу. Я хотел бы, если возможно, чтобы эти заметки были закончены сегодня вечером. Оставьте их на моей конторке, если я задержусь.

И он вошел в свой кабинет, все еще размышляя над проблемой, которую возбудило или, быть может, скорей укрепило и утвердило в нем имя Прингля. Самый уравновешенный из агностиков не лишен человеческих пристрастий, и возможно, что письмо этого миссионера имело в глазах профессора большой вес потому, что оно обещало подтвердить его личные гипотезы. Он уселся в свое широкое, удобное кресло, перед портретом Монтеня и снова перечитал краткое письмо преподобного Лююка Прингля.

Никому не были известны лучше, чем профессору Опеншоу, отличительные признаки письма неврастеника: нагромождение деталей, тончайший почерк, ненужная растянутасть и повторения. Ничего подобного в данном случае не было: короткое, деловое, напечатанное на машинке сообщение о том, что автор письма столкнулся с несколькими любопытными случаями исчезновения, а это явление как будто бы относится к области, которая интересует профессора, изучающего проблемы метафизики. Письмо произвело на профессора благоприятное впечатление; это благоприятное впечатление сохранилось у него, несмотря на легкое удивление, и тогда, когда, подняв глаза, он увидел, что преподобный Люк Прингль находится уже в комнате.

— Ваш клерк сказал мне, чтобы я прошел прямо к вам, —

сказал м-р Принглз извиняющимся тоном, но с широкой и довольно приятной улыбкой.

Улыбка была частично скрыта зарослями рыжевато-серой бороды и бакенбард — настоящие джунгли бороды, такие вырастают иногда на лицах белых людей, живущих в джунглях! — но глаза над вздернутым носом не имели в себе ничего диковинного или чужеземного. Опеншоу моментально обратил на него сосредоточенный разоблачающий и испепеляющий взгляд скептического анализа. Нелепая борода могла принадлежать психопату, но глаза совершенно противоречили бороде; они были полны того открытого и дружеского смеха, какого вы никогда не увидите на лицах серьезных мошенников и серьезных маньяков.

По мнению профессора Опеншоу, от человека с такими глазами можно было скорее ожидать веселого скептицизма, такой человек должен был громко выкрикивать свое поверхностное, но искреннее презрение к привидениям и духам. Как бы то ни было, профессиональный плут не позволил бы себе выглядеть столь легкомысленно. Человек был застегнут до самого горла в старый потертый плащ, и ничто в его одежде не указывало на его сан: впрочем, миссионеры из пустынных местностей не всегда считают нужным одеваться, как священники.

— Вы, вероятно, думаете, профессор, что все это очередная мистификация, — сказал м-р Принглз с какой-то абстрактной веселостью. — Так или иначе, я должен рассказать мою историю кому-нибудь, кто сможет ее понять, потому что она подлинна. И, кроме того, отбросив все шутки в сторону, она не только подлинна, но и трагична. Так вот, короче говоря, я служил миссионером в Ниа-Ниа, в одной из местностей Западной Африки, в гуще лесов, где почти единственным, кроме меня, белым человеком был начальник округа капитан Вейлс. Мы с ним очень подружились. Не то чтобы он питал симпатию к миссионерству; он был, если можно так выразиться, человеком тупым во многих отношениях, одним из тех людей действия с квадратным черепом и квадратными плечами, которые едва ли считают для себя необходимым думать. Вот это и делает данный случай еще более странным. Однажды после кратковременного отсутствия он вернулся в лес, в свою палатку, и сказал, что с ним произошло очень забавное происшествие и теперь он не знает, что ему делать. В руках у него была старая книга в порывшемся кожаном переплете, и он положил ее на стол рядом со своим револьвером и старым арабским мечом, который, очевидно, хранил как редкость. Он сказал, что эта книга принадлежала одному человеку с лодки, которая только что отплыла, и что человек этот поклялся, будто никто не должен раскрывать эту книгу или заглядывать в нее, если не хочет быть унесенным дьяволом, или исчезнуть, или еще что-то в этом роде. Вейлс сказал ему, что, разумеется, все это ерунда, и они поссорились, и, кажется, в результате этот человек, уязвленный упреком в трусости и суеверии, на самом деле заглянул в книгу, моментально уронил ее, шагнул к краю лодки и...

— Одну минутку, — сказал профессор, что-то записывавший. — Прежде чем вы продолжите свой рассказ, скажите мне

вот что: говорил этот человек Вейлсу, где он взял книгу или кому она принадлежала прежде?

— Да, — ответил Прингль, теперь совершенно серьезный, — кажется, он сказал, что везет эту книгу обратно д-ру Ханки, путешественнику по Востоку, ныне находящемуся в Англии. Ханки она принадлежала прежде, и он предупреждал относительно ее необычайных свойств. Ханки — человек способный, что и делает всю историю еще более странной. Но суть рассказа Вейлса гораздо проще. Она состоит в том, что человек, заглянувший в книгу, прямо перешагнул через борт лодки, и больше его никогда никто не видел.

— Верите ли вы этому сами? — спросил Опеншоу после паузы.

— Да, верю, — ответил Прингль. — Я верю этому по двум причинам. Во-первых, потому, что Вейлс — это человек, абсолютно лишенный воображения, а тут он добавил один штрих, который мог бы добавить только человек, обладающий большим воображением. Он сказал, что матрос перешагнул через борт в тихую и спокойную погоду, а между тем не было слышно никакого всплеска.

В течение нескольких секунд профессор молча смотрел на свои заметки, затем сказал:

— А вторая причина, по которой вы верите этому?

— Вторая причина, — ответил преподобный Льюк Прингль, — это то, что я видел своими глазами.

Снова наступило молчание, после которого он продолжал свой рассказ в той же суходеловитой манере. Каковы бы ни были его качества, в нем, во всяком случае, не было ни малейшей горячности, с которой обычно психопаты стараются убедить своего собеседника.

— Я уже сказал вам, что Вейлс положил книгу на стол рядом с мечом. Из палатки был только один выход, и случилось так, что я как раз стоял в дверях, глядя в лес, спиной к моему товарищу. Он ворчал, что это просто идиотство — в двадцатом веке бояться раскрыть книгу, спрашивая, почему бы ему самому, черт побери, не раскрыть ее. Тут какой-то инстинкт

проснулся во мне, и я сказал, что лучше ему не делать этого и вернуть книгу д-ру Ханки. «Какой вред может это принести?» — спросил он нетерпеливо. «Какой вред это уже принесло, — ответил я упрямо. — Что случилось с вашим другом на лодке?» Он не ответил. Я знал, что ему действительно нечего мне ответить. Он просто из тщеславия настаивал на своей логической правоте. «Если уж мы заговорили об этом, — сказал я, — то каково ваше объяснение тому, что практически имело место на лодке?»

Но он опять не ответил; я обернулся и увидел, что в палатке его нет.

Палатка была пуста. Книга лежала на столе, раскрытая, но переплетом вверх: как видно, он перевернул ее. Меч же лежал на земле около противоположной стены палатки, и в парусине был виден большой разрез,

словно кто-то проложил себе дорогу с помощью меча. Мне бросилась в глаза зияющая дыра в стене, но в нее виднелась лишь темная чаща леса.

С этого дня я больше никогда не видел капитана Вейлса и ничего о нем не слыхал.

Я завернул книгу в коричневую бумагу, приняв всяческие предосторожности, чтобы не заглянуть в нее самому, и привез ее обратно в Англию, намереваясь вернуть д-ру Ханки. Но тут я увидел в вашей статье некоторые замечания относительно подобных вещей и решил приостановить это дело и отнести книгу вам, так как вы пользуетесь репутацией человека уравновешенного и без предрассудков.

Профессор Опеншоу положил перо и пристально посмотрел на человека, сидевшего против него, сосредоточив в этом взгляде весь свой долгий опыт общения со многими совершенно различными типами мошенников и даже с некоторыми эксцентричными и незаурядными типами честных людей. В обычном случае он начал бы со здравого предположения, что вся эта история — нагромождение

лжи. В сущности, он и сейчас был склонен считать, что это нагромождение лжи. И в то же время он никак не мог увязать этого человека с его историей. Этот человек не старался казаться честным, как это обычно делает большинство шарлатанов и плутов. Тут было что-то другое. Этот человек выглядел честным, несмотря на то, чем он казался.

— Мистер Прингль, — сказал профессор резко, словно судья, делающий неожиданный ход, чтобы уличить свидетеля, — где находится ваша книга в настоящий момент?

Улыбка снова появилась на бородатой физиономии.

— Я оставил ее за дверью, — ответил м-р Прингль, — я хочу сказать — в соседней комнате. Быть может, это рискованно, не менее рискованно, чем другое.

— Что вы хотите сказать? — спросил профессор. — Почему вы не принесли ее прямо сюда?

— Потому, что я знал, — ответил миссионер, — что вы раскроете ее, как только увидите, не выслушав моей истории. Я решил, что, выслушав ее, вы, может быть, дважды подумаете о том, стоит ли раскрывать книгу. — Затем, помолчав, он добавил: — Там не было никого, кроме вашего клерка, а он выглядел вялым, медлительным субъектом, погруженным в деловые вычисления.

Опеншоу искренно рассмеялся.

— О, Берридж! — вскричал он. — Ваши волшебные тома будут при нем в полной сохранности, могу вас уверить. Берридж — это настоящая машина для вычисления. Он менее способен разворачивать чужие пакеты, завернутые в коричневую бумагу, чем всякое другое человеческое существо, если только можно назвать его человеческим существом.

Они вместе перешли из внутренней комнаты в контору, и, как только они вошли туда, м-р Прингль с криком подбежал к конторке клерка, ибо конторка клерка была на месте, но самого клерка не было. На конторке лежала выцветшая старая книга в кожаном переплете, без своей коричневой обертки; она была закрыта, но видно было, что кто-то недавно ее раскрывал. Конторка клерка стояла напротив широкого окна, которое выходило на улицу, и в стекле этого окна виднелась громадная неровная дыра, производившая такое впечатление, словно человеческое тело стремительно выбросилось через нее во внешний мир. Никаких других следов м-ра Берриджа не было.

Двое мужчин стояли неподвижно, словно статуи, и, наконец, профессор первый медленно вернулся к жизни. У него был еще более торжественно-беспристрастный вид, чем обычно. Медленно повернувшись к миссионеру, он протянул ему руку.

— Мистер Прингль, — сказал он, — прошу вас — простите меня! Прошу вас, простите меня за те мысли, которые у меня были; однако никто не может считать себя человеком науки, если игнорирует факт, подобный данному факту.

— Я думаю, — сказал Прингль в раздумье, — что нам следовало бы навести кое-какие справки. Не можете ли вы позвонить к нему и узнать, нет ли его дома?

— Не знаю, есть ли у него телефон, — ответил Опеншоу до-

вольно рассеянно, — он живет, кажется, где-то в районе Хампстеда, но я думаю, что кто-нибудь из его родственников или друзей зайдет за справками сюда, если заметит его отсутствие.

— Сможем ли мы дать его приметы. в случае если этого требует полиция? — спросил м-р Прингль.

— Полиция, — повторил профессор, внезапно выведенный из своей задумчивости. — Приметы... Право, он был так ужасно похож на всех остальных, если только не считать его круглых очков. Один из этих гладко выбритых молодых людей. Но полиция... Послушайте, что же нам теперь делать с этой сумасшедшей историей?

— Я знаю, что нам надо делать, — решительно ответил преподобный Прингль. — Я отнесу сейчас книгу прямо к этому чудаку доктору Ханки и спрошу его, что за дьявол скрывается во всем этом. Он живет не очень далеко отсюда. Я быстро вернусь и расскажу вам, что он говорил по этому поводу.

— О, это превосходно, — выговорил, наконец, профессор, видимо, довольный, что может хоть на минуту избавиться от ответственности.

Он сидел в своем кресле, когда те же быстрые шаги послышались на тротуаре перед домом и вошел миссионер, на этот раз, как это быстро отметил профессор, уже с пустыми руками.

— Доктор Ханки, — сказал Прингль внушительно, — пожелал оставить у себя книгу на один час и обдумать это дело. Он просил, чтобы мы оба зашли к нему, и тогда он сообщит нам свое решение. Он выразил желание, чтобы вы, профессор, непременно сопровождали меня во время второго визита.

Опеншоу продолжал молча смотреть в пространство, затем неожиданно спросил:

— Черт побери! Кто такой этот доктор Ханки?

— Это прозвучало у вас так, словно вы действительно считаете его самым чертом, — сказал Прингль, улыбаясь, — и, по моему, многие думали то же самое. Он завоевал свою репутацию в той же области, что и вы. Но он заслужил ее главным образом в Индии, где занимался изучением местной магии и прочего, а здесь он, быть может, и не так уж известен. Это загорелый худощавый низенький человек, злой, как бес, хромой и с подозрительным характером, но в этих краях он как будто бы ведет самый обыденный и респектабельный образ жизни. В конце концов я не знаю о нем ничего плохого, если не считать плохим тот факт, что он единственный человек, которому, по-видимому, кое-что известно относительно всей этой дикой истории.

Профессор Опеншоу тяжело поднялся с места и подошел к телефону; он позвонил патеру Брауну. Затем он снова сел и опять погрузился в глубокое раздумье.

Явившись в ресторан, где он условился пообедать с профессором Опеншоу, патер Браун некоторое время ожидал в вестибюле, полном зеркал и пальмовых деревьев в кадках. Он догадывался, что произошло какое-то неожиданное событие. Он даже на минуту усомнился, придет ли профессор вообще, и, когда профессор все-таки пришел, патеру Брауну стало ясно, что его смутные догадки оправдались. Ибо весьма странный вид — бе-

зумные глаза и даже взъерошенные волосы — был у профессора, вернувшегося вместе с мистером Принглем из экспедиции в северную часть Лондона.

Они разыскали там дом, стоявший недалеко в стороне, но не-подалеку от других домов. Они обнаружили медную дощечку, на которой было точно выгравировано: «Дж. И. Ханки, д-р медицины, чл. Корол. ак. наук». Они не нашли только самого Дж. И. Ханки, д-ра медицины, члена Корол. ак. наук. Они нашли лишь то, что уже бессознательно приготовил им заговор кошмаров: мешанскую гостиную с проклятой книгой, лежавшей на столе и производившей такое впечатление, словно кто-то только что ее читал, а позади — широко распахнутую заднюю дверь и еле заметный след шагов, идущий вдоль крутой садовой тропинки, такой легкий след, что, казалось, хромо́й человек никогда не смог бы пробежать так легко. Но это пробежал именно хромо́й человек, ибо в этих немногих следах можно было разглядеть уродливый оттиск специального сапога, затем два оттиска одного этого сапога (словно человек подпрыгнул) и затем — ничего. Это было все, чему мог научить д-р Дж. И. Ханки. Он принял свое решение. Он разгадал тайну оракула и получил должное возмездие.

Когда профессор и Прингль вошли в отель, под пальмы, Прингль внезапно уронил книгу на маленький столик, словно она жгла ему пальцы. Священник с любопытством взглянул на нее; на переплете сверху было крупными буквами вытиснено следующее двустишие:

Кто в эту книгу посмотрел,
Тот смерть крылатую узрел.

Внизу же, как патер обнаружил несколько позже, были такие же предостережения на греческом, латинском и французском языках. Профессор и Прингль вошли в ресторан, испытывая потребность выпить чего-нибудь, вполне естественную после перенесенных волнений и усталости, и Опеншоу окликнул лакея, который принес им два коктейля.

— Надеюсь, вы пообедали с нами, — сказал профессор миссионеру, но м-р Прингль с улыбкой покачал головой.

— Извините меня, — сказал он, — я хочу пойти куда-нибудь и сразиться с этой книгой и со всей этой историей в одиночестве. Не могу ли я воспользоваться вашей конторой на час или на два?

— Но я думаю... Я боюсь, что она заперта, — ответил Опеншоу несколько удивленно.

— Вы забываете, что там имеется дыра в стекле.

Преподобный Льюк Прингль улыбнулся самой широкой своей улыбкой и исчез во мраке улицы.

— В конце концов довольно странный субъект, — сказал профессор, нахмурившись.

Он был несколько удивлен, увидев, что патер Браун беседует с лакеем, принесшим коктейли, и, по-видимому, о самых интимных делах лакея, потому что упоминалось имя какого-то ребенка, который был уже теперь вне опасности. Он высказывал некоторое удивление по поводу этого факта, недоумевая, каким

образом мог священник познакомиться с таким человеком; но патер Браун сказал только:

— О, я ведь обедаю здесь по несколько раз в год и беседую с ним время от времени.

Сам профессор, обедавший здесь около пяти раз в неделю, подумал, что ему никогда и в голову не приходило беседовать с лакеем, но его мысли были внезапно прерваны вызовом к телефону. Голос, вызвавший его, назвал себя Принглем; это был какой-то заглушенный голос, но вполне возможно, что его заглушали все эти заросли бороды и бакенбард. Того, что он сообщил, оказалось вполне достаточно для установления тождества.

— Профессор, — сказал голос, — я больше не в состоянии выносить это. Сейчас я сам загляну в нее. Я говорю из вашей конторы, и книга лежит напротив меня. Если что-нибудь случится со мной, то это будет моим прощанием с вами. Нет. Не пытайтесь остановить меня. Все равно вы не успеете. Я раскрываю книгу. Я...

Опеншоу показалось, что он слышит отзвук какого-то содрогания, какого-то трепета, какого-то почти беззвучного падения; потом он несколько раз прокричал в трубку имя Прингля, но больше ничего не услышал. Он повесил трубку и, обретя свое великолепное академическое спокойствие отчаяния, вернулся к столу и тихо занял свое место. Затем с полнейшим хладнокровием, словно описывая провал какого-нибудь незначительно-го фокуса на одном из «сеансов», он рассказал священнику все подробности таинственного кошмара.

— Пять человек исчезли таким невероятным образом, — сказал он. — Каждый из этих случаев необычаен, но случай, который я просто не в состоянии переварить, это случай с моим клерком Берриджем. Он был спокойнейшим существом в мире.

— Да, — ответил патер Браун. — Как бы то ни было, а странно, что Берридж проделал такую штуку. Он был чудовищно добросовестен. Он так старался всегда отделять все дела конторы от всяких своих проделок. Ведь вряд ли кто-нибудь знал, что дома он был большим шутником и...

— Берридж! — вскричал профессор. — Разве вы знали его?

— О, нет, — ответил патер Браун небрежно, — но, как вы заметили, я знаю лакея. Мне часто приходилось ожидать в конторе вашего возвращения, и, разумеется, я проводил часть дня с беднягой Берриджем. Это был большой оригинал. Я припоминаю, как однажды он мне сказал, что хотел бы коллекционировать ничего не стоящие вещи, подобно тому как коллекционеры собирают те нелепые вещи, которые они считают ценными. Вы, наверное, помните известный рассказ о женщине, которая собирала ничего не стоящие вещи.

— Я не вполне уверен, что понимаю, о чем вы говорите, — сказал Опеншоу. — Но если даже мой клерк и был оригиналом (а я в жизни не знал ни одного человека, которого считал бы менее способным на оригинальность), это не объясняет того, что с ним случилось, и уж, конечно, не объясняет случаев с остальными.

— С какими это с остальными? — спросил священник.

Профессор взглянул на него и сказал, отчетливо выговаривая слова, словно обращаясь к ребенку:

— Дорогой патер Браун, исчезли пять человек.

— Дорогой профессор Опеншоу, ни один человек не исчез.

Патер Браун смотрел на своего собеседника не менее твердо и говорил не менее отчетливо. Тем не менее профессор потребовал повторения этих слов, и они были повторены все с той же отчетливостью.

— Я сказал, что ни один человек не исчез.

После минутного молчания священник добавил:

— Я думаю, что самое трудное — это убедить кого-нибудь в том, что $0:0=0$. Люди верят самым странным вещам, если они идут подряд. Макбет поверил трем словам трех ведьм, не смотря на то, что первое он знал сам, а последнее он мог осуществить только впоследствии. Но в вашем случае среднее слово — это самое слабое из всех.

— Что вы хотите сказать?

— Вы не видели ни одного исчезновения. Вы не видели, как исчез человек из палатки. Все это основано на словах Прингля, о личности которого мы не будем спорить с вами сейчас. Но вы можете допустить следующее; вы бы сами никогда не приняли его слов всерьез, если бы вы не увидели, что они подтвердились исчезновением вашего клерка. Так же как Макбет никогда не поверил бы в то, что он будет королем, если бы не подтвердилась его уверенность в том, что он будет Кандорским таном.

— Это, быть может, и верно, — сказал профессор, медленно кивая. — Но когда это подтвердилось, я убедился в том, что это правда. Вы сказали, что я ничего не видел сам. Но я видел. Я видел, как исчез мой клерк. Исчез Берридж.

— Берридж не исчез, — сказал патер Браун. — Наоборот.

— Какого черта вы хотите сказать этим «наоборот»?

— Я хочу сказать, — сказал патер Браун, — что он никогда не исчезал. Он появился.

Опеншоу взглянул на своего друга, но, когда он сосредоточился на новом освещении вопроса, в голове у него совсем помутилось. Священник продолжал:

— Он появился в вашем кабинете, нацепив густую рыжую бороду, напялив на себя мешковатый плащ, и выдал себя за преподобного Льюка Прингля. А вы всегда обращали на своего клерка так мало внимания, что не узнали его, когда он был в этом наспех сделанном костюме.

— Но право же... — начал было профессор.

— Могли ли бы вы описать его полиции? — спросил патер Браун. — Нет, не могли бы. Вы, вероятно, знали только, что он был гладко выбрит и носил цветные стекла в очках; и если бы он просто снял эти очки — это было бы лучше всякого переодевания. Вы никогда не видели его глаз, так же как и его души, — веселых, смеющихся глаз. Он положил свою нелепую книгу и всю эту бутафорию, затем спокойно разбил окно, надел бороду и плащ и вошел к вам в кабинет, зная, что вы ни разу в жизни не посмотрели на него.

— Но с какой стати он сыграл со мною такую дикую шутку? — спросил Опеншоу.

— С какой стати? Именно потому, что вы ни разу в жизни не посмотрели на него, — сказал патер Браун, и его рука

слегка согнулась и сжалась в кулак, словно он хотел ударить по столу. — Вы называли его «машиной для вычисления», потому что только с этой стороны вам и нужны были его услуги. Вы никогда не видели того, что любой случайный прохожий мог бы разглядеть в течение пятиминутного разговора: что это человек с характером, что это большой любитель древности, что у этого человека есть свои собственные взгляды на вас, и на ваши теории, и на вашу репутацию «знатока людей». Неужели же вам непонятно его стремление доказать, что вы не смогли узнать своего собственного клерка? У него забавнейшие представления о разных вещах — например, о коллекциониро-

вании бесполезных вещей. Знаете вы рассказ о женщине, купившей две бесполезнейшие вещи — медную дощечку одного старого доктора и деревянную ногу? Вот на этих-то вещах ваш изобретательный клерк и построил образ замечательного доктора Ханки, построил так же легко, как и образ несуществующего капитана Вейлса. Поместив их у себя в доме, он...

— Вы хотите сказать, что дом, где мы были за Хамстедом, это был дом, где живет сам Берридж? — спросил Опеншоу.

— А разве вы знаете его дом или хотя бы его адрес? — отпарировал священник. — Вот что, не думайте, что я отношусь без уважения к вам или к вашей работе. Вы — великий служитель истины, и вам известно, что я не могу относиться без уважения к таким вещам. Вы видели насквозь немало лжецов, когда заранее считали их таковыми. Но смотрите не только на лжецов. Смотрите, хотя бы изредка, и на честных людей вроде этого клерка.

— Где теперь Берридж? — спросил профессор после длительного молчания.

— У меня нет ни малейшего сомнения в том, что он вернулся в вашу контору, — ответил патер Браун. — Фактически он вернулся в вашу контору в тот самый момент, когда преподоб-

ный Льюк Прингль прочел страшную книгу и исчез в пространстве.

Снова наступило молчание, и затем профессор Опеншоу рассмехался, рассмеялся как большой человек, который достаточно велик, чтобы не бояться выглядеть маленьким. Потом он отрывисто произнес:

— Пожалуй, я это заслужил, заслужил тем, что не замечал ближайших своих помощников. Но вы должны согласиться, что нагромождение событий было просто устрашающее. Неужели вы ни разу, ни на минуту не почувствовали ужаса перед этой книгой?

— Ах, перед этой книгой, — сказал патер Браун. — Я раскрыл ее сразу, как только заметил, что она здесь лежит. В ней одни только чистые страницы. Я, видите ли, не суеверен.

Перевод с английского Д. ЛИВШИЦА

На 1-й стр. обложки:
рисунок художника А. Гусева
к фронтовым запискам кино-
оператора И. Вихирева.

На 2-й стр. обложки:
иллюстрация художника Н. Гри-
шина к фантастической повес-
ти Г. Голубева «Огненный
пояс».

На 4-й стр. обложки:
строительство Днепродзержин-
ской ГЭС.

Фото Н. Селюченко

**В следующем но-
мере читайте при-
ключенческий рас-
сказ С. Жемайтиса
«Бешеный тигр».**

**Редакционная коллегия: А. П. ДНЕПРОВ, И. А. ЕФРЕ-
МОВ, В. И. ЗЫСЛИН, А. П. КАЗАНЦЕВ, В. С. САПАРИН, Н. В. ТО-
МАН, В. М. ЧИЧКОВ.**

Художник-оформитель А. ГУСЕВ.

**Рукописи не возвращаются.
Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».**

**Адрес редакции: Москва, А-30, Сущевская, 21. Тел. Д 1-15-00,
доб. 4-10.**

**А02527. Подп. к печ. 5/II 1965 г. Бумага 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5 (В,2).
Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 300 000 экз. Цена 20 коп. Зак. 2375.**

**Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.**

ФАНТАСТИКА ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Цена 20 коп.